

276
1613

Cesare Lombroso

801-16
1242

НОВѢЙШЕ УСПѢХИ НАУКИ



ПРЕСТУПНИКЪ.

(L'Anthropologie criminelle et ses récents progrès par C. Lombroso).

Перевелъ, съ разрѣшенія автора, подъ редакціей и съ предисловіемъ
магистра уголовного права Л. М. БЕРЛИНА,
докторъ С. Л. РАППОПОРТЪ.

Изданіе Юрид. Книж. Магази́на Н. Н. Мартынова.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія С. М. Николаева и К^о, Вас. Остр., 3 л., № 40
1892.

Юридическаго книжнаго магазина Н. К. МАРТЫНОВА

(С.-Петербургъ, Б. Морская, 28).

А. Н. Анисимовъ. (С.-Петербургскій нотариусъ):

- 1) **Домашнія духовныя завѣщанія** (Практич. руководство, съ прилож. образцовъ) 1891 г. ц. 40 к. (пер. 10 к.).
- 2) **Положеніе о нотаріальной части.** (Съ законод. тивами, разъясненіями Сената, циркулярами и полненіями по Октябрь 1889 г.), ц. 1 р. 50 к. (перес. 30 к.).
- 3) **Уставъ о гербовомъ сборѣ.** Изданіе 2, съ разъяс. Сената и дополненіями по Сентябрь 1890 г. ц., 8 к. (перес. 15 к.).
- 4) **Уставъ о пошлинахъ.** Съ разъясн. Сената и поздн.шими узаконеніями. 1890 г. ц. 1 р. (перес. 20 к.).
- 5) **Стѣнная гербовая таблица** 35 к.
- 6) **Алфавит. указатель совершеннолѣтнимъ лицамъ ограниченнымъ въ правоспособности** (свѣдѣнія 1 Января 91 г.) ц. 5 р. (перес. 60 к.).

Волконскій кн. В. А.:

Очерки польской ипотеки (практич. руководство изученію дѣйствующаго законодательства по ипотекѣ Варшавск. судебн. округъ). Изданіе, одобрено Мин. Юстиціи. 1891 г. ц. 3 р. (перес. 30 к.).

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ (Проф. В. Юрид. Акад.). **Характеристика общей части уложенія и воинскаго устава о наказаніяхъ.** (Диссертация). 1890 г., ц. 1 р. 50 к. (перес. 30 к.).

Куницкій В. И. **Законъ 3 Іюня 1891 г. объ укрощеніи судопроизводства** (съ мотивами и разъясн., сост. поруч. Мин. Юст.), ц. 60 к. (перес. 10 к.).

Н. Мартыновъ: 1) **Новый законъ объ узаконеніи сыновленія дѣтей,** съ прилож. относящихся къ нему постановленій, разъясненій Сената и образцовъ пренесеній. 1891 г. ц. 40 к. (перес. 10 к.).

A 276
613 Cesare Lombroso ф 1-76
14584

НОВѢЙШІЕ УСПѢХИ НАУКИ

О ПРЕСТУПНИКѢ.

(L'Anthropologie criminelle et ses récents progrès par C. Lombroso).

Перевелъ, съ разрѣшенія автора, подъ редакціей и съ предисловіемъ

магистра уголовного права Л. М. БЕРЛИНА,

докторъ С. Л. РАППОПОРТЪ.

Изданіе Юрид. Книж. Магазина Н. К. Мартынова.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія С. М. Николаева и К^о, Вас. Остр., 3 л., № 40
1892.

А 171
621

БРУАРДЕЛЮ, МОТЭ и РУССЕЛЮ
АПОСТОЛАМЪ
УГОЛОВНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

во Франціи.

Посвящаетъ

С. LOMBROSO.

Дозволено цензурою 2 Февраля 1892 г. С.-Петербургъ.

Мы перевели слова „уголовная антропология“ словами „наука о преступномъ человѣкѣ“; намъ могутъ возразить, что наука это систематизированное знаніе, вытекающее изъ непреложныхъ началъ и что уголовная антропология не можетъ быть поэтому названа наукой: непреложныхъ началъ она еще не открыла, а системы не выработала. Несомнѣнно однако, что уголовная антропология имѣетъ свои непреложныя начала и что онѣ будутъ открыты.

Великая, бессмертная заслуга Ломброзо въ области знанія вообще заключается въ указаніи на эту возможность. Для насъ же юристовъ заслуга Ломброзо заключается въ томъ, что онъ указалъ новые пути къ изученію уголовного права, пути, которыми идетъ всякая истинно научная работа: пути наблюденій и быть можетъ даже опытовъ; не менѣе важно для насъ юристовъ и то, что Ломброзо даетъ

попутно то, что является необходимым послѣдствіемъ его изслѣдованій, тѣ размышленія, на которыя онъ наводитъ, тѣ выводы, въ сферѣ чисто юридической, къ которымъ приводятъ его работы.

Въ уголовномъ правѣ есть вѣковой вопросъ, безъ отвѣта на который не мыслима никакая система уголовного права—это вопросъ о наказаніи, о законности его, о его правомѣрности.

По какому праву наказываемъ мы, т. е. причиняемъ зло нашему ближнему, совершаемъ такой поступокъ, который во всѣхъ случаяхъ, когда онъ не окрещенъ именемъ наказанія, составляетъ преступленіе, вызывающее наше неодобреніе? Какимъ образомъ мы, карающіе смертю, каторгой и заточеніемъ причиняемъ смерти, сами причиняемъ ее?

Мы, юристы, знаемъ, что на этотъ вопросъ отвѣчали часто и много и всегда неудачно, а наказаніе тѣмъ не менѣе примѣнялось, какъ законъ природы, который царить, не справляясь съ тѣмъ, объяснило себѣ его человѣчество или нѣтъ. Но человѣчество уже такъ создано, что оно не можетъ успокоиться на одномъ созерцаніи явленій, оно должно

ихъ объяснить себѣ и несомнѣнно, что уголовная антропология даетъ матеріаль къ такому объясненію. Уже статистика установила, что преступленія или наказуемыя правонарушенія не случайныя явленія въ жизни отдѣльнаго человѣка, а явленія общественнаго порядка, явленія подчиненныя общимъ законамъ общественной жизни, состоящія въ зависимости отъ всѣхъ тѣхъ факторовъ, которые вліяютъ на общественную жизнь даннаго народа.

Ломброзо сдѣлалъ шагъ впередъ, онъ установилъ самое содержаніе этого явленія; послѣднее выражается въ томъ, что общественная жизнь народа, условія въ которыхъ онъ живетъ, борется, торжествуетъ и погибаетъ, даютъ извѣстный ⁰/₁₀₀ *анатомически* изуродованныхъ людей, которые вслѣдствіе своего анатомическаго уродства думаютъ, чувствуютъ, ощущаютъ, радуются и унываютъ иначе чѣмъ нормальный типъ современнаго человѣка. Доказательства, которыя Ломброзо и его школа приводятъ въ пользу того, что преступникъ представляетъ особую антропологическую разновидность „преступника“, котораго можно распознать путемъ медицинскаго осмотра, не-

зависимо отъ того совершилъ онъ преступленіе или нѣтъ—доказательства эти не всегда удачны, не всегда убѣдительны, но тѣмъ не менѣе провозглашенная Ломброзо истина непреложна—человѣкъ это часть природы и подчиненъ всѣмъ ея законамъ.

Собранъ необъятный, неопровержимый матеріаль, доказывающій, что и преступленіе и преступникъ продукты тѣхъ условій, въ которыхъ рождается, живетъ и погибаетъ современный человѣкъ; отсюда прямой и неизбѣжный выводъ, что аномалія души, называемая преступленіемъ, должна воплощаться въ аномалии тѣла—въ типѣ преступника. Можно спорить о признакахъ этого типа, но не о самомъ существованіи его. Не можетъ быть поэтому рѣчи о томъ, что преступникъ это просто злой выродокъ, имѣющій выборъ между добромъ и зломъ и выбирающій зло, рождающійся такимъ же невиннымъ и чистымъ, какъ и всякій другой и черпающій свою злобу изъ себя. Мы не можемъ ему сказать: „неповинны мы въ грѣхъ твоимъ, не причастны ему, ты не отъ плоти и крови нашей, не отъ духа нашего. уйди, оставь насъ, претерпи муки, которыя заслужилъ, мы же ихъ не заслужили.“

Путемъ долгаго неустаннаго труда, умъ человѣческій открылъ, что все зло, какое въ человѣкѣ имѣется, берется имъ извнѣ, что оно приносится имъ готовое въ минуту рожденія, что оно растетъ, зрѣетъ и разрушаетъ все хорошее въ человѣкѣ подъ вліяніемъ тѣхъ условій, которыя созданы нами, словомъ, что не злой человѣкъ виноватъ передъ нами, а мы виноваты передъ нимъ. Заслуга Ломброзо тѣмъ велика, что онъ намъ показалъ степень нашей вины передъ преступникомъ, онъ намъ показалъ, что мы не только оставили преступника холоднымъ, голоднымъ, темнымъ и сирымъ, но что мы исказили его образъ человѣческій, сѣзуили его черепъ, распатали его нервы, изсушили его мускулы, измозжили его кости, покрыли морщинами лицо его, испортили его зрѣніе, погубили слухъ, обоняніе и осязаніе его, убили его воображеніе, словомъ отодвинули его тѣлесно отъ человѣческой породы, озвѣрили его и не можемъ ждать отъ него человѣческихъ чувствъ, мыслей и поступковъ.

Классическіе народы древности могли бы выйти изъ этого положенія очень просто: не вдаваясь въ разъясненіе причинъ, вызвавшихъ такое озвѣреніе человѣка, они просто примѣ-

нили бы къ преступнику нечеловѣческіе законы.

Но мы, люди болѣе тонкой, интеллектуальной ткани, не можемъ помириться съ такой расправой. Мы требуемъ наказанія только виноватаго и, если наука привела насъ къ сомнѣнію въ виновности людей, совершающихъ преступленія, то какъ, по какому праву станемъ мы ихъ *наказывать*. Пробовали на это отвѣтить тѣмъ, что наказаніе слѣдуетъ замѣнить исправленіемъ, но та же антропология доказываетъ, что есть аномаліи неизлѣчимыя— по теоріи исправленія поступки ихъ пришлось бы оставлять вовсе безъ репрессіи, да и вообще пока медицина находится въ томъ безпомощномъ состояніи, въ которомъ она пребываетъ теперь, объ исправленіи или вѣрнѣе объ излѣченіи преступника рѣчи быть не можетъ, тѣмъ болѣе, что условія общественной гігіены совершенно безнадежны; преступникъ, даже излѣченный, попадетъ опять таки въ тѣ же условія и конечно вновь заболѣетъ той же болѣзью. И такъ трудами уголовной антропологии установлено, что преступникъ не подлежитъ наказанію ради его самого, что наказаніе преступника также бесполезно и безче-

ловѣчно для него, какъ наказаніе сумасшедшаго, юродиваго, эпилептика. Но если наказаніе безусловно бесполезно для преступника, то слѣдуетъ ли изъ этого, что оно вообще излишне?

Что наказаніе нужно, что оно при современномъ общественномъ устройствѣ необходимо, въ этомъ легко убѣдиться, если представить себѣ наше общество на другой день послѣ объявленія закона объ отмѣнѣ наказанія за преступленія.

Такой законъ имѣлъ бы прямымъ послѣдствіемъ воцареніе дикаго самосуда, т. к. никто изъ насъ не согласился бы, чтобы человѣкъ, причинившій ему зло, не претерпѣлъ также зла—не понесъ, какъ мы привыкли выражаться, „заслуженнаго наказанія.“ выраженіе это, какъ доказываетъ антропология, крайне наивное, т. к. преступникъ „заслуживаетъ“ наказанія столько же, сколько человѣкъ, который корчится въ припадкѣ падучей болѣзни. Но съ чувствомъ, которое выражено этими словами, приходится считаться: въ современномъ нормальномъ человѣкѣ слишкомъ силенъ еще звѣрь, чтобы можно было мечтать объ отмѣнѣ наказанія и въ этой необходимости, т. н., наказанія—

его законность—безъ него не мыслимъ государственный строй, несовмѣстимый съ самосудомъ потому, что самосудъ всегда жестокъ, запальчивъ, безмѣренъ, неразборчивъ, несправедливъ, самосудъ и анархія нераздѣльны и, если для сохраненія государственнаго строя, для устраненія самосуда, государство должно взять на себя причиненіе преступнику того зла, причиненіе котораго требуетъ тотъ, кто претерпѣлъ зло, то, не смотря на всю нравственную безсодержательность такого дѣйствія, государству приходится брать его на себя, какъ иногда приходится допустить маленькую ложь, чтобы не оскорбить человѣка. не унизить его, не причинить большаго зла.

И такъ наказаніе это причиненіе зла преступнику, которое необходимо при современномъ состояніи культуры, при современной цивилизаціи. Цѣль наказанія—удовлетвореніе злобному желанію причинить зло преступнику, которое свойственно современному нормальному человѣку. Въ виду такой цѣли, наказаніе должно быть непременно зломъ, т. е. должно причинять страданія преступнику, иначе оно не достигнетъ своего назначенія.

Наказаніе правомѣрно потому, что госу-

дарство обязано его примѣнять—государство вообще имѣетъ только тѣ, но за то и всѣ тѣ права, какія ему необходимы для выполненія своихъ обязанностей—оно обязано дѣлать все, что необходимо для осуществленія его задачъ и можетъ для этого дѣлать все, что въ его власти, въ этомъ случаѣ понятія права и власти сливаются. Въ данномъ случаѣ государство натуральную повинность—личную месть, замѣняетъ денежнымъ налогомъ—податью по отправленію правосудія и само уже удовлетворяетъ общественную потребность причинять зло злымъ и удовлетворяетъ ее конечно какъ крупный предприниматель лучше, чѣмъ отдѣльные мелкіе хозяева—экономнѣе, правильнѣе, плодотворнѣе; совершенно также какъ оно дорожную повинность замѣняетъ денежнымъ сборомъ и вмѣсто дрянныхъ проселочныхъ тропинокъ, устраиваетъ широкія шоссе, желѣзныя дороги и т. п. Бываютъ моменты, когда потребность въ причиненіи зла вырастаетъ: во время революцій и т. п., тогда государство выпускаетъ исключительно строгіе законы, но вообще оно регулируетъ эту потребность общества, при чемъ иногда кодексъ запаздываетъ и даетъ больше зла, чѣмъ требуетъ обще-

ство (такъ было со старымъ Обще-Германскимъ правомъ), иногда напротивъ оно даетъ его недостаточно.

Все сказанное вытекаетъ изъ изслѣдованій по уголовной антропологии и въ этомъ ея косвенная заслуга, имѣющая огромное значеніе для юриспруденціи. Но не менѣе существенны и ея непосредственныя заслуги. Чѣмъ больше будутъ распространяться здравыя понятія о взаимныхъ отношеніяхъ и счетахъ нормальнаго и преступнаго человѣка, чѣмъ чаще нормальному человѣку придется краснѣть и опускать глаза передъ преступнымъ его собратомъ, чѣмъ гуще будетъ разливаться по его лицу краска стыда при желаніи его платить зломъ за зло, тѣмъ легче будутъ прививаться понятія объ условномъ наказаніи, одной изъ вѣличайшихъ мыслей 19-го вѣка, тѣмъ быстрѣ пойдетъ то смягченіе нравовъ, которое заставитъ отворачиваться отъ причиненія какого бы то ни было зла преступнику съ тѣмъ же отвращеніемъ, съ которымъ мы теперь говоримъ о колесованіи, четвертованіи, битѣѣ кнутомъ и тому подобныхъ проявленіяхъ звѣря въ человѣкѣ, которыя еще такъ недавно казались человѣчеству и желательными, и полез-

ными, и справедливыми. Чѣмъ обширнѣе будетъ кругъ читателей уголовной антропологии, чѣмъ доступнѣе она будетъ по своему изложенію, тѣмъ легче будетъ ей сослужить службу дѣлу цивилизаціи и культуры. Невольно приходитъ на умъ сравненіе великаго Беккарія съ Ломброзо: и тотъ, и другой воздвигли себѣ памятникъ нерукотворный, не только словомъ своимъ за униженныхъ и оскорбленныхъ, не только улучшеніемъ участи преступнаго человѣка, но тѣмъ оздоровляющимъ вліяніемъ, какое они имѣли и имѣютъ на нормальнаго человека.

Л. Берлинъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

I.

Быстрое, стремительное развитіе уголовной антропологіи лишаетъ ученыхъ возможности спокойно выжидать появленіе новыхъ излѣдованій, обыкновенно очень объемистыхъ, снабженныхъ обильнымъ матеріаломъ и требующихъ для своего появленія продолжительнаго времени. Спеціальныя журналы (*Archivio di Psichiatria e scienze penali*, *Revue philosophique*, Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи Мержеевского, Архивъ психіатріи Ковалевского и др.) хотя и даютъ ясное представленіе о всѣхъ вновь появляющихся работахъ, но слѣдить за ними доступно не всякому. Поэтому я счелъ полезнымъ въ настоящее время сдѣлать краткій очеркъ усѣховъ уголовной антропологіи.

Но прежде всего, я долженъ отвѣтить обширной критикѣ, возбужденной изученіемъ этой новой отрасли знаній; размѣры критики уже сами по себѣ служатъ доказательствомъ серьезнаго значенія уголовной антропологіи.

Топинаръ не признаетъ за мной права устанавливать существованіе типа преступника, такъ какъ я самъ признаю, что этотъ типъ вполне отсутствуетъ въ 60 наблюденіяхъ изъ 100.

Конечно, если съ понятіемъ о типѣ связывать представленіе о томъ, что онъ долженъ встрѣчаться во всѣхъ наблюденіяхъ, то его нельзя признать. Но уже въ моихъ первыхъ трудахъ я указывалъ на то, что къ понятію о типѣ преступника надо относиться также, какъ мы относимся къ понятію средняго даннаго; если въ статистикѣ говорятъ, что средняя продолжительность жизни равна 32 годамъ, а наибольшая смертность падаетъ на декабрь, то никому не придетъ въ голову предполагать, что всѣ, или почти всѣ должны умирать въ 32 года и въ декабрѣ мѣсяцѣ.

И не я одинъ придерживаюсь такого опредѣленія среднихъ.

Я могу сослаться на слѣдующія строки

замѣчательнаго труда Топинара ¹⁾, наиболѣе яраго изъ моихъ противниковъ.

„Типъ, говоритъ Gratiolet, это синтетическое впечатлѣніе“.

„Типъ, по Goethe, есть абстрактное общее представленіе“, которое мы получаемъ, наблюдая сходства и различія. Родовой типъ, замѣчаетъ Isidore G. Saint-Hilaire, нельзя видѣть глазами, его можно только представить себѣ мысленно. Типы людей, говоритъ Брока, не существуютъ въ дѣйствительности; это — абстрактныя идеальныя представленія, являющіяся результатомъ сравненія расовыхъ разновидностей; эти представленія состоятъ изъ совокупности характерныхъ чертъ, общихъ извѣстному числу расовыхъ разновидностей“.

„Мы вполне согласны съ этими взглядами: типъ есть собраніе характерныхъ чертъ, по отношенію къ той группѣ, которую онъ выражаетъ; типъ есть собраніе отличительныхъ чертъ, наиболѣе выдающихся и наичаще встрѣчающихся. Отсюда вытекаетъ цѣлый рядъ выводовъ, которыхъ антропологъ не долженъ

¹⁾ Topinard. *Elements d'Anthropologie generale*, стр. 191 и далѣе. Paris 1885.

забывать ни въ своей лабораторіи, ни среди народовъ центральной Африки“.

„Типъ, по прекрасному выраженію Isidore G. Saint-Hilaire, это — неподвижная точка, общій центръ, а разновидности представляютъ отклоненія въ различныхъ направленіяхъ; безчисленно разнообразныя колебанія. Природа играетъ вокругъ этой точки, по выраженію древнихъ анатомовъ, сохранившемуся до послѣдняго времени въ германскомъ нарѣчій“.

„Въ примѣрахъ, при такомъ прекрасномъ опредѣленіи, нѣтъ надобности. Тѣмъ не менѣе возьмемъ сотню однородныхъ череповъ, напри- мѣръ, серію овернскихъ череповъ, описанную Брока. Эта серія череповъ была добыта на древнемъ горномъ кладбищѣ, въ уединенной мѣстности; прибавимъ, что черепъ даетъ полное представленіе объ индивидуумѣ, которому принадлежитъ, съ тѣмъ преимуществомъ, что черепъ можно измѣрять, вертѣть въ рукахъ, словомъ обходиться съ нимъ, какъ угодно.“

При первомъ взглядѣ васъ поражаютъ различія череповъ: нѣтъ двухъ череповъ совершенно схожихъ между собою; послѣ самыхъ тщательныхъ изслѣдованій надо сознаться, что всѣ они отличаются другъ отъ друга

какою-либо чертою. А между тѣмъ, за малыми исключеніями, они всѣ имѣютъ нѣчто общее, что соединяетъ ихъ въ одну семью, и отличаетъ ихъ отъ другихъ группъ, напримѣръ, отъ сотни череповъ сосѣднихъ Басковъ, или, еще болѣе, отъ сотни Ново-Каледонцевъ.

Въ нѣкоторыхъ черепахъ такое семейное сходство очень сильно выражено. Приступая къ изслѣдованію характерныхъ чертъ и измѣряя черепа для болѣе точнаго ознакомленія съ ними, мы замѣчаемъ, что среди нихъ попадаются болѣе или менѣе брахицефалическіе, мезориническіе и проч. Выражая это въ цифрахъ, служащихъ числовымъ выраженіемъ особенностей черепа, и располагая эти цифры по разрядамъ, согласно нижеизложенному методу, мы замѣтимъ, что извѣстная степень черепныхъ особенностей повторяется наибольшее число разъ, и что слѣдующія степени идутъ все уменьшаясь, и уменьшаясь. Тоже и по отношенію къ прогнатизму, мезоринизму и двадцати другимъ подобнымъ отличительнымъ чертамъ. Черепъ, представляющій собраніе характерныхъ чертъ, выраженныхъ въ наичаще встрѣчающейся степени, есть полное выраженіе этой группы череповъ; въ немъ выразится

искомый фамильный обликъ ея, ея совершенный типъ. Но такого идеальнаго черепа не существуетъ въ дѣйствительности; и въ серіи изъ тысячи череповъ, Вы, быть можетъ, не встрѣтите ничего подобнаго“.

„Измѣряя характерныя черты череповъ и выводя изъ этихъ измѣреній среднія величины, Брока получилъ такъ называемый „средній черепъ“. Но этотъ черепъ, обладающій всѣми средними размѣрами, или, по крайней мѣрѣ, средними отношеніями, и представляющій среднюю форму, пожалуй даже средній объемъ тѣмъ не менѣе представляетъ искусственное созданіе. Такой черепъ не соотвѣтствуетъ, строго говоря, ни идеальному черепу, полученному при изслѣдованіи по серіямъ, только что указаннымъ, ни какому бы то ни было реальному черепу. Только случайно можно встрѣтить средній, или типическій черепъ“.

„Типъ какой-нибудь серіи череповъ, или индивидуумовъ, не представляетъ осязаемаго предмета, доступнаго ощупыванію; это — продуктъ работы, это — желаніе, надежда, „абстрактный и общій образъ“, по выраженію Goethe. Тотъ-же результатъ получается, если вмѣсто математическихъ измѣреній изслѣдовать

черепу чувствомъ и осязательными движеніями, сохраняя впечатлѣніе каждаго черепа, отбрасывая исключительныя черты, накапливая черты, наичаще встрѣчаемыя и представляющія наибольшее различіе съ другими группами, создавая въ своемъ воображеніи типическій результатъ, квинтъ-эссенцію его чертъ.“

„Родовой, расовый типъ, типъ народности, или группы череповъ вообще какой-либо группы предметовъ, это—собраніе наиболѣе выраженныхъ, наиболѣе постоянныхъ и выдающихся чертъ, отличающихъ данную группу отъ другихъ группъ“.

„Несомнѣнно, что не всѣ характерныя черты имѣютъ одинаковое значеніе: одни характерныя черты—малозначущи, другія—имѣютъ рѣшающее значеніе, и, чтобы употребить настоящее слово — характеристичны. Само собою разумѣется, что иногда ни одна черта въ отдѣльности не имѣетъ значенія, а важна ихъ совокупность“.

„Типы бываютъ хорошими, дурными и безразличными, рѣзкими и сомнительными. Но возникаетъ вопросъ, какое-же минимальное число характерныхъ чертъ необходимо для опредѣленія типа? Этотъ вопросъ не разрѣ-

шимъ. Всякій рѣшаетъ его по своему, подобно точности, какая необходима въ каждомъ частномъ случаѣ. На практикѣ вполне достаточно двухъ, или трехъ хорошихъ физическихъ признаковъ, особенно, если они обоснованы и опираются на физиологическія, историческія и т. п. данныя“.

Такимъ образомъ самъ Тоцинаръ совершенно согласенъ съ нами.

Онъ не допускаетъ однако мысли объ атактизмѣ преступниковъ, потому что, по его мнѣнію, между людьми и животными нѣтъ непрерывной связи. Мнѣ бы очень легко отвѣтить на это, указавъ лишь на имена Дарвина, Ламарка, Уолесса, и даже Бюффона, доказавшихъ непрерывность цѣпи органическихъ существъ, пробѣлы которой ежедневно пополняются новѣйшими палеонтологическими открытіями; однако въ этомъ нѣтъ надобности, ибо если бы даже этой цѣпи не существовало въ зоологіи, то ее можно указать въ эмбриологіи человека.

Еще удивительнѣе то, что многіе, вполне допуская атактизмъ у преступниковъ, въ немъ, именно, и видятъ невозможность допустить патологическое его значеніе. Мануврье, наоборотъ,

вполнѣ признавая патологическое значеніе атавизма, которымъ объясняется асиметрія лица, беспорядочное размѣщеніе зубовъ у преступниковъ, черпаетъ изъ этого соображенія, чтобы отрицать атавизмъ у преступниковъ. Но развѣ мы не видимъ во многихъ случаяхъ душевныхъ болѣзней (напр., при микроцефалии) соединеніе, почти сліянiе патологіи и атавизма? И какъ-же иначе понимать явленія атавизма у человѣка, если не признавать участія патологическаго состоянія зародыша.

II.

Припомнимъ здѣсь, что во всѣхъ этихъ открытіяхъ, какъ и вообще во всемъ, что представляется дѣйствительно новымъ въ области эксперимента, наибольшій вредъ приноситъ логика, и такъ наз. здравый смыслъ—самый страшный врагъ великихъ истинъ. Въ подобныхъ начальныхъ изслѣдованіяхъ приходится

прибѣгать скорѣе къ телескопу, нежели къ лупѣ. При помощи лупы, при помощи силлогизма и логики, вамъ докажутъ, что солнце движется а земля неподвижна, что астрономы ошибаются!

Разсуждая строго логически, Мануврье говоритъ, что не слѣдуетъ сравнивать преступниковъ съ солдатами, потому что солдаты претерпѣли уже подборъ. (*Actes du congres d'anthropol. crimin., Paris 1890*); но онъ забываетъ, что мы сравнивали преступниковъ со студентами и со свѣтскими людьми, Марро—сравнивалъ ихъ съ туринскими рабочими, а Тарновская сопоставляла преступницъ съ крестьянками и съ русскими женщинами.

Онъ говорилъ, что слѣдуетъ дѣлать сопоставленіе съ добродѣтельными людьми; но мы могли бы отвѣтить, что добродѣтель въ нашемъ мірѣ уже сама по себѣ представляетъ большую аномалію.

Вы видите, что при помощи логики мы, подобно отцу, сыну и ослу, героямъ извѣстной басни, поставлены въ невозможность сдѣлать какой-либо выборъ и ни на шагъ не можемъ подвинуться впередъ.

Мануврье обвиняетъ насъ въ томъ, что мы остановились на нѣсколькихъ чудовищныхъ преступникахъ, „чего недостаточно для доказательства, что преступники суть анатомическія чудовища.“

Признаюсь, я не ожидалъ такого упрека со стороны столь достойнаго анатома, какъ Мануврье. Такъ-же, какъ на свѣтѣ нѣтъ случайностей, такъ и въ природѣ не существуетъ чудовищъ: всѣ явленія подчинены закону; уродства, можетъ быть, болѣе, чѣмъ другія явленія, ибо весьма часто они суть ничто иное, какъ продукты тѣхъ-же самыхъ законовъ, доведенныхъ до крайности.

Но сверхъ того, справедливость этихъ упрековъ опровергается тою частью критики, въ которой мнѣ ставится въ упрекъ, что „я собралъ слишкомъ много примѣровъ безъ всякаго выбора“.

Въ этомъ упрекѣ есть, впрочемъ, доля правды: совершенно вѣрно, что, подвигаясь впередъ, мы увидѣли, что существуетъ не одинъ общій типъ преступника, а нѣсколько частныхъ, довольно рѣзкихъ типа: вора, мошенника, убійцы, и что преступницы обладаютъ наименьшемъ количествомъ признаковъ вырожденія, почти

не отличаясь, въ этомъ отношеніи, отъ не-преступныхъ женщинъ.

Правда и то, что при изученіи череповъ и мозга я соединилъ наблюденія многихъ ученыхъ, несогласныхъ между собою. Но эти несогласія вполнѣ объясняются тѣмъ, что каждый наблюдатель предпочтительно останавливался на нѣкоторыхъ аномаліяхъ и пренебрегалъ другими. И лишь послѣ того, какъ Сегге указалъ на ассиметрію, Albrecht на лемуровъ придатокъ челюсти, а я указалъ на среднюю затылочную ямку, антропологи стали обращать вниманіе и на эти аномаліи, и замѣтили ихъ у преступниковъ. Анализъ всегда предшествуетъ синтезу; наоборотъ, если бы я не упомянулъ всѣхъ моихъ предшественниковъ, меня легко обвинили бы въ недобросовѣстности.

Мануврье, въ свою очередь, забываетъ, что, ничуть не пренебрегая выводами другихъ наблюдателей, я подробно ссылаясь на 177 череповъ преступниковъ, которые изучалъ я самъ и всѣ детали которыхъ, выраженные въ цифрахъ, я изложилъ въ первомъ итальянскомъ изданіи моего „Преступнаго человѣка“. И этимъ именно, черепамъ (стр. 118 моего сочиненія),

я придавалъ наибольшее значеніе. Чтобы избѣжать на будущее время всѣхъ подобныхъ упрековъ, я въ послѣдніе годы сталъ примѣнять къ изученію типа преступника гальтоновскую фотографію; и непреложныя показанія солнца подтвердили мои наблюденія лучше всѣхъ людскихъ показаній.

Такимъ образомъ доказано, что дѣйствительно существуютъ типы преступниковъ, которые въ свою очередь подраздѣляются на типы: мошенниковъ, воровъ и убійцъ. Въ послѣднемъ типѣ сосредоточены всѣ характерныя черты, тогда какъ въ другихъ типахъ онѣ менѣе рѣзки. Въ этомъ типѣ ясно видны анатомическія особенности преступника и, въ частности, весьма рѣзкія лобныя пазухи, очень объемистыя скулы, громадныя глазныя орбиты, птелеиформный типъ носоваго отверстія, лемуровъ придатокъ челюсти.

Сравнивая эти выводы съ результатами статистическихъ таблицъ, лежащихъ въ основѣ этой критики, вы найдете, что, вопреки кажущемуся обилію противорѣчій, отношенія между аномаліями вполне вѣрны.

Такъ для лобныхъ пазухъ мы имѣемъ 52%, для асиметріи 13%, для падающаго лба 28%.

Вотъ что получается при изслѣдованіи однихъ лишь череповъ.

Мануврье неизвѣстно также, что относительно живыхъ наши изслѣдованія далеко не ограничились нѣсколькими *уродами*, а коснулись 26,886 преступниковъ, которые сравниваются съ 25,447 нормальными людьми.

Не точно и то, будто частный типъ каждаго вида преступниковъ не подвергался изслѣдованію. Правда, я этимъ занимался лишь мимоходомъ. но Ferri—первый, а затѣмъ Ottolenghi, Frigerio, и въ особенности Marro, а въ Россіи Тарновская разработали эту тему съ поразительнымъ обиліемъ деталей.

Вполнѣ естественно, что въ первыхъ трудахъ имѣлись въ виду лишь общія черты; и только впослѣдствіе стали изучать различія каждаго вида; такъ бываетъ при всякой работѣ; всегда отъ простаго переходятъ къ сложному, отъ однороднаго къ разнородному.

Всѣ эти упреки, въ большинствѣ случаевъ, являются прямыми послѣдствіями незнакомства съ тѣмъ, что печатается на иностранныхъ языкахъ. Они все еще ссылаются, напримѣръ, на моего „Преступнаго человѣка“, который представляетъ лишь первую часть сочиненія, уже

устарѣвшаго, въ то время какъ послѣ уже напечатано на ту-же тему много другихъ работъ гораздо болѣе цѣнныхъ.

III.

Профессоръ Magnan, предъ которымъ я преклоняюсь какъ предъ однимъ изъ величайшихъ европейскихъ психіатровъ, который также великъ, какъ Charcot, въ области алкоголизма, оспариваетъ мое мнѣніе, что дѣтскому возрасту свойственно врожденное предрасположеніе къ преступленіямъ. Онъ начинаетъ съ того, что приводитъ двѣ, три странички изъ Meunpert'a объ ощущеніяхъ новорожденного. Но цитаты эти бесполезны: чтобы доказать существованіе у дѣтей преступныхъ наклонностей, я изучалъ ребенка не въ первые дни его жизни. Въ это время ребенокъ ведетъ растительную жизнь и его можно сравнить, скорѣе всего, съ зоофитами; конечно, въ этомъ періодѣ не можетъ быть и рѣчи объ аналогіи съ преступниками. Обрушившись на сравненіе, которое не имѣетъ никакого отношенія къ настоящему вопросу, Magnan затѣмъ лишь вскользь говоритъ два слова о другомъ періодѣ, на который

ему и слѣдовало бы, главнымъ образомъ, обратить вниманіе.

„Дитя, говоритъ онъ, *отъ растительной жизни переходитъ къ жизни инстинктивной*“. Вин Было бы хорошо, если бы онъ подробнѣе развилъ мысль, резюмированную въ этихъ двухъ строкахъ; тогда онъ разгадалъ-бы загадку. Онъ нашелъ бы, какъ и Perez, у дитяти склонность къ гнѣву, доходящую до битья людей и всего другаго, до состоянія дикаря, приходящаго въ ярость во время охоты за бизонами. Онъ узналъ бы изъ сочиненій Moreau, что многія дѣти не въ состояніи ждать ни минуты того, что они требуютъ, не приходя въ ярость; среди дѣтей многія завистливы до такой степени, что суютъ ножъ въ руки родителей, *требуя казни своихъ соперниковъ*; онъ узналъ бы, что существуютъ дѣти — лжецы, о которыхъ Bourdin написалъ замѣчательное изслѣдованіе. Онъ зналъ бы, что у всѣхъ дѣтей бываютъ скоропреходящія вспышки страсти; онъ нашелъ бы у La Fontaine'я мнѣніе, что „этотъ возрастъ не знаетъ жалости“; онъ узналъ бы изъ Broussais, что дѣти любятъ мучить животныхъ слабыхъ; онъ узналъ бы, что у нихъ, также какъ и у преступниковъ, встрѣчается

сполнѣйшая лѣность, идущая рука объ руку съ кипучей дѣятельностью, лишь только дѣло коснется удовольствій и забавъ; тщеславіе, которое заставляетъ ихъ хвастать новыми ботинками, шапками, вообще малѣйшимъ своимъ превосходствомъ.

Вотъ гдѣ Magnan долженъ былъ бы указать ошибку мнѣ, или вѣрнѣе Perez'у, Moreau, Bourdin'у, Broussais, Spencer'у, Taine'у, которые все это замѣтили раньше меня.

И тогда онъ не сказалъ бы, что *„наклонность къ жестокости, свирѣпость по отношенію къ животнымъ встрѣчаются лишь у дѣтей совершенно больныхъ, душевно неуравновѣшенныхъ“*.

Конечно въ вырожденныхъ дѣтяхъ, заклеенныхъ наслѣдственностью, эти наклонности продолжаютъ существовать во всю жизнь и обнаруживаются при первомъ удобномъ случаѣ, задолго до полной зрѣлости, такъ какъ случаевъ дѣлать зло достаточно и въ этомъ возрастѣ. Мой противникъ, конечно, согласится съ тѣмъ, что воспитаніе въ подобныхъ случаяхъ безсильно; въ лучшемъ случаѣ оно можетъ дать только внѣшній лоскъ, который и служить источникомъ всѣхъ нашихъ заблужденій.

Наоборотъ, у хорошихъ дѣтей воспитаніе очень плодотворно, облегчая ихъ перерожденіе, переходъ отъ состоянія чисто фізіологическаго къ состоянію, которое можно было бы назвать состояніемъ нравственной зрѣлости. Перерожденіе это могла бы вовсе не имѣть мѣста, если бы дурное воспитаніе его задержало. Мы наблюдаемъ подобное явленіе на лягушкахъ тритонахъ, которые въ очень холодной средѣ не переходятъ въ послѣднюю стадію превращенія, а остаются головастиками.

Но, быть можетъ, Magnan соглашается самъ съ нашимъ взглядомъ, говоря, что указанные нами явленія слѣдуетъ признавать не естественнымъ предрасположеніемъ къ преступленію, а скорѣе патологическимъ клеймомъ, вырожденіемъ, влекущимъ за собою расстройство мозговыхъ функцій.

Въ такомъ случаѣ я здѣсь позволю себѣ сдѣлать одно справедливое замѣчаніе.

Если бы такъ выразился юристъ старой метафизической школы, мнѣ были бы понятны эти схоластическія тонкости, подобная византійская игра словъ, но въ устахъ такого почтеннаго медика, какъ Magnan, это совершенно непостижимо.

Magnan не замѣчаетъ, что именно въ этомъ клеймѣ, упрочивающемъ и способствующемъ развитію врожденной склонности къ преступленію, гнѣздится уродливая и болѣзненная природа врожденного преступника, тогда какъ при отсутствіи такого наследственнаго патологическаго клейма, преступныя склонности атрофируются, подобно тому, какъ въ хорошо, правильно развивающемся тѣлѣ атрофируются органы зародышевой жизни, напримѣръ зубная железа.

Отрицая врожденную склонность къ преступленію, Magnan вслѣдъ за тѣмъ самъ приводитъ цѣлый рядъ случаевъ подобной врожденной склонности. Не думаю, чтобы это дѣлалось съ цѣлью доказать неосновательность своего собственнаго мнѣнія; если-же Magnan желалъ только сказать, что такъ называемые врожденные преступники—суть дѣти алкоголиковъ, то онъ повторилъ лишь то, что уже сказано въ моемъ итальянскомъ изданіи, и что лучше меня и раньше меня объяснили Saury, Knecht, Jacoby, Motet, и раньше насъ всѣхъ нашъ общій учитель Morel.

Уважая Magnan'a за его личные качества и за талантъ, я просилъ бы его сознаться, не

были ли его типы вырожденія безъ физическихъ признаковъ тщательно подобраны изъ сотенъ другихъ, имѣвшихъ физическіе признаки и не упомянутыхъ Magnan'омъ. (*) Я же не прибѣгалъ къ такому подбору; я прямо безъ всякаго выбора взялъ 400 преступниковъ изъ сборника германскихъ преступниковъ.

Magnan также утверждаетъ, что выставленные нами характерныя черты недостаточны для судебныхъ дѣателей и ими не признаются. Конечно, если даже просвѣщенные медики способны отрицать очевидные факты и сомнѣваются въ своихъ собственныхъ открытіяхъ, то что ожидать отъ судей; они найдутъ въ этомъ еще лишній поводъ недовѣрять намъ. Но само собою разумѣется, что виноваты здѣсь мы сами.

Впрочемъ, мы трудимся не для юридическаго примѣненія; ученые занимаются наукой ради науки, а не для практическаго примѣненія, которое осуществляется не скоро.

(*) При физическомъ изслѣдованіи этихъ вырожденныхъ, произведенномъ знаменитыми клиницистами больницы св. Анны, найдено много такихъ признаковъ, хотя и въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ у преступниковъ. Было найдено: лемуровъ придатокъ у вора, боковыя рѣзцы и чрезмѣрная челюсть у нимфомана; у всѣхъ притупленіе осязанія и т. п.

Никто не сомнѣвается, что физическій способъ изслѣдованія, всегда имѣетъ больше шансовъ на успѣхъ, можетъ быть болѣе точнымъ, нежели психологическій, часто затемняемый симуляціей.

Magnan, какъ и многіе другіе ученые, слишкомъ занятъ собственными изслѣдованіями, чтобы знать и изучать труды другихъ; однако ему могло быть извѣстно, что мы строимъ свои выводы не на однихъ только фізіологическихъ данныхъ, которыя очень часто отсутствуютъ, но на біологическихъ и функціональныхъ. Эти послѣднія почти всегда находятся у настоящаго преступника; такъ всѣ они лѣвши, у всѣхъ у нихъ замѣчается разстройство рефлексовъ и органовъ чувствъ—все это характерныя черты, очень часто заслоняющія пробѣлы, остающіеся послѣ изслѣдованія черепа и фізіономіи.

Можетъ-ли онъ отрицать присутствіе такихъ функціональных аномалій также и у новорожденныхъ?

Насъ упрекаютъ въ томъ, что мы недостаточно внимательно изслѣдуемъ вліяніе физической и нравственной среды. Относительно перваго критика ошибается; насъ скорѣе могли

бы упрекнуть въ противномъ, ибо мы написали обширное изслѣдованіе: „Penseés et météores, Milan. 1888“, гдѣ разбирается исключительно вліяніе физической среды; относительно значенія нравственной среды—упрекъ справедливъ, но легко найти и оправданіе: наши противники такъ много занимаются этими вопросами, старинные писатели придавали этому вопросу такую важность и такъ освѣтили его со всѣхъ сторонъ, что мы не считаемъ нужнымъ заниматься имъ; не стоитъ тратить труда для доказательства того, что солнце свѣтитъ.

Tarde и Colajanni отрицаютъ соотношеніе между органами и ихъ функціями, что *a priori* лишило бы всякаго значенія уголовную антропологию.

„Соотношеніе между органомъ и его отправленіемъ, пишетъ Colajanni, очень темно. По существованію органа нельзя заключать съ положительностью, о существованіи его отправленія; существуютъ органы безъ активныхъ функцій.“ (стр. 160) „Но это, справедливо возражаетъ Sergi, (Revue internation., 1889, стр. 513) просто несообразность. Для чего-же служатъ эти органы безъ функцій? Можетъ быть это — запасные органы для за-

мѣны органовъ разрушаемыхъ дѣятельностью, подобно новому платью замѣняющему старыя отрепья? А если соглашаться съ нимъ, что функціи создаютъ органъ, то какъ же рождается органъ, лишенный всякихъ функцій?“

И если дѣйствительно органы укрѣпляются и увеличиваются отъ дѣятельности, то не мѣнѣе вѣрно и то (а это забываютъ Tarde и Colajani), что для ихъ дѣятельности прежде всего они должны быть на лицо. Икры танцовщицъ, остроумно замѣчаетъ Brouardel (*), укрѣпляются отъ танцевъ, но для того прежде всего необходимо имѣть... икры!

Но чѣмъ въ особенности Colajanni думаетъ уничтожить насъ въ конецъ, это тѣмъ, что, по его мнѣнію, мы противорѣчимъ сами себѣ. Очень легко, конечно, найти противорѣчія у одного и того-же писателя, вырвавъ изъ его книги два положенія, но еще легче, какъ въ данномъ случаѣ, найти разнорѣчія у различныхъ авторовъ (**). Такъ какъ группы наблюдаемыхъ индивидуумовъ различны, то и результаты могутъ не совпадать. И это извѣстно

(*) Actes du congrès d'anthropol. crimin., 1890.

(**) Sergi. L'anthropol. crimin. et ses critiques. Revue internat., 25 nov. 1889.

всѣмъ, кто занимается антропологическими изслѣдованіями. Если я, напримѣръ, измѣряю 100 овернскихъ череповъ, то найду извѣстный размѣръ и величину; если же я измѣрю 100 другихъ череповъ, то, большею частью, получу иные размѣры и величины.

Почему-же не можетъ случиться того-же самаго и относительно ёмкости черепа, вѣса мозга, вѣса тѣла, роста, признаковъ вырожденія у преступниковъ различныхъ странъ, различныхъ національностей, и даже преступниковъ одной и той же страны? Искусство наблюдателя состоитъ въ томъ, чтобы найти однородность среди разнообразія; и лишь поверхностный наблюдатель и противникъ, добросовѣстный, или недобросовѣстный, найдутъ здѣсь хаосъ и противорѣчіе.

Féré (Dégénérescence et criminalité, 1888) также не согласенъ съ моимъ заключеніемъ, что „зародыши нравственнаго помѣшательства и преступленія, нормально встрѣчаются въ первые годы жизни человѣка, подобно тому, какъ въ зародышѣ постоянно существуютъ извѣстныя образованія, которыя въ юношескомъ возрастѣ представляются уродствами. Онъ основывается на томъ, что родъ человѣ-

ческій образовался, главнымъ образомъ, благодаря людямъ, отличавшимся антисоціальными наклонностями дѣтскаго возраста. Онъ при этомъ, очевидно, забываетъ о дикихъ народахъ. Но, быть можетъ, въ данномъ случаѣ мы не понимаемъ вполне другъ друга. Указывая у дѣтей различныя разстройства рѣчи, (лаггорей, дисфазія и проч.) свойственныя помѣшаннымъ и идиотамъ, Preyer не считаетъ, конечно, идиотовъ и сумасшедшихъ дѣтьми и обратно; онъ лишь указываетъ на атавистическое происхожденіе этихъ аномалій; онъ указываетъ, что эти странныя явленія, ненормальныя у сумасшедшихъ, свойственны извѣстному возрасту человека, и, такимъ образомъ, онъ эмбриологическимъ путемъ объясняетъ происхожденіе уродствъ.

Невѣрна также мысль, что вырожденіе преступника исключаетъ возможность типа преступника, ибо всякое вырожденіе (кретины, золотушные) представляетъ свой особый типъ.

Listz, (*) вполне одобряя, какъ мы увидимъ ниже, наши практическіе выводы, не согласенъ принять нашихъ теорій только потому, что многіе ихъ критикуютъ и оспариваютъ.

(*) Zeitschrift f. St.-f. echt. 1889.

Но такова участь всѣхъ тѣхъ, которые осмѣливаются пролагать новые пути въ наукѣ, не считаться съ общественной рутиной, въ то время какъ слащавые эклектики, подобные губкамъ, впитывающимъ все, ничего не отвергая, удовлетворяютъ всякаго и не встрѣчаютъ ни съ чьей стороны критики; но они обречены на немедленное забвеніе.

Туринъ.

Lombroso.

успѣховъ. Всѣ области этой науки изобилуютъ новыми наблюдениями.

I.

Мозгъ. Укажемъ лишь на аномаліи мозговыхъ извилинъ, которыя, какъ полагали, вообще не поддаются научному изслѣдованію; а въ дѣйствительности не поддавались ему лишь потому, что не удавалось установить ихъ нормальный типъ. Lemoine у одного клептомана, бывшаго коммунара, указалъ намъ аномалію, пока единственную въ наукѣ, именно, врожденное сліяніе двухъ лобныхъ долей (Archives d'anthropol. crim., 1886). Hotzen (Befunde am Gehirn einer Muttermörderin, 1886) описываетъ у Маріи Каустеръ, 15-лѣтней матереубійцы, убившей съ цѣлью воспользоваться наслѣдствомъ, и не обнаруживавшей ни малѣйшей психической аномаліи, геморрагическій пахименингитъ, атрофію лобныхъ извилинъ и затылочной доли, непокрывавшей мозжечка, и большое количество атрофированныхъ участковъ въ извилинахъ, особенно лѣваго полушарія.

Lambl (Westphal. Archiv für Psychiatrie, 1889) нашелъ у молодой дѣвушки, обвиненной въ мошенничествѣ, полную поренцефалію съ разрушеніемъ восходящей лобной извилины у мѣста ея происхожденія.

Richter показалъ въ Берлинскомъ психологическомъ обществѣ мозгъ преступника съ раздвоенной роландовой бороздой (Archives de neurologie, 1885); Fallot (Bulletin de la Société d'anthropologie, 1889), Benedikt, Brown, Tenchini, Willigk и Mingazzini наблюдали въ 5 случаяхъ изъ 112 настоящую затылочную крышечку

НОВѢЙШЕ УСПѢХИ НАУКИ О ПРЕСТУПНИКАХЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

МОРФОЛОГИЧЕСКІЯ АНОМАЛІИ ¹⁾.

Если вѣрно, что плодотворность семьи есть истинный признакъ здоровья, то уголовная антропологія, по моему мнѣнію, не нуждается въ доказательствахъ своего процвѣтанія. хоть и находятся люди, которые считаютъ её мертворожденной и отказываютъ ей въ крещеніи и имени, въ которыхъ вообще не принято отказывать невиннымъ новорожденнымъ. *Che moi non fur vivi* (Dante).

Всего четыре года тому назадъ, къ изумленію враговъ современнаго прогресса, собралось въ Римѣ со всѣхъ концовъ Европы 128 ученыхъ ²⁾, съ докладами о послѣднихъ открытіяхъ въ этой новой, но уже созрѣвшей наукѣ, открытіяхъ, наглядно демонстрированныхъ прекрасною выставкою. Но съ того времени развитіе уголовной антропологіи, безъ преувеличенія, удвоилось, какъ по быстротѣ, такъ и по значенію сдѣланныхъ

¹⁾ Сообщение, читанное на 2-мъ конгрессѣ уголовной антропологіи. Парижъ, 1889.

²⁾ Actes du premier congrès d'anthropol. crimin., 1887, Rome.

(operculum), т. е. большую глубину второй переходной складки, что очень редко встрѣчается въ нормальномъ мозгѣ, но очень часто у микроцефаловъ (4 изъ 12). Изъ 112 преступниковъ у 7 наблюдалось отдѣленіе птичьей борозды отъ затылочной, между тѣмъ какъ тоже явленіе наблюдалось всего 1 разъ у 100 обыкновенныхъ субъектовъ и 1 разъ у 12 негровъ.

Другой фактъ, нынѣ прочно установленный, это увеличенный мозжечекъ, въ сравненіи съ величиной мозга.

Даже преступницы, у которыхъ обыкновенно очень мало аномалій, въ этомъ отношеніи сходны съ мужчинами. Въсѣ мозжечка и его придатковъ у преступницъ = 153 граммамъ, у обыкновенныхъ женщинъ онъ вѣситъ 147 граммовъ (Archivio di Psichiatria, IX, 612); у мужчинъ—около 169 граммовъ.

Всѣ наблюдатели подтверждаютъ частоту ненормальныхъ сліяній бороздъ, что часто совпадаетъ съ увеличеннымъ объемомъ мозга; эти аномаліи подтверждаютъ пророческія слова Вроса, отца антропологии, а слѣдовательно праотца уголовной антропологии. «Одно или нѣсколько такихъ сліяній, сказалъ онъ, не препятствуютъ мозгу быть совершенно развитымъ, вполне уравновѣшеннымъ; если же такихъ сліяній много и они поражаютъ существенныя части мозга, то это служитъ указаніемъ на его неправильное развитіе. Такія аномаліи можно часто видѣть на маленькихъ мозгахъ бѣдныхъ разумомъ слабоумныхъ, также на мозгахъ убійцъ, съ тѣмъ различіемъ, что въ первомъ случаѣ весьма незначительное развитіе переходныхъ бороздъ, или анастомозовъ, находится въ связи съ недостаточнымъ развитіемъ бороздъ вообще и съ малой величиной мозга;

тогда какъ, во второмъ случаѣ, оно совпадаетъ, наоборотъ, съ полнымъ развитіемъ большей части бороздъ и свидѣтельствуетъ о неравномѣрномъ развитіи мозга.

II.

Черепъ. Вполнѣ понятно, что именно на черепѣ, нормальный типъ котораго хорошо извѣстенъ, наблюдалось наибольшее количество аномалій, не только въ новѣйшее время, но и въ предшествующіе вѣка.

Начнемъ съ аномаліи, наиболѣе быть можетъ характерной, и наиболѣе атавистической у преступниковъ, именно съ средней затылочной ямки. Частое повтореніе ея замѣчено всѣми наблюдателями: Trenchini, Benedikt, Mingazzini, за исключеніемъ Féré, который, мы полагаемъ, не обратилъ достаточно вниманія на этотъ признакъ.

Интересно отмѣтить, напримѣръ, что Marimo, принявшій свои изысканія съ цѣлью опровергнуть атавистическое значеніе и важность этой аномаліи, принужденъ былъ, наоборотъ, подтвердить еѣ, установивъ слѣдующія пропорціи ¹⁾:

4,19 у нормальныхъ европейцевъ (1320);

16 у европейскихъ преступниковъ (150);

50 у зelandцевъ (22);

22 у австралійцевъ (222);

26 у американцевъ (46);

19 у египтянъ и этрусковъ (126).

Romiti, Trenchini, Mingazzini и Frigerio нашли еще большія числа.



Archivio di Psichiatria., 1889.

Частое повтореніе преждевременнаго сращения костей также подтверждено изслѣдованіями Mingazzini и Romiti, а частое появленіе чрезмѣрно развитаго лобнаго гребня (разобранное Tenchini въ засѣданіяхъ перваго конгресса) подтверждено Mingazzini, Varaglia, Marimo, которые нашли эту аномалію у 47 проц. преступниковъ и у 14 изъ 100 непроступниковъ (Archivio di Psichiatria, vol. viii, p. 68).

Marimo нашелъ ворміевы косточки въ 23 проц. своихъ преступниковъ (Archiv. d'Anthrop., 1889); я нашелъ то же самое отношеніе (l'Homme criminel, стр. 71): у папуасовъ 36 проц., у австралійцевъ 28 проц., у южныхъ итальянцевъ 16 проц., у сѣверныхъ итальянцевъ 85 проц. Penta, съ своей стороны, наблюдалъ очень оригинальный атавистическій признакъ: присутствіе двухъ ненормальныхъ косточекъ, по бокамъ затылочной кости, соединяющихся съ крыловидной костью, какъ у плевропектиловъ (Rivista di discipline carcerarie. 1889, стр. 23).

Mingazzini, изучая 30 череповъ преступниковъ, нашелъ въ 16 проц. метопизмъ, въ 6 проц. сліяніе костей носа, въ одномъ случаѣ базіотическую кость, въ 33 случаяхъ изъ 100—выпуклость надбровныхъ дугъ, въ 10 проц. субмикроцефалію, въ 20 проц. полное уродство черепа, т. е. ассиметрію, стенокротафію, громадную челюсть и т. п. на одномъ и томъ же черепѣ (Archivio di Psichiatria, IX, стр. 612).

Seven, а еще раньше Veraglia, нашли бѣольшую ёмкость черепныхъ затылочныхъ ямокъ, что подтверждаетъ и объясняетъ бѣольшую величину мозжечка у преступниковъ.

Примѣняя сложную (Гальтоновскую) фотографію къ изученію типа преступника, я нашелъ въ 6 черепахъ убійцы и въ 6 черепахъ разбойниковъ два типа, удивительно сходные и представляющіе, съ очевидною ясностью, характерныя черты врожденнаго преступника и даже, скажемъ прямо дикаго человѣка: очень рѣзкія лобныя пазухи, скулы и челюсти очень большія, орбиты громадныя и удаленныя одна отъ другой, ассиметрію лица, птелеиформный типъ носа, Лемуровъ придатокъ челюстей. Другіе 6 череповъ мошенниковъ и воровъ дали типъ, менѣе рѣзкій, но ассиметрія, ширина орбитъ, выпуклость скулъ—ясно выражены, хотя и не такъ рѣзко. На фотографіи, полученной со всѣхъ 18¹⁾ череповъ, эти аномаліи менѣе ясны.

Наблюденіе это, на мой взглядъ, существенно и съ болѣе общей точки зрѣнія, какъ сильный доводъ въ пользу важности и значенія такъ называемыхъ статистическихъ среднихъ, которыя, казалось, должны были погибнуть отъ ударовъ, нанесенныхъ имъ въ послѣднее время. Теперь мы имѣемъ прочныя устои для нашихъ теорій, производя наблюденія надъ вполне однородными группами.

III.

Скелетъ. Изучая 63 скелета преступниковъ, Tenchini нашелъ въ нихъ 6 проц. прободенія локтеваго отростка (olecranon), что наблюдается въ 31 проц. евро-

¹⁾ Относительно прочаго см. Atlas de l'homme criminel Alcan, 1888.

пейцевъ и въ 34 проц. полинезійцевъ; онъ замѣтилъ также въ 10 проц. излишнее количество и въ 10 проц. недостаточное количество реберъ и позвонковъ, что на-
поминаетъ сильныя колебанія численности этихъ костей у нисшихъ позвоночныхъ.

Въ послѣднее время Tenchini нашелъ у одного преступника отсутствіе 4 крестцовыхъ позвонковъ, замѣ-
щенныхъ 4 дополнительными шейными позвонками.

IV.

Аномалии у живыхъ. Marro (Caratteri dei delin-
quenti, 1889) имѣющій въ уголовной антропологии зна-
чение Jussien, изучилъ всѣ разновидности «преступнаго
человѣка», и нашелъ, что аномалии, названныя имъ ати-
пичными (напр., кривой носъ, зобъ и проч.) встрѣча-
ются у преступниковъ противъ тѣлесной неприкосно-
венности рѣже, чѣмъ у нормальныхъ людей; обратное
замѣчается у воровъ и плутовъ. Единственный только
типъ мошенника приближается къ средней физиологи-
ческой нормѣ, оставаясь однако ниже ея.

Патологическія аномалии, (парезы и проч.) завися-
щія почти всегда отъ пьянства или тюремной жизни,
встрѣчаются всего чаще у убійцъ, а у преступниковъ
противъ тѣлесной неприкосновенности ихъ меньше.

Увеличенный объемъ и большую окружность головы
онъ нашелъ у плутовъ и простыхъ воровъ, у которыхъ
также замѣчалась увеличенная поперечная кривизна
головы; наименьшій вертикальный діаметръ черепа
(4,3) былъ найденъ у убійцъ-рецидивистовъ, а у
убійцъ не рецидивистовъ этотъ діаметръ равнялся 1,6.
Ferrei нашелъ у убійцъ большую длину лица, чѣмъ у

преступниковъ противъ тѣлесной неприкосновенности и у
плутовъ. Marro замѣтилъ, что у мошенниковъ брахицефа-
лія выражена слабѣе, а микроцефалія встрѣчается рѣже.

Онъ нашелъ среди преступниковъ 86 проц. узко-
лобыхъ и 41 проц. низколобыхъ. Тѣ-же размѣры лба
у нормальныхъ людей составляютъ соотвѣтственно
51,9 проц. и 15 проц.

У убійцъ Marro часто встрѣчалъ сильно выражен-
ный челюстный діаметръ, выдающіяся скулы, черные и
густые волосы, отсутствіе бороды и блѣдность лица.

Брахицефалія встрѣчается у преступниковъ противъ
тѣлесной неприкосновенности чаще, чѣмъ у другихъ
преступниковъ. Длина рукъ, и даже кистей рукъ, тоже
характерна для этихъ преступниковъ. Наоборотъ, у изна-
силователей характерныя черты суть: узкій лобъ, корот-
кія руки и короткія кисти рукъ, что приближаетъ ихъ
къ типу преступныхъ женщинъ, какъ это увидимъ ниже.

У бродягъ замѣчается отсутствіе физическихъ при-
знаковъ, характеризующихъ энергію (каковы лобныя
пазухи, массивныя челюсти, и наоборотъ, присутствіе
аномалій, указывающихъ на физическую и нравственную
дряблость (напр. грыжи).

Тѣлесныя и психическія аномалии достигаютъ у
убійцъ 45 проц.; у изнасилователей 33 проц.; у во-
ровъ (со взломою) 24 проц.; они часто встрѣчаются
также у случайныхъ преступниковъ.

Что касается страданій нервной системы, то они
часто встрѣчаются у убійцъ, (45 проц.), и еще чаще
у поджигателей (85 проц.); рѣже у воровъ (36 проц.)
и бродягъ (38 проц.); еще рѣже у изнасиловате-
лей (33 проц.) и у разбойниковъ (23 проц.); у во-

ровъ (со взломомъ) (24 проц.), у преступниковъ противъ тѣлесной неприкосновенности и у мошенниковъ.

Относительно особенности рукъ Магго нашелъ, что вообще толстыя и короткія руки встрѣчаются часто у убійць, тогда какъ у другихъ преступниковъ преобладаютъ удлиненныя кисти рукъ, причемъ длина пальцевъ равна длинѣ ладони, а иногда и больше.

Особенности въ области чувствительности замѣчаются въ различныхъ группахъ преступниковъ и даже у отдѣльных лицъ одной и той-же группы. Магго нашелъ, что пониженіе общей чувствительности наичаще встрѣчается у изнасилвателей, затѣмъ у убійць, у разбойниковъ и мошенниковъ.

Относительно умственного развитія можно сказать, что вообще оно понижено у преступниковъ противъ личности, и повышено у преступниковъ противъ собственности и у мошенниковъ.

Страсть къ игрѣ велика у изнасилвателей и преступниковъ противъ тѣлесной неприкосновенности; не такъ сильна у бродягъ, разбойниковъ и убійць.

Аномаліи эти выражаются въ слѣдующихъ процентныхъ отношеніяхъ:

Убійцы	37 проц.
Изнасилватели	66 „
Преступники противъ тѣлесной неприкосновенности	66 „
Разбойники.	51 „
Поджигатели	14 „
Мошенники.	45 проц.
Бродяги.	63 „
Воры.	59 „

Какъ и слѣдовало ожидать, склонность къ пьянству

очень распространена среди преступниковъ. Дѣйствительно Магго нашелъ этотъ порокъ въ 74,7 случаяхъ изъ ста. По его-же изслѣдованіямъ, религіозность развита у преступниковъ почти въ той-же степени, какъ у нормальнаго человѣка; даже у убійць и изнасилвателей она еще сильнѣе; быть можетъ потому, что преступниковъ послѣднихъ категорій больше среди деревенскихъ жителей; наоборотъ, у случайныхъ преступниковъ, за исключеніемъ воровъ, религіозность развита слабо.

Склонность къ рецидиву и преждевременное развитіе порока преобладаетъ среди случайныхъ преступниковъ, имѣющихъ вообще мало признаковъ вырожденія.

Что касается наслѣдственности, то она прежде всего зависитъ отъ пожилаго возраста родителей, отъ алкоголизма, раздражительности отца, затѣмъ, на второмъ планѣ, отъ сумасшествія, или преступности родителей.

	У отца.	У матери.	У предковъ со стороны отца.	У предковъ со стороны матери.
Проценты.				
Алкоголизмъ	41	5,1	—	—
Старость	32	17	—	?
Сумасшествіе.	9,2	3,3	2,7	1,1
Страданіе головного и спинного мозга	21,1	18	—	—
Эпилепсія	1,7	0,9	0,1	0,1
Преступность	3,3	6,3	—	—
Безнравственность, или буйный характеръ	22,6	11,0	—	?
Чахотка легкихъ	5,1	10,1	—	?

Причина смерти родителей:

	Отца.	Матери.
	Проценты.	
Алкоголизм	7,2	2,1
Самоубійство	1,4	—
Душевная болѣзнь . .	6,5	5,3
Страданія головного и спинного мозга. . .	21,1	18,2
Туберкулезъ	5,1	10,7

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что у убійць преобладаетъ кривизна и поперечный діаметръ головы; задняя полуокружность головы болѣе развита, чѣмъ передняя, нижняя челюсть массивна и скулы далеко разставлены; чаще всего волосы у нихъ черные и курчавые, борода рѣдкая, часто бываетъ зобъ и короткія кисти рукъ. У преступниковъ противъ тѣлесной неприкосновенности наиболѣе постоянный признакъ: брахицефалія, а затѣмъ слѣдуютъ удлиненныя руки и кисти рукъ. У изнасилователей замѣчается маленький ростъ съ относительно большимъ вѣсомъ тѣла; короткія руки и ручныя кисти, узкій лобъ и очень маленькая передняя полуокружность головы. Часто встрѣчаются аномаліи половыхъ органовъ и носа, и почти всегда очень низкое умственное развитіе.

Курчавые волосы, рѣдкая борода, происхожденіе отъ алкоголиковъ или невропатовъ—характерныя черты разбойниковъ. Многіе изъ нихъ татуированы и имѣютъ повышенные рефлексы.

Поджигатели—почти всѣ сумасшедшіе и происходятъ отъ умалишенныхъ родителей.

У мошенниковъ характерны: массивная челюсть, да-

леко разставленныя скулы, очень большой вѣсъ тѣла, пожилые родители, удовлетворительное, иногда хорошее умственное развитіе.

Воры со взломомъ похожи на разбойниковъ, по своимъ физическимъ и психическимъ особенностямъ. Среди нихъ много притворныхъ помѣшанныхъ. У воровъ другихъ категорій бываютъ черные волосы и рѣдкая борода; умственное развитіе выше, чѣмъ у прочихъ преступниковъ, за исключеніемъ мошенниковъ; среди нихъ много хроническихъ алкоголиковъ, между тѣмъ какъ алкоголизмъ у ихъ родителей встрѣчается рѣдко.

У бродягъ Магго нашелъ много психическихъ аномалій: пріостановившееся умственное развитіе, падучую и другія болѣзни, объясняющія ихъ странныя наклонности.

Преступницы сильнѣе поддаются вліянію социальныхъ условій, нежели преступники; затѣмъ большое вліяніе на нихъ оказываетъ старость, сумасшествіе и алкоголизмъ родителей, которые даютъ почти столько-же преступницъ, сколько и преступниковъ.

V.

Утверждали, что приведенныя наблюденія стоятъ въ противорѣчій съ моими; напротивъ, они только точнѣе подтверждаютъ ихъ; они указываютъ на виды тамъ, гдѣ я подмѣтилъ только родъ; а подраздѣленіе явленій, которыя на первый взглядъ казались простыми, есть признакъ прогресса. Всегда переходятъ отъ простаго къ сложному.

Изучая, при помощи статистическаго метода, 100 но-

выхъ типовъ преступниковъ, позировавшихъ (я заимствую это выраженіе у художниковъ) въ моей лабораторіи, профессоръ Rossi подтвердилъ почти всѣ наблюденія Marro ¹⁾. Средняя окружность черепа оказалась равной 552 сантиметрамъ (по Marro 550 сант.); переднезадняя кривизна = 345 сант. (по Marro 340 сант.); поперечная кривизна = 229 сант. (по Marro 211 сант.).

Брахицефалія встрѣчалась чаще (83,3 проц.); тогда какъ долихоцефалія составляла всего 8 проц., а мезатицефалія 8,3 проц. Емкость черепа 15,48 (по Marro 15,72)

Наи чаще встрѣчались слѣдующія аномаліи головы:

	Проценты.
Чрезмѣрные лобныя пазухи.	20
Оксицефалія.	5
Платицефалія	5
Скафоцефалія	4
Плагіоцефалія	5

и слѣдующія аномаліи лица:

Ассиметрія лица	24
Чрезмѣрное развитіе челюстей	23
Петлистыя уши (à anse).	24
Косоглазіе	14
Зубы съ бороздками	8
Отсутствіе среднихъ рѣзцовъ	2
Отсутствіе средн. глазныхъ зубовъ.	1
Чрезмѣрное развитіе средн. рѣзцовъ.	3
Чрезмѣрное развитіе среднихъ глазныхъ зубовъ	2

¹⁾ Unia centuria di criminali, 1889.

Средняя чувствительность осязанія, по Rossi (69 преступниковъ) равнялась 2,62 мил. на правой сторонѣ, и 2,41 мил. на лѣвой сторонѣ.

Отсутствіе болевой чувствительности найдено въ 15 проц.; повышенная болевая чувствительность на лѣвой сторонѣ въ 34 проц., на правой сторонѣ въ 39 проц.; одинаковая на обѣихъ сторонахъ въ 15 проц.

Лѣвая половина тѣла оказалась болѣе сильной въ 40 случаяхъ изъ ста. Падучая въ 38 случаяхъ. Изъ 100 преступниковъ 81 предавались пьянству (причемъ 15 съ дѣтства).

Вспыльчивость, раздражительность замѣчались въ 40 случаяхъ изъ ста.

Непостоянство въ 18 случаяхъ; религіозность въ 25; татуировка наблюдалась въ 23 случаяхъ ¹⁾.

VI.

Ottolenghi ²⁾ изслѣдовалъ носовую выемку на 526 черепахъ, изъ которыхъ 397 принадлежали нормальнымъ людямъ, 129 преступникамъ и 50 съумашедшимъ. Онъ нашелъ аномаліи въ 23,92 проц. у нормальныхъ, въ 39,52 проц. у преступниковъ (48,14 проц. у мужчинъ, 33,33 проц. у женщинъ).

Большее значеніе имѣетъ открытая имъ истинная обезьянья борозда, высшая степень аномаліи, встрѣчающаяся въ 1,70 проц. у нормальныхъ людей и въ 16,60 у преступниковъ.

¹⁾ Centuria di criminali, 1888.

²⁾ Archivio di Psichiatria e scienze penali, 1888.

На 20 черепахъ кретиновъ изъ Ломбардіи и Пьемонта, аномалія носовой выемки составляла 55 проц. У сьумашедшихъ (почти всѣ пьемонтцы)—эта аномалія давала почти тотъ-же процентъ (42 проц.). 13 эпилептиковъ дали 38,16 проц. Ottolenghi искалъ аномаліи носоваго гребня на черепахъ 60 нормальныхъ людей, 30 преступниковъ, 13 эпилептиковъ, 50 сьумасшедшихъ и 20 кретиновъ; и нашелъ ихъ очень развитыми у преступниковъ (48,7 проц.), въ особенности у убійць, и у сьумасшедшихъ (40 проц.); эти аномаліи рѣже встрѣчаются у нормальныхъ людей (24 проц.).

Были изучены также размѣры, направленіе, поверхность и выпуклость носовыхъ костей.

Наиболѣе развиты носовыя кости у преступниковъ (въ особенности у убійць) (40 проц.); у нормальныхъ людей такое-же развитіе носовыхъ костей встрѣчается всего въ 4 случаяхъ изъ ста. X

Относительно направленія Ottolenghi нашелъ весьма частое (36 проц.) отклоненіе носовыхъ костей у преступниковъ; у эпилептиковъ оно составляло 30 проц.; у нормальныхъ людей всего 16 проц.

Также встрѣчалось *асимметрическое носовое отверстие*, названное Welecker'омъ *птелеиформнымъ*; эта аномалія, очень рѣдкая у нормальныхъ людей (8 проц.), преобладаетъ у преступниковъ (37,5 проц.), въ особенности у воровъ (37,5 проц.) и у сьумасшедшихъ (32 проц.); у кретиновъ (20 наблюдений—20 проц.) и у эпилептиковъ (13 наблюдений—32 проц.).

Ottolenghi изучалъ также на живыхъ людяхъ (630 нормальныхъ людей, 392 преступника, 40 эпилептиковъ и 10 кретиновъ), форму носа, его профиль, основаніе,

ширину, выпуклость, по правиламъ, намѣченнымъ Bertillon'омъ¹⁾.

Преступники имѣютъ вообще прямой носъ (60,31 проц.) съ горизонтальнымъ основаніемъ (60,97 проц.), умѣренной длины (48,73 проц.), не слишкомъ выпуклый (38,53 проц.), часто нѣсколько отклоненный въ сторону (48,13 проц.) и довольно широкой (54,14 проц.)

Довольно рѣзко различаются носъ вора и носъ изнасилователя. +

Воры, преимущественно, имѣютъ носъ прямой (40,4 проц.) часто вогнутый (23,3 проц.), вздернутый у основанія, (32,3 проц.) короткий (30,92 проц.), широкий (53,28 проц.), сплюснутый (31,33 проц.) и во многихъ случаяхъ отклоненный въ сторону (37,5 проц.).

Изнасилователи наичаще имѣютъ прямой носъ (54,5 проц.) сплюснутый (50 проц.) и отклоненный въ сторону (50 проц.), умѣренныхъ размѣровъ.

У нормальныхъ людей носъ или кривой (26,87 проц.) или волнистый (25,4 проц.), нѣсколько длинный (57,7 проц.) умѣренной ширины (54,8 проц.); у основанія весьма часто опущенный (42 проц.) и очень рѣдко отклоненный въ сторону; чаще всего выпуклый (30 проц.).

Такимъ образомъ наичаще носъ преступника отличается отъ носа нормальнаго человѣка прямымъ профилемъ и отклоненіемъ въ сторону; носы различныхъ типовъ преступниковъ довольно рѣзко различаются другъ отъ друга длиной, шириной и выпуклостью.

¹⁾ Archives d'Anthropol. 1889, Paris

Носъ эпилептика часто волнистый (42 проц.) и кривой (32,8 проц.); у основанія горизонтальный (72,3 проц.) очень длинный (75 проц.), во многихъ случаяхъ довольно широкій (30 проц.); часто отклоненный въ сторону (25 проц.), почти всегда выпуклый (59,94 проц.).

У кретина носъ сплюснутый, очень часто вогнутый (50 проц.), съ горизонтальнымъ основаніемъ (100 проц.) короткій (60 проц.), широкій (100 проц.) сплюснутый (100 проц.) часто отклоненный въ сторону (40 проц.).

VII.

Относительно аномалій уха у преступниковъ Frigerio ¹⁾ обнародовалъ изслѣдованія, имѣющія большое значеніе. Вотъ выводы имъ полученные:

1) Ушная раковина занимаетъ первое мѣсто среди органовъ, указывающихъ на вырожденіе.

2) Уголъ между ухомъ и височной костью (angulus auriculotemporalis) заслуживаетъ наибольшаго вниманія, съ точки зрѣнія антропологии и опредѣленія тождества лица.

3) Этотъ уголъ нормально больше 90°; нормальный уголъ много меньше такого-же угла у преступниковъ и у съумасшедшихъ.

4) Среднее процентное отношеніе увеличивается отъ нормального человѣка къ съумасшедшему и къ преступнику. Оно выше у обезьяны, у которой этотъ уголъ въ рѣдкихъ случаяхъ меньше 100°.

5) Отношеніе между величиной конхи и величиной остальнаго уха уменьшается у здоровыхъ людей отъ первыхъ дней рожденія до юношескаго возраста.

Это отношеніе вмѣстѣ съ величиной угла между ухомъ и височной костью, кажется, находится въ соотношеніи со степенью умственного развитія.

6) Наибольшая измѣнчивость показателя конхи сравнительно съ измѣнчивостью показателя всего уха у здоровыхъ людей, даетъ поводъ думать, что съ первыхъ годовъ жизни и до зрѣлаго возраста конха развивается сильнѣе въ продольномъ направленіи, нежели въ поперечномъ.

7) Если взять среднія отношенія между конхой и всѣмъ ухомъ на обоихъ ушахъ у съумасшедшихъ, то найдемъ что, хотя величина конхи выше, чѣмъ у нормального человѣка, величина остальнаго уха ниже, чѣмъ у нормального человѣка. У съумасшедшихъ конха развита сильнѣе, чѣмъ остальное ухо, особенно въ поперечномъ направленіи.

8) Сообразно величинѣ конхи, съумасшедшихъ и преступниковъ можно расположить въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ: ненаслѣдственные — 0,69; вырожденные и изнасилватели — 0,67; разбойники — 0,66; убійцы — 0,65; воры и фальшивые монетчики — 0,65; наслѣдственные преступники — 0,64; поджигатели — 0,60.

Frigerio получилъ эти результаты при помощи отометра, очень остроумнаго и простаго инструмента, которымъ онъ обогатилъ антропологическую лабораторію.

Профессоръ Gradenigo изучалъ измѣненія уха на болѣе обширномъ матеріалѣ ¹⁾.

¹⁾ Giornali della R. Accademia di Torino. № 8, 9, 10, 1889.
Annales des maladies des oreilles. 1889.
Comptes rendus du congrès intern d'otologie, Paris, 1889, p. 144.

¹⁾ Archives d'anthropol. crimin., 1888 p. 17

Количество произведенных имъ наблюдений очень велико; кромѣ внимательнаго изслѣдованія 650 лицъ, (350 мужчинъ и 300 женщинъ) онъ бѣгло осмотрѣлъ уши у 25.000 лицъ въ Туринѣ (15.000 мужчинъ и 10.000 женщинъ). Онъ изслѣдовалъ также 330 съумасшедшихъ (180 мужчинъ и 150 женщинъ) 76 кретиновъ (50 мужчинъ и 26 женщинъ) 352 типичныхъ преступника (304 мужчины и 48 женщинъ).

Вотъ его выводы:

	Преступ.	Частн. люди	
		мужч.	женщ.
	проценты:		
Нормальн. уши	29,2	50,55	62
Добавочные доли	25	28	22
Петлистые уши (à anse)	24	12,15	6
Уши Wildermuth'a	18	6,2	9,12

У обыкновенныхъ людей уши à anse встрѣчаются приблизительно вдвое рѣже среди женщинъ, чѣмъ среди мужчинъ; уши Wildermuth'a ¹⁾, наоборотъ, попадаютъ чаще у женщинъ.

Аномалии въ образованіи уха встрѣчаются въ Туринѣ приблизительно вдвое чаще у преступниковъ, чѣмъ у непреступныхъ. Что касается цифры, выражающей количество добавочныхъ долей, то исключеніе это только кажущееся, потому что у преступниковъ очень часто находятъ добавочныя доли, продолжающіяся вдоль щеки, аномалию, болѣе существенную, чѣмъ простыя добавочныя доли. Затѣмъ Gradenigo нашелъ, что у

¹⁾ Ухо характеризуется болѣе рѣзкой выпуклостью противу-завитка, по отношенію къ завитку.

преступниковъ чрезвычайно часто встрѣчаются дарвиновскія уши: плохое развитіе завитка и противузавитка, ассиметрическое прикрѣпленіе ушей и проч.

Изъ его изслѣдованій можно вывести, кромѣ того, что процентное отношеніе аномалій уха осязательно измѣняется, даже не касаясь пола, соотвѣтственно странѣ, городу, общественному положенію, и даже, по отношенію къ извѣстнымъ аномаліямъ, соотвѣтственно возрасту. Ему попадалось гораздо большее число петлистыхъ ушей (à anse) удѣтей (25 проц.) чѣмъ у взрослыхъ (12,15 проц.).

VIII.

Тарновская, изучая публичныхъ женщинъ, воровокъ и крестьянокъ, нашла ¹⁾, что емкость черепа у проституттокъ меньше, чѣмъ у воровокъ и крестьянокъ, а особенно въ сравненіи съ женщинами высшихъ классовъ.

	50 публ. женщ.	100 публ. женщ.	100 воровокъ.	50 дерев. бабъ (сѣв.)	50 дерев. бабъ (югъ.)	50 дамъ х-рош. обл.
Переднезадній діаметръ. . . .	17,7	17,8	17,9	18,3	18,	18,3
Наибольшій попереч. діам. . .	13,9	14,4	14,9	14,5	14,5	14,5
Наибольшая окружность . . .	52,9	53,3	53,5	52,7	53,6	53,8
Разстояніе скуловыхъ костей. .	14,4	11,4	11,2	10,9	11,4	11,3
Разстояніе обоихъ угловъ челюстей	10,1	10,18	9,1	9,1	9,9	9,8

Обратно, скулы и челюсти болѣе развиты у проституттокъ, у которыхъ вообще больше аномалій (87 проц.), чѣмъ у воровокъ (79 проц.) и у крестьянокъ (12 проц.).

¹⁾ Архивъ Мержеевскаго, 1887.

33 проц. проститутокъ происходятъ отъ алкоголиковъ, тогда какъ такое же происхождение у воровокъ составляетъ 41 проц., а у крестьянокъ 16 проц.

De Albertis, изслѣдуя 300 проститутокъ Генуи, нашелъ татуировку въ 70 проц. Онъ нашелъ у нихъ также очень пониженную тактильную чувствительность (3,6 милим. на правой сторонѣ, 4 милим. на лѣвой сторонѣ).*

По отношенію къ преступницамъ Salsotto сдѣлалъ совершенно новыя наблюденія (на 130 воровкахъ); онъ нашелъ, что признаки вырожденія, аномаліи лица, черепа у преступныхъ женщинъ встрѣчаются рѣже, чѣмъ у мужчинъ.—Брахицефалію онъ нашелъ у 7, оксицефалію у 29, плагицефалію у 7, подавшійся назадъ лобъ у 7, косоглазіе у 11, уши à anse у 6, нормальную осязательную чувствительность у 2 проц., ослабленіе сухожильныхъ рефлексовъ у 4 проц., повышеніе ихъ у 12 проц.

Marro и Morselli объяснили эту громадную разницу, которая встрѣчается также у эпилептиковъ и у умалишенныхъ, половымъ подборомъ: мужчины, конечно, не выберутъ уродливыхъ женщинъ, съ признаками вырожденія; тогда какъ женщины не имѣютъ выбора, и довольно часто уродливый преступникъ, но обладающій силою, благодаря послѣднему обстоятельству, побѣждаетъ всѣ препятствія, и даже иногда ему оказывается предпочтеніе. (Flaubert. Correspondance. 1889).

Прибавимъ, что материнскія заботы, смягчая характеръ женщины, усиливаютъ въ ней чувство жалости.

IX.

Ottolenghi ¹⁾ изучалъ въ моей лабораторіи морщины у 200 преступниковъ и у 200 нормальныхъ людей (рабочихъ и крестьянъ). Онъ нашелъ, что у преступниковъ морщины появляются чаще и раньше, въ 2—5 разъ, чѣмъ у нормальныхъ людей, съ преобладаніемъ скуловой морщины (расположенной посреди щеки), которую, по справедливости, можно бы назвать *морщиной порока*, характерной для преступниковъ.

У преступницъ (80) морщины также встрѣчаются чаще, нежели у порядочныхъ женщинъ, хотя эта разница выступаетъ не такъ рѣзко. Вспомните морщины колдуньи.

Достаточно взглянуть на бюстъ знаменитой сицилійской отравительницы, хранящейся въ національномъ музеѣ въ Палермо; ея лицо сплошь покрыто морщинами.

Онъ-же, изучая, вмѣстѣ со мною появленіе сѣдыхъ волосъ и плѣшивости, доказалъ ²⁾ ихъ отсутствіе, или ихъ позднее появленіе у преступниковъ, также у эпилептиковъ.

1)	До 25 лѣтъ.		Между 25 и 50 годами.	
	Норм. люди.	Преступн.	Норм. люди.	Преступн.
	п р о ц е н т ы:			
Морщины лба	7,1	34	62	86
Носогубныя морщины .	22	69	62	78
Скуловыя морщины . .	—	16	18	33

²⁾ La calvizie, la canizie e le rughe nei normali, nei criminali negli epilettici nei cretini. (Archivio di Psichiatria in Torino 1889, X.).

лентиковъ и у кретиновъ. Среди первыхъ лишь мошенники нѣсколько приближаются къ нормальнымъ людямъ ¹⁾

Наоборотъ, у 280 преступницъ сѣдые волосы наблюдались чаще, а плѣшивость рѣже, чѣмъ у 200 обыкновенныхъ работницъ.

Х.

Заканчивая этотъ отдѣлъ мы не можемъ не отозваться съ похвалой о прекрасномъ открытіи, которымъ мы обязаны, въ чемъ охотно признаемся, юристу Anfosso. *Тахиантропометръ*, имъ устроенный, представляетъ по истинѣ, автоматическій измѣритель (Archiv. de Psychiatr. IX р. 173). Его бы можно назвать антропометрической гильотиной, если бы это названіе не имѣло такой специальной окраски: столь быстро и точно даетъ этотъ инструментъ важнѣйшія измѣренія тѣла; это позволяетъ даже людямъ вполне чуждымъ наукѣ, производить антропометрическія изслѣдованія; при помощи тахиан-

¹⁾	Сѣдоловые. Плѣшивые процентовъ	
400 нормальныхъ людей	62,5	19
80 эпилептиковъ	31,5	12,7
40 кретиновъ	11,7	13,5
490 преступниковъ	25,9	48
воровъ.	24,4	2,6
мошенниковъ.	47	13,1
преступниковъ противъ тѣл.		
неприкоснов.	23,7	5,3
80 преступницъ	45	9,7
200 обыкновенныхъ женщинъ . .	60	13

рометра ускоряется способъ удостовѣренія личности преступника, улучшение котораго навсегда останется величайшей заслугой Бертильона. Оказывая услугу юридической практикѣ, тахиантропометръ даетъ возможность производить въ широкихъ размѣрахъ наблюденія, доступныя до сихъ поръ лишь ученымъ.

Этотъ инструментъ былъ недавно испытанъ Rossi, ¹⁾ провѣрившимъ результаты своихъ измѣреній на 100 преступникахъ (почти исключительно воры); у 88 длина распростертыхъ рукъ превышала ростъ; у 11 она была меньше длины роста; правая нога больше лѣвой оказалась у 30; лѣвая больше правой у 58; равная длина обѣихъ ногъ у 12; правая рука длиннѣе лѣвой у 43; лѣвая рука длиннѣе правой у 54; этимъ вполне подтверждается большее развитіе лѣвой половины тѣла (mancinisme), обнаруженное уже раньше динамометромъ и изученіемъ походки преступниковъ ¹⁾.

Лучшаго подтвержденія часто встрѣчающагося усиленнаго развитія лѣвой половины тѣла нельзя и найти; вмѣстѣ съ тѣмъ это—хорошій признакъ атаксизма; ибо Rollet наблюдалъ у 42 антропоидныхъ болѣе длинное лѣвое плечо въ 60 случаяхъ, а у людей всего въ 7 случаяхъ изъ 100 (Revue scientifique, 1889).

Подобное чисто анатомическое превосходство лѣвой половины тѣла подтверждено также мною и Ottolenghi посредствомъ измѣренія кистей рукъ, среднего пальца и правой и лѣвой ступни у 90 нормальныхъ людей и

¹⁾ (Archivio di Psichiatria, vol. X, р. 191, 1889.)

у 100 врожденныхъ преступниковъ. (Archivio di Psichiatria. X, 8) ¹⁾.

	Болѣе длинная кисть руки.		Средній палецъ.		Нога.	
	прав.	лѣв.	прав.	лѣв.	прав.	лѣв.
	про цент ов ь.					
Нормальные люди . . .	14,4	11	16,6	15,5	38,5	15,6
Преступники	5,	25	10	27	27	35
Мошенники	4,3	13	13	21,7	21,7	26
Изнасилватели	7	14,2	14,2	28,4	35,7	35,7
Преступники противъ тѣл.						
неприкоснов.	15	25	5	25	20	55
Воры	0	34,8	13	30,4	26	26,6
Карманники (Pick-Pocket). 0	35		5	30	35	25

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отправленія у преступниковъ и проч.

Сопровивленіе болевому ощущенію. Сопровивленіе болевому ощущенію, аналгезія—представляетъ самую значительную аномалію врожденного преступника, не встрѣчающуюся въ такой степени даже у дикихъ племенъ. Я доказалъ притупленіе болевой чувствительности при помощи моего электрическаго алгометра; а примѣры этому существовали въ большемъ числѣ и до меня.

Тюремные врачи знаютъ, что преступники часто мало чувствительны къ самымъ болѣзненнымъ операціямъ (напр., прижиганіе каленымъ желѣзомъ). Одинъ воръ перенесъ ампутацію ноги, не испустивъ никакого стога, и тотчасъ послѣ операціи сталъ играть съ обрубкомъ. Одинъ убійца, выписанный, за истеченіемъ срока наказанія, изъ каторжной тюрьмы на островъ С..., просилъ директора оставить его еще на нѣкоторое время; когда его просьбу отклонили, онъ себѣ разорвалъ рукояткой большой ложки животъ, затѣмъ спокойно поднялся по лѣстницѣ, забрался на свою постель, и спустя короткое время, умеръ безъ всякаго стога.

Убійца Descourbes, желавшій избѣжать Кайенны, нарочно изранилъ себѣ ноги; излеченный отъ этихъ

ранъ, онъ пропустилъ посредствомъ иглы, черезъ колѣнную чашку волосъ, и умеръ отъ этого. У Mandrin'a, до того, какъ его обезглавили, терзали раскаленными щипцами руки и ноги въ 8 различныхъ мѣстахъ, но онъ не издалъ ни одного стога. Чтобы уничтожить предательскія примѣты В... выбилъ себѣ посредствомъ пороха три зуба; К... содралъ себѣ кожу съ лица посредствомъ осколковъ стекла (Vidosq.).

Я видѣлъ, какъ двое убійцъ, ненавидѣвшихъ другъ друга издавна и сдѣлавшихъ другъ на друга доносъ, на прогулкѣ подрались, причемъ одинъ укусилъ другому губу, а тотъ вырвалъ у противника волосы; оба потомъ жаловались не на раны, повлекшія за собою тяжелыя послѣдствія а на то, что имъ не удалось докончить мщенія.

х Такою аналгезіею объясняются мучительные способы самоубійства, практикуемые въ тюрьмахъ, а также наклонность къ самоубійству даже у тѣхъ, которымъ остается всего нѣсколько дней до освобожденія изъ заключенія, какъ то замѣчено въ Мазасѣ. Ею-же объясняются нѣкоторыя странныя явленія изъ уголовной хроники, въ особенности явленія, названныя древними поэтами *invulnerabilitas* т. е. недоступностью для пораненія; я обозначилъ бы это болѣе скромнымъ и медицинскимъ терминомъ *disvulnerabilitas* преступниковъ т. е. нечувствительностью къ пораненію.

Профессоръ Benedikt видѣлъ въ одной тюрьмѣ разбойника изъ знаменитой шайки Rizza Sandor'a, настоящаго гиганта и атлета, принимавшаго участіе въ возмущеніи арестантовъ; онъ былъ жестоко избитъ сторожами, причемъ ему сломали нѣсколько позвонковъ. Всѣ его

раны зажили, но съ тѣхъ поръ гигантъ превратился въ какого-то карлика; тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ работать въ тюремной кузницѣ и употреблялъ въ дѣло тотъ-же тюремный молотъ, которымъ работалъ въ лучшую пору разцвѣта своихъ силъ.

Я со своей стороны наблюдалъ еще болѣе поразительные случаи. Одному вору, во время кражи, раскололи правую половину лба ударомъ топора, нанесеннымъ сбоку; черезъ 15 дней онъ выздоровѣлъ безъ всякихъ послѣдствій.

Черепъ того разбойника изъ шайки Rizza Sandor'a, о которомъ говорилъ Benedikt, былъ присланъ знаменитымъ пештскимъ профессоромъ Lenhossek'омъ въ Римъ на антропологическую выставку. Этотъ черепъ былъ значительно вдавленъ на лѣвой теменной кости, вслѣдствіе огнестрѣльной раны, что не помѣшало этому разбойнику бороться въ теченіи нѣсколькихъ дней съ русскими и австрійскими войсками, о чемъ свидѣлствуетъ Bosany.

Въ тюрьмѣ, гдѣ я состою врачомъ, одинъ убійца каменщикъ изъ-за выговора за какой-то незначительный проступокъ бросился изъ третьяго этажа, съ высоты 9 метровъ, на вымощенный дворъ. Всѣ считали его мертвымъ; послали за врачомъ и даже за священникомъ, какъ вдругъ онъ поднимается, улыбаясь, и проситъ позволенія продолжать прерванную работу.

Лица, обладающія указанною способностью (*disvulnerabilitas*) считаютъ себя привилегированными, и презираютъ нѣжныхъ и чувствительныхъ. Этимъ грубымъ людямъ доставляетъ удовольствіе безпрестанно мучить другихъ, которыхъ они считаютъ за существа нисшія.

Таковъ двойной источникъ жестокости преступниковъ, какъ это справедливо замѣчено Benedikt'омъ. Видя страданія другаго, мы, при помощи нашей памяти, испытываемъ тѣ-же ощущенія; на насъ отражаются, такъ сказать, эти страданія. Отсюда рождается состраданіе, которое мы считаемъ добродѣтелю. Чѣмъ мы чувствительнѣе, тѣмъ болѣе мы склонны къ состраданію. При врожденномъ пониженіи чувства боли и непріятныхъ ощущеній, склонности къ состраданію почти не замѣчается.

Выдѣленія. Ottolenghi сдѣлалъ въ моей лабораторіи нѣсколько изслѣдованій надъ количествомъ выдѣляемыхъ: мочевины, хлоридовъ и фосфатовъ у 15 врожденныхъ преступниковъ и у 3 случайныхъ преступниковъ, находившихся въ одинаковыхъ условіяхъ питанія ¹⁾).

Вотъ выводы, выраженные въ цифрахъ:

Моч. на 1000 гр. в. тѣла.	Врожден. преступники. . .	0,39 гр.
	Случайн. преступники . . .	8,53 »
Фосфатовъ id.	Врожден. преступники. . .	0,024 »
	Случайн. преступники . . .	0,0195 »
Хлоридовъ id.	Врожден. преступники. . .	0,28 »
	Случайн. преступники . . .	0,09 гр.

Слѣдовательно, врожденные преступники выдѣляли меньшее количество мочевины и большее противъ нормы количество фосфатовъ, а количество хлоридовъ оставалось безъ измѣненія.

Такіе-же результаты получились и въ случаяхъ психической эпилепсіи, тогда какъ у случайныхъ преступниковъ не замѣчалось этой аномаліи.

Rivano ¹⁾, наоборотъ, находилъ у эпилептиковъ, во время приступа, увеличенное количество мочевины, и уменьшенное количество фосфатовъ; кромѣ того въ дни приступовъ оказывалось: въ 33 проц. бѣлокъ; въ 29 проц. ацетонъ; въ 87 проц. пептоны.

Обонаніе. Ottolenghi изучалъ обонаніе у преступниковъ. Для этой цѣли онъ составилъ осмометръ, состоящій изъ 12 водныхъ растворовъ гвоздичной эссенціи различной крѣпости, отъ 1 на 50000 до 1 на 100.

Свои опыты онъ раздѣлил на нѣсколько серій, дѣлая по одной серіи опытовъ въ день, при одинаковыхъ условіяхъ вентилляціи, и возобновляя растворы для каждаго наблюденія съ цѣлью избѣжать вліянія испаренія.

Прежде всего онъ старался найти наименьшую степень разведенія, воспринимаемую обонаніемъ. Иногда онъ прибѣгалъ къ другому способу, а именно, перемѣщалъ различные флаконы, и затѣмъ предлагалъ испытуемому размѣстить ихъ по степени интенсивности запаха.

Онъ дѣлил ошибки въ размѣщеніи флаконовъ на грубыя и легкія, смотря по тому, была-ли сдѣлана ошибка въ размѣщеніи флаконовъ на одну, или на нѣсколько степеней. Такимъ способомъ были изслѣдованы 80 преступниковъ (50 мужчинъ и 30 женщинъ) и 50 нормальныхъ людей (30 мужчинъ преимущественно изъ тюремной прислуги, и 20 обыкновенныхъ женщинъ).

Выводы оказались слѣдующіе:

¹⁾ Giornal. del Academia mèd. di Torino, 1888. Archivio di Psichiatria-, 1888. X.

¹⁾ Archivio di Freniatria, Torino, 1889.

У нормальныхъ людей средняя острота обонянiя колеблется между 3-ей и 4-ой степенью осмометра; у преступниковъ между 5-ою и 6-ою степенью; у 44 лицъ обонянiе вполне отсутствовало. У нормальныхъ мужчинъ замѣчалось, въ среднемъ, 3 ошибки въ распредѣленiи флаконовъ; у преступниковъ—5 такихъ ошибокъ и изъ нихъ 3 грубыхъ ошибки.

Нормальныя женщины имѣли остроту обонянiя, соответствующую 4-ой степени осмометра; преступницы соответственно 6-ой степени; у двухъ преступницъ обонянiе вполне отсутствовало; нормальныя женщины дѣлали, въ среднемъ, 4 ошибки; преступницы—5 ошибокъ.

Изъ 8 случаевъ отсутствiя обонянiя у преступниковъ 2 случая были связаны съ измѣненiемъ носа; въ остальныхъ случаяхъ было нѣчто въ родѣ обонятельной слѣпоты: они ощущали запахъ, но не могли его опредѣлить, а тѣмъ болѣе классифицировать.

Чтобы убѣдиться, на сколько справедливо мнѣнiе, что у преступниковъ противъ нравственности обонянiе очень сильно развито ¹⁾, Ottolenghi изслѣдовалъ обонянiе у 30 изнасилователей и у 40 проститутокъ. У 33 проц. первой категорiи найдена слѣпота на обонянiе; у остальныхъ острота обонянiя отвѣчала 5-ой степени осмометра.

Затѣмъ, заставивъ распредѣлять различные растворы соответственно степени ихъ крѣпости, онъ замѣтилъ у нихъ 3 грубыхъ ошибки.

У 19 проц. публичныхъ женщинъ онъ обнаружилъ

¹⁾ Krafft—Ebing. Psychop. sexual. 1889, 4 ed. Wien.

обонятельную слѣпоту; у остальныхъ острота обонянiя отвѣчала 5-й степени осмометра.

При сравненiи этихъ результатовъ съ результатами, полученными у нормальныхъ людей, оказывается, что у преступниковъ обонянiе развито гораздо слабѣе.

Вкусъ. Ottolenghi изслѣдовалъ у 100 преступниковъ (60 врожденныхъ, 20 случайныхъ и 20 женщинъ) ощущенiе вкуса; онъ сравнивалъ ихъ съ 20 людьми низшаго класса, 20 профессорами и студентами, 20 обыкновенными и 40 публичными женщинами. Опыты свои онъ производилъ съ 11 растворами стрихнина (въ разведенiи отъ 1:80.000 до 1:50.000), сахарина (1:100.000 до 1:10.000) и 10 растворами поваренной соли (1:500 до 3:100). У преступниковъ всегда замѣчалось нѣкоторое притупленiе вкуса. ✕

Наименьшая тонкость вкуса встрѣтилась у 38 проц. врожденныхъ преступниковъ, у 30 проц. случайныхъ преступниковъ и у 20 проц. преступницъ; въ то время какъ для профессоровъ и студентовъ тонкость вкуса выражалась цифрою 14, для людей низшаго класса 25; для публичныхъ женщинъ 30 и наконецъ для обыкновенныхъ женщинъ 10.

Походка. Произведеннымъ мною совместно съ Peracchia ¹⁾ изслѣдованiя относительно походки, по способу Gilles de la Tourette'a, показали, что, въ противоположность нормальнымъ людямъ, у преступниковъ лѣвый шагъ вообще, длиннѣе праваго; кромѣ того шагъ преступника отклоняется отъ осевой линiи болѣе вправо, чѣмъ влѣво, ✕

¹⁾ Archivio di Psichiatria. 1888.

т. е. лѣвая ступня образуетъ съ осевой линіей большій уголъ отклоненія, чѣмъ правая ступня; эти-же характерныя особенности походки встрѣчаются и у эпилептиковъ.

Почеркъ. Типическія черты, найденныя мною въ почеркѣ преступниковъ, особенно убійцъ, были подтверждены при помощи гипнотическихъ опытовъ. У молодаго студента, подъ вліяніемъ гипноза, вообразившаго себя разбойникомъ, почеркъ сталъ грубымъ и неправильнымъ, съ громадными t, тогда какъ его обыкновенный почеркъ отличался изяществомъ, тонкостью, былъ почти женскій.

Тотъ-же студентъ, подъ вліяніемъ внушенія, что онъ маленькая дѣвочка, сохранилъ въ дѣтскомъ почеркѣ нѣкоторую грубость разбойничьяго почерка.

Жесты. У преступниковъ существуетъ старинный способъ передавать свои мысли жестами.

Avé-Lallemant описалъ цѣлую серію жестовъ германскихъ воровъ, настоящій языкъ, исполняемый на пальцахъ какъ у нѣмцевъ.

Vidosq говоритъ, что воры, подстерегая жертву, дѣлаютъ знакъ св. *Іоанна*, т. е. подносятъ руку къ галстуху, или просто снимаютъ шляпу.

Особенно важныя изслѣдованія напечаталъ по этому поводу Pitré.

Въ своихъ «*Usi e costumi dela Sicilia*» онъ описываетъ 48 жестовъ, свойственныхъ преступникамъ. Такое изобиліе объясняется усиленною подвижностью врожденныхъ преступниковъ, сходныхъ въ этомъ отношеніи съ дѣтьми.

Татуировка. Казалось-бы, что послѣ великолѣпныхъ изслѣдованій Lacassagne'a, Marro, и моихъ изслѣдова-

ній, ¹⁾ нельзя сказать ничего новаго по поводу этого предмета. А между тѣмъ изслѣдованія Severi, Lucchiani и Boselli, произведенныя надъ 4.000 новыми преступниками, дали очень интересные результаты; причемъ оказалось, что татуированныхъ среди преступниковъ въ 8+ разъ больше, чѣмъ среди умалишенныхъ той-же страны. (Флоренція и Люкъ). Необыкновенная распространенность татуировки среди военныхъ преступниковъ достигаетъ 40 проц.; среди несовершеннолѣтнихъ—33 проц.; среди женщинъ лишь 1,6 проц., но этотъ процентъ возросъ-бы до 2 проц., если сюда включить татуировку въ видѣ мушекъ, на подобіе родимыхъ пятенъ, которыя употребительны и среди богатыхъ кокотокъ.

Кромѣ большой распространенности, поражаетъ и самый характеръ содержанія татуировокъ: безстыдство, хвастовство преступленіемъ и странный контрастъ дурныхъ страстей, на ряду съ наиболѣе нѣжными чувствами.

М. [С. 27 лѣтъ, осужденный, по крайней мѣрѣ, разъ 50 за бунтъ, драки, нанесеніе ранъ и ударовъ людямъ и лошадямъ; онъ написалъ исторію своихъ преступленій на собственномъ тѣлѣ; здѣсь кстати упомянемъ, что у гнусной Rosny, недавно кончившей самоубійствомъ въ Лионѣ, все тѣло было покрыто татуировкой съ эротическими изображеніями; здѣсь можно было прочесть имена всѣхъ ея любовниковъ, съ обозначеніемъ чиселъ, когда она ихъ покинула.

Ф. С. Ломовикъ 26 лѣтъ, рецидивистъ. На груди

¹⁾ См. Nouvelle Revue, 1888 и Uomo delinq., 4-ed, 1889

у него изображено сердце, пронзенное кинжаломъ (символь мести), на правой рукѣ изображена кафешантанная пѣвица, въ которую онъ былъ влюбленъ. На ряду съ этимъ и другими татуировками, которыхъ изъ приличія нельзя здѣсь описать, ¹⁾ съ удивленіемъ замѣчаешь изображеніе могильнаго памятника, съ надписью: «моему дорогому отцу». Странныя противорѣчія представляетъ человѣческій умъ!

В... дезертиръ, имѣетъ на груди изображеніе св. Георгія и ордена почетнаго Легіона, а на правой рукѣ изображеніе почти нагой пьющей женщины, съ надписью: «Смочимъ немного внутренности».

Q. А. поденщикъ, много разъ осужденный за кражу, изгнанный изъ Франціи и Швейцаріи; у него на груди изображены два швейцарскихъ жандарма съ надписью: «Vive la république». На правой рукѣ пронзенное сердце и рядомъ рыба голова макро; это означаетъ, что онъ намѣренъ заколотъ сутенера, своего соперника.

У другаго вора мы видѣли на лѣвой рукѣ горшокъ съ лимоннымъ деревомъ, и инициалы V. G. (vengeance—месть); это, на оригинальномъ нарѣчій преступниковъ, означаетъ—измѣна, а затѣмъ мечь. Онъ не скрывалъ, что постоянною его мыслью было отомстить женщинѣ, которая сперва его любила, а затѣмъ бросила; онъ намѣревался отрѣзать ей носъ; онъ даже отказался отъ услугъ брата, который брался совершить эту операцію, чтобы доставить самому себѣ это удовольствіе, разъ онъ будетъ на свободѣ.

¹⁾ См. Atlas de l'homme crim., 1888, Alcan.

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ видно, что у преступниковъ существуетъ родъ гіероглифическаго письма, не имѣющаго ни правилъ, ни постоянной формы; это письмо обусловлено повседневыми явленіями и жаргономъ, какъ это было, по всей вѣроятности, у первобытныхъ людей.

Ключъ, очень часто, означаетъ у воровъ сохраненіе тайны, а мертвая голова—месть. Иногда фигуры замѣняются точками; одинъ преступникъ подвергшійся наказанію, имѣлъ 17 точекъ, что означало, по его объясненію, что онъ 17 разъ оскорбитъ своего врага, если тотъ попадется ему на глаза.

Неаполитанскіе татуированные преступники, обыкновенно, дѣлаютъ себѣ длинныя надписи, но слова замѣняются начальными буквами. Многіе изъ неаполитанскихъ каморристовъ имѣютъ татуировку, изображающую рѣшетку, за которой находится заключенный, а подъ нею инициалы: Q. F. Q. P. M. т. е.: *Quando finiranno queste pene? Mai!* Когда окончатся эти страданія? Никогда!

У другихъ имѣются инициалы: C. G. P. V. и т. д. т. е. *Courage, galériens, pour voler et piller nous devons tout mettre à sang et à feu.* (Смѣлѣе! каторжники, чтобы воровать и грабить, надо все подвергнуть огню и мечу!)

Уже изъ этихъ примѣровъ видно, что татуировка употребительна въ различныхъ преступныхъ сообществахъ и служить знакомъ принадлежности къ нимъ.

Въ Баваріи и въ Южной Германіи всѣ воры, составляющіе одну шайку, узнаютъ другъ друга по татуировкѣ *T und L* т. е. *Thal und Land*; этими словами

они обмѣниваются при встрѣчахъ; въ противномъ случаѣ они сами доносятъ полиціи другъ на друга.

В... воръ, имѣющій на правой рукѣ изображеніе двухъ скрещенныхъ рукъ, съ надписью: «Union», окруженной гирляндой изъ цвѣтовъ, разсказалъ намъ, что эта татуировка принята многими злоумышленниками и членами преступныхъ сообществъ Южной Франціи (Draguignan.).

По объясненію, данному извѣстными каморристами, пять точекъ на правой рукѣ, ящерица, или змѣя, означаютъ первую степень, занимаемую въ этомъ опасномъ сообществѣ.

Прохожу молчаніемъ, и не безъ основанія, татуировки всѣхъ прочихъ частей тѣла.

Въ новомъ изданіи: *Rivistade anthropologia criminal* появившемся въ Мадридѣ, Sallilas обнародовалъ превосходный очеркъ татуировки испанскихъ преступниковъ. По его мнѣнію, этотъ обычай очень распространенъ среди убійцъ, причемъ преобладаетъ религіозный характеръ, но всегда съ отпечаткомъ наглаго цинизма, замѣчаемаго, впрочемъ, и у другихъ преступниковъ.

Недавно мнѣ представился случай убѣдиться, до какой степени атавистична наклонность преступниковъ къ этой странной операци.

Одинъ изъ неисправимѣйшихъ воровъ, имѣющій шесть братьевъ, татуированныхъ также, и тѣло котораго почти на половину было уже покрыто татуировкой самаго циничнаго содержанія, просилъ меня однако, отыскать для него татуировщика, чтобы закончить то, что можно бы назвать отдѣлкой его кожи: «Забавная, занимающая все тѣло, татуировка, разсказывалъ онъ, для

насъ, воровъ, тоже, что фракъ съ орденами. Чѣмъ болѣе мы татуированы, тѣмъ большимъ значеніемъ пользуемся среди товарищей. Наоборотъ, не татуированный не пользуется никакимъ вліяніемъ; его не считаютъ за порядочнаго мошенника и онъ не пользуется уваженіемъ шайки».

Другой мнѣ разсказывалъ: «Очень часто, когда мы отправляемся къ публичнымъ женщинамъ, онѣ, видя богатство нашей татуировки, осыпаютъ насъ подарками и предлагаютъ намъ деньги, взамѣнъ того, чтобы брать съ насъ».

Если все это не признаки атавизма, то атавизма не существуетъ въ наукѣ.

Конечно татуировку, какъ и другія типическія черты преступниковъ, можно встрѣтить и у нормальныхъ людей; но среди нормальныхъ людей нѣтъ такого громаднаго процента, нѣтъ той распространенности, напряженности этого явленія. У нормальнаго человѣка не замѣчается специфическаго оттѣнка, особеннаго отпечатка цинизма, беспорядочнаго, неразумнаго тщеславія преступленіемъ.

Но намъ возразятъ, что все это не касается психологіи; а лишь съ помощью психологіи возможно нарисовать настоящія черты преступнаго человѣка.

Я могъ бы отвѣтить, что татуировка представляетъ настоящее психологическое явленіе; я могъ бы присовокупить, что Feggi, въ предисловіи къ своему сочиненію объ убійцахъ, далъ намъ вмѣстѣ съ настоящей статистической психологіей, анализъ всѣхъ преступныхъ наклонностей, и описалъ состояніе преступника до и послѣ совершенія преступленія; такъ, на примѣръ, среди

прирожденных преступниковъ 42% всегда отрицають совершение ими преступленія; а изъ случайныхъ преступниковъ, особенно преступниковъ противъ тѣлесной неприкосновенности, заираются всего лишь 21%; изъ первыхъ 1%, а изъ вторыхъ 2% признаются со слезами, и проч. ¹⁾).

Глава третья.

Общія свойства. Патологія преступнаго чловѣка.

Случайные преступники (criminoloides.) ¹⁾ проявляютъ свойства врожденныхъ преступниковъ, правда въ смягченной, но однако вполне явственной формѣ. Органы чувствъ у нихъ притуплены меньше, рефлексы менѣе неправильны; аномаліи (особенно черепа) встрѣчаются рѣже; но всегда у нихъ можно отыскать какія-либо индивидуальныя черты, на примѣръ, болѣе черные волосы у домашнихъ воровъ, большее развитіе лѣвой стороны тѣла у мошенниковъ; у всѣхъ ихъ замѣчается сильная импульсивность и, противъ ожиданія, болѣе ранняя зрѣлость. Среди нихъ встрѣчается больше рецидивистовъ, чѣмъ среди врожденныхъ преступниковъ. X

Достаточно указать на мошенниковъ и карманныхъ воровъ; они, между преступниками — самые молодые и даютъ наибольшій процентъ рецидивистовъ, и тѣмъ не менѣе на нихъ слабѣе, чѣмъ на прочихъ преступникахъ отражаются особенности вырожденія и наследственность. X

¹⁾ L'omicidio, Torino, 1890r.

¹⁾ См. l'uomo delinq II vol, 3 ed., 1889.

Врожденный преступникъ, также какъ преступникъ по привычкѣ, отличаются, по Ферри, отъ случайнаго преступника тѣмъ, что первыхъ толкаетъ на преступленіе внутренняя сила, приобретенная, или врожденная, дающая имъ странное ощущеніе удовлетворенія при совершеніи преступленія; у послѣдняго же нѣтъ достаточной энергіи для сопротивленія внѣшней силѣ, толкающей на преступленіе.

Все таки, на мой взглядъ, между ними разница лишь въ степени; подобно тому, какъ на ряду съ крестинами, существуютъ полукрестины, крестиноподобные, существуетъ также типъ криминолоидовъ, стоящій выше типа врожденнаго преступника. Это—человѣкъ, который совершаетъ преступленіе лишь подъ вліяніемъ особенныхъ обстоятельствъ. Бѣда въ томъ, что всегда случайность служить началомъ привычки; а недостатокъ сопротивленія ведетъ къ тому, что, повторяя одно и то-же дѣйствіе, начинаютъ находить все большее и большее удовольствіе въ совершеніи его.

Спрашивается, почему-же не всѣ люди,—которымъ нанесено оскорбленіе, убиваютъ оскорбителя? Почему не всѣ обманутые мужья убиваютъ своихъ женъ?

(Случайность не порождаетъ вора; она, лишь, пробуждаетъ его, по удачному выраженію Garofalo (Criminologie, 1889). Случайность дѣйствуетъ лишь совмѣстно съ внутренней склонностью человѣка, склонностью—являющейся плодомъ либо наслѣдственности, либо воспитанія, либо обѣихъ причинъ вмѣстѣ, но во всякомъ случаѣ подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ общественной среды, въ которой провели свою жизнь предки преступника, или онъ самъ.

Непроявившійся преступникъ ¹⁾, честный по случайности, или по внѣшности, есть противоположность случайнаго преступника. Къ этому типу принадлежать многіе политическіе дѣятели. Весьма часто политика, общественная борьба, иногда религія, служатъ предохранительнымъ клапаномъ, или скорѣе, прикрываютъ преступныя наклонности; благодаря меньшему мизантропизму, преступникъ скорѣе, чѣмъ честный человѣкъ, склоненъ къ воспріятію новаго (стр. 133). Этимъ объясняется, почему люди, представляющіе очень выраженный типъ преступника, очень рѣзкія невропатическія аномаліи, не только не совершали никакого нарушенія общественнаго права, но, напротивъ, съ высокимъ самоотверженіемъ исполняли политическія обязанности.

Такимъ-же образомъ становится понятнымъ то глубокое сродство, вслѣдствіе котораго политическаго арестанта часто тянетъ, по словамъ одного изъ нихъ, къ обыкновенному преступнику. Впрочемъ имъ часто случается переходить рубиконъ обыкновеннаго проступка. Въ исторіи французскихъ революцій, ирландскихъ возстаній, старинныхъ флорентинскихъ возмущеній, часто встрѣчаются государственные люди, бывшіе ворами, убійцами, и списокъ ихъ длиненъ. Счастливы въ концѣ концовъ, злодѣи. Они презираютъ правосудіе! (Тардъ)

Нынѣ, когда въ европейскомъ обществѣ царитъ истинная олигархія адвокатовъ, разоблаченіе ихъ проступковъ можетъ послужить лишь во вредъ обвинителю.

¹⁾ Lombroso. Uomo delinq., II vol., 1889. Я повторяю здѣсь вкратцѣ прекрасное критическое обзорѣе Tarde'a (Revue philosoph., 1889, № 11).

Я самъ могъ-бы назвать нѣсколько всѣмъ извѣстныхъ участниковъ, или предводителей каморръ и, въ частности, одного товарища, который меня обкрадывалъ, будучи ребенкомъ, молодымъ человѣкомъ, наконецъ человѣкомъ зрѣлаго возраста; который обладаетъ всѣми чертами врожденного преступника, и пользуется, тѣмъ не менѣе полнымъ уваженіемъ окружающихъ.

✕ *Маттоиды*. Не только всякому виду преступленія соотвѣтствуетъ извѣстная форма помѣшательства, но нѣтъ ни одной формы помѣшательства, которая не платила-бы своей дани преступленію. Маттоидизмъ въ числѣ этихъ формъ занимаетъ выдающееся мѣсто. Маттоидизмъ—сочетаніе слабоумія съ маніей величія, представляетъ чрезмѣрное развитіе гордости и честолюбія, на почвѣ слабоумія. Маттоидъ есть продуктъ скороснѣлой и искусственной цивилизаціи.

Подобно другимъ преступникамъ, маттоидъ часто мѣняетъ свою профессію. Это—сутяга, бѣшеный полемистъ, постоянно обуреваемый навязчивыми идеями самаго противоположнаго характера. Лицо и черепъ маттоида почти всегда нормальны; этотъ типъ преобладаетъ среди мужчинъ—во всей Европѣ я могъ-бы указать только на одну женщину, Луизъ Мишель. Особенно часто встрѣчается типъ маттоида въ большихъ городахъ, болѣзненно переутомленныхъ современной цивилизаціей.

Маттоидъ часто сохраняетъ привязанность къ семьѣ, даже любовь ко всему человѣчеству, доходящую часто до чрезмѣрнаго альтруизма; но въ этомъ альтруизмѣ не трудно подмѣтить порядочную дозу тщеславія.

Маттоиды имѣютъ преувеличенное понятіе о своихъ личныхъ достоинствахъ, своемъ личномъ значеніи, при-

чемъ это самомнѣніе сильнѣе выражается въ ихъ сочиненіяхъ, нежели въ поступкахъ, или рѣчахъ; и противорѣчія, и горести обыденной жизни не производятъ на нихъ сильнаго впечатлѣнія.

Въ ихъ сочиненіяхъ встрѣчается стремленіе къ несбыточному, постоянныя противорѣчія, многословіе и надъ всѣмъ этимъ царить хвастовство. У всѣхъ маттоидовъ замѣчается скорѣе недостатокъ, чѣмъ излишекъ вдохновенія. Деморализованные излишнимъ развитіемъ собственнаго «я», они, какъ и истинные гении, способны легко отрѣшиться отъ традиціи и привычекъ, отличаются нетерпимостью. Они способны играть извѣстную политическую роль.

Множество цареубійцъ—маттоиды, также, какъ и многіе предводители партій ¹⁾. Источникомъ ихъ преступности—часто служитъ эпилепсія; Гито, напримѣръ, по всей вѣроятности, совершилъ убійство президента Гарфильда, подъ давленіемъ эпилептоиднаго припадка, разрѣшившагося такимъ преступленіемъ. Не забудемъ, однако, что встрѣчаются и добрые маттоиды, какъ на-примѣръ, Донъ-Кихоть.

¹⁾ Это подтверждено въ великолѣпной монографіи Regis' *Les regicides*, 1890, Lyon.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Эпилептики и преступники.

I.

Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, на половину лишь разрѣшенный на римскомъ конгрессѣ, вопросъ о совмѣстности эпилепсiи съ врожденной преступностью, въ настоящее время разработанъ болѣе полно въ изслѣдованiяхъ Verga, Pinero, Brunati, Marro, Gonzales, Tonpino, Lucas и моихъ изслѣдованiяхъ.

Рядъ случаевъ скрытой эпилепсiи (*epilepsia larvata*), при почти полномъ сохраненiи сознанiя, пополненъ генеалогическими изслѣдованiями семействъ, страдавшихъ эпилепсiей вслѣдствiе родства съ преступниками, чахоточными и престарѣлыми родителями (Marro).

Сюда слѣдуетъ отнести новыя работы Venturi по вопросу о преходящемъ помѣшательствѣ (*mania transitoria*) Krafft-Ebing'a, о половой психопатiи (*psychopathia sexualis*), которыя, какъ мы доказали, часто приближаются, по перемежаемости, къ амнезiи эпилептиковъ¹⁾.

Сходство преступниковъ съ эпилептиками замѣчается

также въ позднемъ появленiи сѣдыхъ волосъ и плѣши-вости, въ одинаковости молекулярнаго обмѣна; это сходство дополняется статистикою, указывающей, что среди преступниковъ насчитывается, по Alongi 14%, по Marro 12%, а по Ross'у 33% конвульсивныхъ эпилептиковъ.

И эпилептикамъ, и преступникамъ свойственны: стремленiе къ бродяжничеству, безстыдство, лѣность, хвостовство совершеннымъ преступленiемъ, графоманiя, жаргонъ, татуировка, притворство, слабохарактерность, ментальная раздражительность, манiя величiя, быстрая смѣна чувствъ и мыслей, трусость, та-же неравномѣрность въ развитiи, по сравненiю съ нормальными людьми; то-же тщеславiе, склонность къ противорѣчiямъ, къ преувеличенiю, болѣзненная раздражительность, дурной характеръ, причудливость и раздражительность.

И самъ, и вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ Frigerio, я наблюдалъ, что во время грозы, когда у эпилептиковъ учащаются приступы, заключенные въ тюрьмахъ тоже становятся болѣе опасными: разрываютъ на себѣ одежды, ломаютъ мебель, бьютъ служителей. Въ извѣстныхъ случаяхъ у нравственно-помѣшанныхъ и у врожденныхъ преступниковъ бываетъ своеобразная *aura*, которая предшествуетъ совершенiю преступленiя и заставляетъ предчувствовать его; такъ, напримѣръ, въ семействѣ одного молодаго человѣка узнавали о замышляемой имъ кражѣ, когда онъ начиналъ теревить носъ; привычка, которая въ концѣ концовъ его обезобразила.

Помраченiе памяти послѣ совершенiя преступленiя наблюдалось Bianchi у четырехъ нравственно-помѣшанныхъ; извѣстно, что и дѣти — эти временные преступники, легко забываютъ свои дурные поступки.

¹⁾ Uomo delinq. t. II, 1890.

Въ послѣднее время Agostini заполнилъ послѣдній пробѣлъ, дававшій возможность сомнѣваться въ этой аналогіи.

II.

Agostini ¹⁾ изслѣдовалъ чувствительность у 30 эпилептиковъ до и послѣ припадка. Количество произведенныхъ имъ наблюдений достигаетъ 103.

Онъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: чувствительность у эпилептиковъ вообще понижена, въ сравненіи съ здоровыми людьми. Иногда у нихъ чувствительность на одной сторонѣ развита лучше, чѣмъ на другой сторонѣ, что находится въ зависимости отъ плагиоцефалии и повышенія возбудимости одного изъ мозговыхъ полушарій; послѣ приступа эта разница увеличивается; кожный рефлексъ выраженъ слабѣе; но послѣ приступа повышается выше нормы. Вкусовое, тактильное, обонятельное ощущеніе всегда понижено, равно какъ электровозбудимость. Наоборотъ, острота зрѣнія и цвѣтовые ощущенія почти нормальны; но поле зрѣнія, послѣ приступа, уменьшается.

Все это вполне сходно съ тѣмъ, что наблюдается у нравственно-помѣшанныхъ и у врожденныхъ преступниковъ.

Вліяніе эпилепсіи, однако, простирается гораздо шире; она вліяетъ и на алкоголиковъ, на лица, страдающія истеріей и половой психопатіей, на помѣшанныхъ. До-

¹⁾ Sur les variations de la sensibilité generale chez les épileptiques, Florence, 1839.

статочно прочесть то, что прежде говорилось о монотонности убійства, чтобы найти въ этихъ случаяхъ характерныя черты психической эпилепсіи. Вліяніе эпилепсіи, можетъ быть, еще обширнѣе и ею, быть можетъ, можно будетъ объяснить таинственныя явленія геніальности, что было бы очень полезно для насъ, такъ какъ освѣтило бы случаи геніальныхъ преступниковъ и случаи перемежающейся геніальности у многихъ нравственно-помѣшанныхъ и преступниковъ.

Въ настоящее время ¹⁾ по наблюденіямъ клиницистовъ и экспериментаторовъ, вполне между собою согласныхъ, оказывается, что причина эпилепсіи заключается въ мѣстномъ раздраженіи мозговой коры, и обнаруживается то внезапными припадками, то продолжительными, но всегда перемежающимися явленіями, обусловливаемыми вырожденіемъ, или наслѣдственностью, или алкоголизмомъ, или поврежденіемъ черепа и т. п. Здѣсь слѣдуетъ сдѣлать и другой выводъ, который я пытался доказать въ моемъ «*Homme de Genie*», именно, что геніальность, быть можетъ, есть особая форма психическаго вырожденія, принадлежащая къ группѣ *эпилепсій*. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что геній часто происходитъ отъ алкоголиковъ, стариковъ, умалишенныхъ ²⁾; что иногда геніальность обнаруживается послѣ поврежденія головы; геніальность часто сопровождается аномаліями, въ особенности асиметріей черепа, чрезмѣрной, или недостаточною ёмкостью че-

¹⁾ См. мою „*Homme de genie*“. 1888.

²⁾ См. L'Homme criminel, 1888 и l'Homme de „Genie“, стр. 10, 16, 187, 194, 196.

Хрепа; гении часто страдают нравственным помѣшательствомъ, къ которому очень часто присоединяются галлюцинаціи; у нихъ рано наступаетъ половая и умственная зрѣлость; гении нерѣдко страдают сонambuлизмомъ; они часто кончаютъ самоубійствомъ, представляющимъ обыкновенную вещь у эпилептиковъ ¹⁾), у гениевъ замѣчается перемежаемость, въ особенности алгезіи и аналгезіи, наклонность къ бродяжеству, набожность, которая обнаруживается даже у атеистовъ, напримѣръ у Конта; они подвергаются часто страннымъ приступамъ страха (W. Scott, Byron, Haller); у гениевъ часто замѣчаютъ двойственность характера, внезапное помрачение разсудка, почти всегда наблюдаемое у эпилептиковъ ²⁾); гений часто впадаетъ въ состояніе бреда, даже подъ вліяніемъ ничтожныхъ причинъ. Ему одинаково свойственны тотъ же мизантропизмъ, то-же отношеніе къ преступности, которое служитъ связующимъ звеномъ между гениальностью и нравственным помѣшательствомъ. Прибавимъ къ этому особенности восходящей и нисходящей линіи гениевъ, слабоумныхъ, которые встрѣчаются постоянно въ семьяхъ гениевъ и эпилептиковъ, что мы можемъ наблюдать въ генеалогическихъ таблицахъ Цезарей и Карла V ³⁾); у гениевъ замѣчается странная привязанность къ животнымъ, которую я часто наблюдалъ при вырожденіи, а особенно у эпилептиковъ ⁴⁾).

¹⁾ См. l'Homme criminel, стр. 601.

²⁾ „Encéphale“ № 5, 1887.

³⁾ Ср. таблицу у Dejerin'e'a, l. c.

⁴⁾ Homme criminel, стр. 559. Магометъ питалъ странную привязанность къ своей обезьянѣ, Ришелье — къ своей бѣлкѣ, Кре-

Извѣстная разсѣянность великихъ людей, пишетъ Tonpini, очень часто есть просто эпилептическое безпамятство ¹⁾).

Но еще болѣе вѣскимъ доказательствомъ служить сильно выраженное безсердечіе, потеря понятія о нравственности, общая всѣмъ гениямъ, больнымъ и здоровымъ, которая дѣлаетъ нашихъ великихъ завоевателей разбойниками крупныхъ размѣровъ ²⁾).

Тѣмъ, кому неизвѣстно, какъ обширно господство эпилепсіи, такіе выводы покажутся странными; но въ настоящее время извѣстно, что гемикранія перемежающіяся спалоррея и простые амнезиі должны быть причислены къ эпилепсіи. Весьма многочисленныя формы мономаній не представляютъ скрытой эпилепсіи; ибо ихъ появленіе, какъ то показалъ Sauvage, часто вытѣсняетъ всякій слѣдъ прежде бывшей эпилепсіи. Достаточно здѣсь припомнить массу первоклассныхъ гениевъ, одержимыхъ двигательною эпилепсіей, или тою формою головокруженія, тѣми болѣзненными приступами тѣва, которые суть лишь видоизмѣненія, эквиваленты эпилепсіи; таковы Наполеонъ, Мольеръ, Юлій Цезарь, Петрарка,

billon, Helvetius, Bentham, Erskine — къ кошкамъ, послѣдній также — къ пьянкѣ!! Шопенгауеръ былъ очень привязанъ къ собакамъ, которыхъ онъ называлъ своими наслѣдниками; Байронъ имѣлъ цѣлый звѣринецъ: 10 лошадей, 8 собакъ, 3 обезьяны, 5 кошекъ, 5 павлиновъ, 1 орла, 1 медвѣдя; Alfieri былъ очень привязанъ къ своимъ лошадямъ (Smiles, l. c.).

¹⁾ Les epilepsies, стр. 19. Turin, 1886.

²⁾ Homme de Genie, стр. 53, 54. Newton, Darwin, Swift, W Scott были подвержены головокруженіямъ. (Smiles, l. c.).

Петръ Великій, Магометъ, Гендель, Свифтъ, Ришелье, Карль V, Флоберъ, Достоевскій, св. Павелъ ¹⁾.

Для тѣхъ, кто знакомъ съ законами статистики, на основаніи которыхъ всякое явленіе есть выраженіе многочисленнаго ряда аналогичныхъ, но различныхъ между собою фактовъ, такое частое присутствіе эпилепсiи у перворазрядныхъ геніевъ, великихъ между великими, заставляетъ подозрѣвать, что и среди обыкновенныхъ способныхъ людей эпилепсiя распространена сильнѣе, чѣмъ полагали; а это даетъ право признать эпилептическую природу генія.

Въ этомъ отношеніи важно замѣтить, почему у такихъ больныхъ великихъ людей конвульсивная форма эпилепсiи встрѣчается очень рѣдко; извѣстно, что эпилепсiя съ рѣдкими конвульсивными припадками имѣетъ психическіе эквиваленты, которыя въ данномъ случаѣ являются въ формѣ болѣе частаго и болѣе глубокаго геніальнаго творчества.

Сходство геніальности съ эпилепсiей особенно поражаетъ при сравненіи эпилептического приступа съ моментомъ вдохновенія; въ обоихъ случаяхъ мы видимъ безсознательное состояніе, полное дѣятельности и силы; которое сказывается у геніевъ—творчествомъ, у эпилептиковъ—конвульсіями.

Окончательно убѣждаетъ въ эпилептическомъ происхожденіи геніальности анализъ творческаго вдохновенія; эпилептическая его природа была ясна даже и для незнакомыхъ съ новѣйшими открытіями о сущности эпи-

¹⁾ См. *Nomme criminel*, ч. III, стр. 623.

лепсiи ¹⁾. Творческое вдохновеніе часто сопровождается болевою нечувствительностью, неправильностью пульса, мгновенною потерей сознанія, иногда сомнамбулическаго характера, перемежаемостью; при этомъ нерѣдко бываютъ конвульсивныя движенія, амнези. Творческое вдохновеніе часто вызывается веществами, или условіями, производящими, или увеличивающими мозговую гиперемію; оно вызывается сильными опущеніями; и наконецъ оно можетъ перейти въ галлюцинаціи, или слѣдовать за ними.

Сходство вдохновенія съ эпилептическимъ приступомъ подкрѣпляется болѣе прямымъ, болѣе глубокимъ доказательствомъ, исповѣдью самихъ великихъ эпилептиковъ, показывающихъ намъ до какой степени вдохновеніе сливается съ эпилепсiей. Такова исповѣдь Гонкура, Бюффона, а особенно Магомета и Достоевскаго.

«Есть секунды, ихъ всего заразъ приходитъ пять, или

¹⁾ „Существуетъ предопредѣленіе, пишетъ Гонкуръ, по отношенію къ тѣмъ случайностямъ, которыя вліяютъ на выборъ темы. Затѣмъ *невьдомая*, высшая сила, особенная необходимость, заставляетъ васъ работать и водить перомъ: такъ, что иногда книга, вами написанная, кажется вамъ чужимъ произведеніемъ. Она васъ поражаетъ, какъ будто вы хранили въ себѣ что-то, о чемъ не имѣли никакого понятія. Таково опущеніе, испытываемое мною передъ „*Soeur Philomène*“ (*Journal de Goncourt*, Paris, 1888).

Даже Buffon, сказавшій, что „*изобрѣтеніе зависитъ отъ терпѣнія*“, прибавляетъ: надо долго всматриваться въ предметъ тогда онъ на вашихъ глазахъ мало-по-малу развертывается и раскрывается. Вы чувствуете *легкій ударъ электрическаго тока* отдающій въ голову и заставляющій сжиматься сердце. Это и есть мгновеніе геніальности.

шесть, и вы вдруг чувствуете присутствіе вѣчной гармоніи, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человекъ въ земномъ видѣ не можетъ перенести. Надо перемѣниться физически, или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Всего страшнѣе, что такъ ужасно ясно и такая радость. Если болѣе пяти секундъ, то душа не выдержитъ и должна исчезнуть. Чтобы выдержать десять секундъ, надо перемѣниться физически» («Бѣсы»).

Въ своихъ «*Romanciers naturalistes*» Zola приводитъ исповѣдь Бальзака: «Художникъ творитъ подѣ влияніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, совпаденіе которыхъ составляетъ тайну. Художникъ не принадлежитъ самому себѣ; онъ—игрушка чрезвычайно своеобразной силы; въ извѣстный день онъ и за полцарства не возьметъ кисти въ руки, не напишетъ ни строки. Вдругъ вечеромъ, полный силы, или утромъ, проснувшись, или среди веселой оргіи, пылающій уголь вдохновенія коснется внезапно его чела, его рукъ, его языка; одно слово пробуждаетъ мысль; она растетъ, развивается и крѣпнетъ. Таковъ художникъ, ничтожное орудіе деспотической силы; онъ повинуется властелину».

Магометъ, должно быть, подразумѣвалъ именно подобное-же мгновеніе, говоря, что «онъ постигъ всѣ обители Аллаха въ болѣе короткій промежутокъ времени, нежели требуется для того, чтобы опорожнить сосудъ воды» (Достоевскій).

Сравнимъ теперь описаніе психозепилептического приступа, который вполне соотвѣтствуетъ физиологическому представленію объ эпилепсіи (возбужденіе мозговой кары), со всѣми описаніями творческаго вдохновенія, которые

намъ даютъ сами авторы, и мы будемъ поражены, до какой степени оба эти явленія сходны.

Прибавимъ, что у извѣстнаго числа геніевъ сходство съ эпилепсіей выражается не въ видѣ изрѣдка появляющихся приступовъ, а вся ихъ жизнь полна психическихъ припадковъ эпилепсін. Бурже замѣчаетъ, что «для Гонкуръ вся жизнь сводится къ ряду приступовъ эпилепсін въ промежуткѣ между двухъ періодовъ небытія» (*Nouveaux essais de psychol.*, 1888, стр. 179). И Гонкуры постоянно вели автобіографію. Но достаточно бросить взглядъ на портретъ величайшаго изъ современныхъ завоевателей, нарисованный Тэнномъ, или на изображеніе величайшаго изъ апостоловъ, данное Ренаномъ.

Всѣ эти сходства объясняютъ намъ, почему между врожденными преступниками можно встрѣтить очень умныхъ людей, которые тѣмъ не менѣе представляются крестинами нравственности и идіотами чувства.

III.

Перейдемъ къ преступникамъ *perimpeto*, дѣйствующимъ подѣ влияніемъ охватившей ихъ, какъ громовой ударъ, страсти. Ихъ немного, 5 или 6%.

Они бываютъ очень молоды, 18—25 лѣтъ. Чаще это бываютъ женщины, чѣмъ мужчины; въ сущности, они очень честные, мягкосердечные люди, чувство раскаянія часто доводитъ ихъ до самоубійства. Къ этой категоріи можно отнести много политическихъ преступниковъ и матерей-дѣтоубійцъ.

Часто и они оказываются скрытыми эпилептиками.

Таковъ молодой человѣкъ, который, желая отомстить своей любовницѣ, подстерегъ и убилъ ее среди бѣла дня, въ кругу ея подругъ; затѣмъ бросился на ея трупъ, осыпалъ его поцѣлуями; въ теченіе нѣсколькихъ часовъ не было возможности оторвать его отъ трупа ¹⁾).

Внезапность, безсознательность въ моментъ совершенія преступленія, возбужденіе, чрезмѣрная чувствительность, свойственная этимъ преступникамъ, въ той-же мѣрѣ, какъ и эпилептикамъ—суть звѣнья, связующія эти два явленія.

Но для лучшаго пониманія этого сходства слѣдуетъ припомнить прекрасное открытіе доктора Féré.

Ch. Féré ²⁾ уже установилъ, что у эпилептиковъ въ періодъ предвѣстниковъ артеріальное давленіе (измѣренное сфигмографомъ Bloch'a) повышается на 200—300 граммовъ. Такое высокое давленіе продолжается въ конвульсивномъ періодѣ; затѣмъ, съ окончаніемъ приступа, оно падаетъ ниже нормы, и въ продолженіи еще многихъ дней остается ниже нормы на 300—400 граммовъ. При простомъ эпилептическомъ головокруженіи наблюдаются тѣ-же измѣненія, но они менѣе продолжительны.

Согласно съ этими данными, Féré, уменьшая давленіе крови посредствомъ аппарата Жюно, или-же посредствомъ горчичныхъ ваннъ, достигъ того, что останавливалъ эпилептическіе приступы въ любой стадіи; изъ этого онъ заключилъ, что повышение давленія, пред-

ставляетъ одно изъ физиологическихъ условій появленія всякаго рода эпилептическихъ приступовъ.

Такимъ образомъ, зависимостью эпилептическихъ приступовъ отъ повышенія артеріальнаго давленія объясняется, почему большее физическое напряженіе, или сильное душевное волненіе, вызываютъ приступы эпилепсіи; при этихъ условіяхъ повышается давленіе, что хорошо извѣстно относительно физической работы, и что въ послѣднее время Féré установилъ относительно нѣкоторыхъ душевныхъ движеній. Онъ установилъ, что во время приступовъ гнѣва, вызываемыхъ у эпилептиковъ самыми ничтожными причинами, давленіе повышается и можетъ достигъ высоты, которая замѣчается въ началѣ истинныхъ эпилептическихъ приступовъ. Это оправдываетъ сближеніе, которое дѣлалось между гнѣвомъ и эпилептическими приступами. Затѣмъ Féré констатировалъ, что и при обыкновенномъ гнѣвѣ у всѣхъ людей повышается артеріальное давленіе; изслѣдуя случайно извощика, тотчасъ послѣ ссоры, Féré нашелъ у него артеріальное давленіе равнымъ 1100 граммамъ; часъ спустя оно упало до 800 граммовъ. Эти цифры показываютъ, что подъ вліяніемъ гнѣва артеріальное давленіе можетъ повыситься на 25%; не трудно изъ этого понять, какъ легко такіа и подобныя возбужденія могутъ вести къ разрыву сосудовъ и сердца, если въ строеніи этихъ органовъ существуютъ какія-либо поврежденія. Наблюденія эти, доказывающія до очевидности сходство физиологическихъ явленій при душевныхъ движеніяхъ и при судорогахъ, доказываютъ безспорно, что между этими двумя состояніями нѣтъ существеннаго различія. Къ такому-же выводу пришелъ и

¹⁾ Archivio di Psichiatria, 1888.

²⁾ Revue scicutifiqua, 1889.

Venturi¹⁾ на основаніи своихъ изслѣдованій надъ темпераментомъ эпилептиковъ, все преувеличивающимъ, необузданнымъ. Движеніямъ, не особенно порывистымъ, краскѣ лица, слезамъ, разсужденіямъ нормальнаго человѣка, соотвѣтствуютъ судороги, галлюцинаціи, бѣшенство, приливъ крови, бредъ эпилептиковъ. Тутъ все дѣло только въ степени.

Не слѣдуетъ забывать, что существуетъ одна форма эпилепсіи безъ судорогъ, состоящая въ головокруженіи. Эта форма, всего сильнѣе потрясающая человѣка, по мнѣнію Эскироля, чаще обычной формы эпилепсіи, сопровождается наклонностью къ любострастію, убійству, обману, поджогу у людей, считавшихся вполнѣ честными до того, какъ они заболѣли. Когда у людей, особенно молодыхъ, замѣчается извѣстная періодическая перемежаемость преступныхъ наклонностей, нельзя не предположить въ нихъ эпилептического заболѣванія. Trousseau полагаетъ, что, если человѣкъ безъ всякаго повода совершилъ убійство, то можно утверждать, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ эпилепсіи.

IV.

Sergi въ одной изъ послѣднихъ статей *«Les degenerations humaines»*²⁾ относитъ преступниковъ къ числу продуктовъ вырожденія; онъ даже утверждаетъ, что преступность есть синтезъ всякаго вырожденія: преступ-

ность обнаруживается весьма разнообразно, начиная отъ самыхъ неясныхъ формъ и до самыхъ выраженныхъ, отъ физическихъ чертъ до психическихъ. Дѣйствительно, по его изслѣдованіямъ, нѣтъ аномаліи, нѣтъ болѣзни или другаго какого-либо физическаго, или психическаго признака вырожденія, который-бы не встрѣчался у преступниковъ.

Необходимо, однако, предупредить читателя, что Sergi основываетъ связь между индивидуальнымъ вырожденіемъ и его причинами на дарвиновскомъ законѣ выживанія лучшихъ экземпляровъ, одномъ изъ существенныхъ факторовъ борьбы за существованіе. Онъ установилъ это выживаніе даже у слабыхъ, изъ которыхъ погибаютъ не всѣ, какъ казалось-бы на первый взглядъ. Слабые выжившіе играютъ, правда, всегда ниспую роль, представляютъ ниснія существа въ сравненіе съ тѣми, которые занимаютъ нормальное положеніе, т. е. съ сильными.

Изъ физическихъ и социальныхъ условій вырожденія на первомъ планѣ надо поставить наследственность; однако всѣ причины вырожденія смѣшиваются между собою и производятъ одно общее воздѣйствіе такъ, что вліяніе каждой изъ нихъ въ отдѣльности почти не поддается оцѣнкѣ.

Если вырожденіе у преступниковъ выражается не физическими признаками: не недостаткомъ въ общемъ развитіи тѣла, не какою-либо наследственною, или приобрѣтенною болѣзнію, то оно обнаруживается въ функциональномъ вырожденіи, проявляется подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ, нарушающихъ правильность жизненныхъ отравленій. Не проявляясь никакими внѣш-

¹⁾ Archivio di Psichiatria, 1889.

²⁾ Milan Billioth. scientif. intern., 1888.

ними признаками, вырожденіе можетъ сказаться въ наслѣдственности. Наконецъ, въ общественной и частной жизни встрѣчаются условія, пагубно вліяющія на психическую дѣятельность, что въ послѣдствіи отзывается и на физической природѣ; въ соціальныхъ отношеніяхъ нѣтъ такого ничтожнаго обстоятельства, которое, по Sergi, не оказывало-бы роковое вліяніе на поведеніе преступника.

Но, говоря о вырожденіи преступника, мы, пишетъ Sergi, пользуемся только чисто родовымъ этиологическимъ понятіемъ. Говоря, что существуютъ внѣшнія и внутреннія условія, влекущія за собою вырожденіе преступниковъ, мы выражаемъ лишь общее правило, которое одинаково примѣнимо и къ другимъ разрядамъ вырождающихся индивидуумовъ-преступниковъ.

Психическій процессъ преступленія надо всегда разсматривать, какъ болѣзненное явленіе, независимо отъ того, страдаетъ-ли преступникъ какимъ-либо психическимъ расстройствомъ, или нѣтъ. А за отсутствіемъ другихъ доказательствъ, большое значеніе можетъ имѣть трансформация болѣзненныхъ психическихъ процессовъ въ слѣдствіе наслѣдственности, тѣсно связывающей между собою преступность, сѣумасшествіе и самоубійство. Преступники и сѣумасшедшіе могутъ происходить отъ самоубійць; отъ сѣумасшедшихъ могутъ рождаться самоубійцы и преступники; преступники, наконецъ, даютъ жизнь самоубійцамъ и сѣумасшедшимъ, часто безъ всякаго специфическаго признака душевной болѣзни, или преступности. Слѣдовательно, болѣзненное состояніе не уничтожается, а претерпѣваетъ превращеніе.

Эта циклическая, наслѣдственная форма объясняетъ

многіе спорные пункты въ вопросѣ о преступникахъ.

Въ высшей степени рѣдко можно встрѣтить въ анамнезѣ преступника болѣзненную наслѣдственность, которая не вела бы своего начала отъ преступленія, самоубійства, сѣумасшествія, или какого-либо иного болѣзненнаго явленія, вродѣ эпилепсіи, идіотизма и т. п.

Умственное вырожденіе черпаетъ въ наслѣдственности многочисленныя и разнообразныя формы своихъ превращеній. Но умственное вырожденіе всегда сопровождается вырожденіемъ физическимъ всевозможныхъ видовъ, въ особенности общимъ болѣзненнымъ расстройствомъ.

Разъ эти факты установлены, является новая задача. Не имѣетъ ли болѣзненное состояніе преступника какой либо специфическій признакъ обусловливаемый вліяніемъ другихъ болѣзней? Не есть ли это своеобразное психопатологическое состояніе, могущее встрѣтиться въ чистомъ видѣ безъ примѣси какой либо другой врожденной, или приобрѣтенной болѣзни, какихъ либо другихъ психическихъ недуговъ? Или же, напротивъ болѣзненное состояніе преступника является просто слѣдствіемъ воздѣйствія общаго болѣзненнаго расстройства на психо-церебральныя отправленія? *

Вотъ что отвѣчаетъ Sergi на эти вопросы, имъ самимъ поставленные.

Доказано, что не всѣ сѣумасшедшіе имѣютъ преступныя наклонности, и что оольныя самыхъ различныхъ видовъ также не обнаруживаютъ склонности къ преступленіямъ. Однако существуютъ преступники безъ признаковъ душевнаго расстройства, и тѣмъ не менѣе обладающіе болѣзненными аномаліями, которыя даютъ

преступности

основательный повод подозревать существование скрытых органических пороковъ.

Отсюда Sergi заключаетъ: 1) что у нѣкоторыхъ индивидуумовъ болѣзненные процессы обусловливаютъ новый патологическій процессъ, непосредственно влекущій къ преступленіямъ; 2) то, что обусловливаетъ этотъ специальный процессъ, влекущій къ преступленіямъ, прямо зависитъ отъ мозгового расстройства, напр., отъ душевной болѣзни, и косвенно отъ другихъ болѣзненныхъ состояній, вліяющихъ на мозговую дѣятельность; 3) у иныхъ — этотъ патологическій процессъ, влекущій къ преступленіямъ, развивается совмѣстно съ чисто душевными болѣзнями и съ эпилепсіей, которыя сильнѣе прочихъ болѣзней, нарушаютъ нормальныя отправленія мозга; 4) что этотъ патологическій процессъ преступности, какъ и другія душевныя болѣзни, препятствуетъ образованію опредѣленнаго характера.

Такимъ образомъ преступникъ находится въ особыхъ патологическихъ условіяхъ, обусловливаемыхъ въ большинствѣ случаевъ разными процессами, или разными специальными условіями. Такое представленіе вполне согласуется съ наслѣдственною трансформацией болѣзненныхъ состояній: безумія, самоубійства, эпилепсіи, склонности къ преступленіямъ и т. п.

V.

Virgilio, напечатавшій недавно этюдъ о маттоидѣ царевѣ Пассананте, ¹⁾ діагнозъ котораго я поставилъ

¹⁾ Giovanni Passanante e la natura morbosa deidelitto, Roma, 1888.

12 лѣтъ тому назадъ, приходитъ къ слѣдующимъ весьма важнымъ выводамъ относительно природы преступности.

1) Преступныя склонности передаются наслѣдственно отъ родителей къ дѣтямъ и вообще отъ выживающихъ по прямымъ и боковымъ линіямъ, что указываетъ по всей вѣроятности на зависимость этихъ склонностей отъ особенностей организаціи.

2) Эта организація должна считаться ненормальною постолько, поскольку она носитъ на себѣ отпечатокъ всѣхъ тѣхъ признаковъ вырожденія, которыя доказываютъ, что эмбриональное происхожденіе и послѣдующее развитіе челоука чрезвычайно далеко отъ физиологической нормы.

3) Преступность весьма часто развивается на почвѣ наслѣдственности, болѣе или менѣе близкой къ съумасшествію; поэтому мы видимъ, что она, подобно съумасшествію, зарождается и вырастаетъ въ подонкахъ преступной расы. Должно признать, что происхожденіе обоихъ явленій тождественно и имѣетъ источникомъ ненормальное душевное состояніе, проявляющееся то однимъ, то другимъ способомъ.

4) Что это въ дѣйствительности такъ, доказывается двояко: во-первыхъ, съумасшествіе часто проявляется во время разгара преступной дѣятельности; во-вторыхъ, преступныя склонности часто проявляются въ теченіи различныхъ душевныхъ болѣзней, которыя, сами по себѣ, не способствуютъ проявленію преступныхъ склонностей.

5) Такъ какъ оба явленія имѣютъ источникомъ наслѣдственность, то ихъ сущность должна быть тоже по необходимости, одинаковой; и такъ какъ съумасшествіе есть болѣзнь, то, слѣдовательно, равнымъ образомъ, и преступность есть также болѣзненное явленіе.

VI.

Новыя изслѣдованія Rossi доказываютъ съ математическою точностью полное соотвѣтствіе между такими преступленіями, какъ бунтъ, убійство и изнасилованіе, и градусами широты даннаго мѣста, оставляя, конечно въ сторонѣ большіе города, гдѣ множество другихъ вліяній затемняютъ вліяніе климата. (Arch. de Psychol., viii). Такое же вліяніе широтъ обнаруживается и при возстаніяхъ, которыя суть не что иное, какъ бунты въ большихъ размѣрахъ (см. нижеслѣдующую таблицу).

Прекрасныя изслѣдованія Corre'a (Les criminels dans les pays créoles, 1889. Archives d'anthrop. crimin., 1889). доказываютъ, что въ теплыхъ странахъ количество преступленій вдвое больше въ холодное время года, чѣмъ въ жаркое время.

Этотъ излишекъ приходится, по Corre'у, на долю преступленій противъ собственности, если включить сюда весьма многочисленные поджоги; но, если, по примѣру многихъ криминалистовъ, исключить поджоги, а также преступления смѣшаннаго характера, въ которыхъ преобладаетъ насиліе надъ личностью, то на холодное время года придется больше преступленій противъ личности.

Кривая преступности стоитъ въ зависимости отъ минимальныхъ температуръ, причемъ параллелизмъ обѣихъ кривыхъ, настолько опредѣленно выраженъ, что въ той и въ другой заключаются одинаковыя колебанія отъ марта до мая, и отъ іюня до августа, соотвѣтственно

¹⁾ Giovanni Paassnante e la natura morbosa deidelitto, Roma, Loecher, 1888.

періодамъ правильнаго колебанія температуръ въ зависимости отъ вѣтровъ и дождей.

Градусы широты.	Непалія ¹⁾ .		Италія ²⁾ .		Франція ³⁾ .		Англія ⁴⁾ .		
	Возмущенія.	Преступленія противъ личн.	Возмущенія.	Убийства.	Преступленія противъ личн.	Убийства.	Преступленія противъ личн.	Убийства.	Изнасилованія
Отъ 36° до 37°	1.	7,43	—	—	—	—	—	—	—
" 37° " 38°	12	112,1	36,7	39,9	—	—	—	—	—
" 38° " 39°	9	58,5	42,0	32,8	—	—	—	—	—
" 39° " 40°	8	43,4	30,6	30,0	—	—	—	—	—
" 40° " 41°	11	72,5 ⁵⁾	37,8	31,9 ⁷⁾	—	—	—	—	—
" 41° " 42°	9	39,7 ⁶⁾	36,8	28,7	—	—	—	—	—
" 42° " 43°	6	31,2	32,7	20,9	3138	3922	—	—	—
" 43° " 44°	5	29,7	18,7	44,1	2079	1024	—	—	—
" 44° " 45°	—	—	19,8	9,2	8860	1419	—	—	—
" 45° " 46°	—	—	19,2	5,8	834	893	—	—	—
" 46° " 47°	—	—	16,2	5,8	697	619	—	—	—
" 47° " 48°	—	—	—	—	852	744	—	—	—
" 48° " 49°	—	—	—	—	916	726 ⁸⁾	—	—	—
" 49° " 50°	—	—	—	—	743	660	—	—	—
" 50° " 51°	—	—	—	—	513	461	895	889	1086
" 51° " 52°	—	—	—	—	—	—	2242	2274	1122 ⁹⁾
" 52° " 53°	—	—	—	—	—	—	1028	1025	9—
" 53° " 54°	—	—	—	—	—	—	894	954	996
" 54° " 55°	—	—	—	—	—	—	684	1037	938
" 55° " 56°	—	—	—	—	—	—	781	899	870

¹⁾ 1884. На 200.000 жителей. ²⁾ 1873—1883 на 100.000 жит.

³⁾ Guerry, 23 года. Отношенія средняго числа обвиненныхъ къ средней величинѣ народонаселенія за тотъ-же періодъ. Эти отношенія въ свою очередь сопоставлены съ собственной средней величиной, приведенной къ 1000.

⁴⁾ Guerry, 16 лѣтъ; id., ⁵⁾ Мадридъ. ⁶⁾ Барселона, Сарагосса.

⁷⁾ Неаполь, Римъ. ⁸⁾ Парижъ. ⁹⁾ Лондонъ.

Въ данномъ случаѣ нельзя думать, что климатическія измѣненія вліяютъ на соціальныя условія жизни, и такимъ образомъ регулируютъ количество преступленій: въ тропическихъ странахъ сумма потребностей, относительно очень не великая, почти не измѣняется въ теченіи цѣлаго года.

Въ тропической мѣстности, съ высокой и одинаковой температурой, какъ въ Гваделупѣ, жара скорѣе ослабляетъ, нежели придаетъ силъ; скорѣе притупляетъ, чѣмъ возбуждаетъ и организмъ какъ бы возрождается къ дѣятельности тогда, когда средняя температура становится, если не болѣе умѣренной, то по крайней мѣрѣ, болѣе разнообразной, благодаря крайне большимъ колебаніямъ въ температурѣ извѣстнаго времени года; умственные силы, дремлющія съ іюля по ноябрь, оживляются съ декабря по май. Со свѣжестью первой четверти года у лицъ, предрасположенныхъ разгорается наибольшая сила преступности.

Въ другомъ замѣчательномъ трудѣ (Les criminels, 1888,) Corge, сравнивая типы моего альбома, сумасшедшихъ и вырожденныхъ, описанныхъ Morel'емъ и Moreau, былъ пораженъ сродствомъ, которое представляютъ эти обѣ коллекціи.

Онъ придаетъ большое значеніе громадному проценту черепныхъ и мозговыхъ асимметрій, констатированному всѣми наблюдателями, какъ у преступниковъ, такъ и у сумасшедшихъ.

По его изслѣдованіямъ и по изслѣдованіямъ доктора Bousset'я, асимметрия встрѣчается у 60% убійцъ, у 63% мошенниковъ и злостныхъ банкротовъ у 70% преступниковъ противъ нравственности.

По отношенію къ убійствамъ Corge отмѣчаетъ возбужденіе умовъ, расположенныхъ къ преступленію, печатью. На одинъ случай, гдѣ это вліяніе очевидно и неопровержимо, какъ въ дѣлѣ Aubertin'a, приходится тысяча случаевъ, прошедшихъ незамѣченными; далѣе Corge объясняетъ подражаніемъ увеличеніе количества рецидивистовъ и возрастающее число преступниковъ-юношей.

«Въ томъ возрастѣ, говоритъ онъ, когда нѣтъ еще «опытности и мозгъ легче всего воспринимаетъ и сохраняетъ получаемыя имъ впечатлѣнія, стремленіе къ подражанію достигаетъ высшей степени и играетъ самую «выдающуюся роль въ совершеніи преступленія». Значеніе подражанія изучено весьма тщательно Tarde'омъ въ его послѣднихъ трудахъ по криминологіи ¹⁾.

¹⁾ См. *La criminalité comparée*, 1887, *Revue philosophique*, 1890 г.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Преступники въ тюрьмахъ.

I.

✱ Тюремная бюрократія, отличающаяся, если не слѣпотою, то всегда близорукостью, считаетъ обитателей тюремъ, а въ особенности одиночныхъ камеръ, за настоящіе человѣческіе обрубки, безъ рукъ, безъ ногъ, безъ голоса; а между тѣмъ въ числѣ этихъ несчастныхъ есть люди, одаренные болѣе тонкими чувствами, чѣмъ можно бы предположить. Ихъ дѣятельность, ихъ голосъ и даже самые затаенные помыслы выступаютъ повсюду: на стѣнахъ, на кроватяхъ, на посудѣ для питья, на ихъ кожѣ, и даже на влажномъ пескѣ, который они топчутъ во время своихъ прогулокъ ¹⁾.

Чувства ихъ выражены чаще всего на книгахъ, которыми ихъ снабжаютъ слишкомъ скупы благотворители, полные благихъ намѣреній.

Я собираю рукописи преступниковъ, въ которыхъ нельзя, конечно, подозрѣвать притворство, столь часто встрѣчающееся въ официальныхъ бесѣдахъ.

Изучая преступниковъ въ теченіи 20 лѣтъ, я тѣмъ не менѣе, никогда не подозрѣвалъ тѣхъ ужасовъ, которые открылъ въ этихъ рукописяхъ!

Судите по этимъ отрывкамъ взятымъ на угадъ:

«Горе тому, кому приходится извѣдать одиночное заключеніе; лучше умереть. Необходимо употребить всѣ усилія для побѣга, такъ какъ лучше жить въ лѣсу дикаремъ, или въ пустынѣ».

«Когда тебя будетъ допрашивать судебный слѣдователь, притворись сумасшедшимъ; тогда тебя отошлютъ въ сумасшедшій домъ, откуда ты сбѣжишь. Что касается меня, то я благодарю Господа Бога! Я счастливѣе Св. Петра! За мной услуживаютъ, какъ за принцемъ. Вотъ такъ пиръ! Здѣсь живетъ лучше, чѣмъ въ деревнѣ».

На книгѣ подъ заглавіемъ: «Жизнь Леонардо да Винчи» надписано:

«Леонардо былъ стольже несчастливъ въ любви, какъ и я; но онъ сдѣлался великимъ живописцемъ, а я сдѣлался извѣстнымъ воромъ. Я приобрѣлъ большую извѣстность, заставилъ занести свое имя и примѣты въ тюрьмахъ, по крайней мѣрѣ, сорокъ разъ, а между тѣмъ и я любилъ во дни моей юности».

«Какъ я несчастенъ! Я невиновенъ, а меня держатъ здѣсь за то, что я убилъ человѣка (Sic!) въ то время, какъ на свѣтѣ людей даже слишкомъ много».

«Дуракъ тотъ, кто умираетъ за отечество!»

Интересна насмѣшка надъ тюрьмой въ отвѣтъ другаго заключеннаго.

«Прощай Гекторъ! Ахиллъ тебѣ кланяется. Кто бѣденъ, тотъ расплачивается за всѣхъ. Одиночное за-

¹⁾ См. мои *Palimpsestes des Prisons*, Восса, Turin, 1890.

«ключеніе есть утонченное варварство въ полномъ раз-
«цвѣтѣ XIX вѣка».

«То, что говорить этотъ заключенный — невѣрно.
«Напротивъ, съ нами обращаются слишкомъ хорошо;
«слишкомъ заботятся о заключенныхъ. Онъ хотѣлъ-бы,
«чтобы его пустили гулять на дворцовой площади, или
«позволили играть въ карты и на билліардѣ, или еще
«лучше отправиться къ господамъ Гостальдѣ. О, безум-
«ный! Въ такомъ случаѣ тебѣ не слѣдовало попасть въ
«эти стѣны».

Другъ разума и правосудія!

«О, уложеніе! какъ тяжело ты караешь мошенни-
«чество, тогда какъ правительство съ своими лоттерейми
«само мошенничаетъ. Меня осудили на 10 лѣтъ за по-
«кушеніе на убійство женщины, которую я считалъ по-
«рядочной, но она таковой не оказалась, и я изъ за
«нея просидѣлъ въ тюрьмѣ шесть мѣсяцевъ. Выйдя изъ
«тюрьмы, я поклялся убить ее и нанесъ ей два удара
«ножемъ. Эта презрѣнная еще жива и я объ этомъ со-
«жалѣю».

«Какъ только тебя выпустятъ, отправляйся въ Мар-
«сель, на улицу... № 9 и потомъ вмѣстѣ съ В... отпра-
«вимся въ Нью-Йоркъ; работая тамъ сообща, съ энер-
«гіей, мы составимъ себѣ состояніе».

«Красавица моя больше меня не навѣщаетъ! Когда
«я выйду, я ее поцѣлую зубами».

«Хотя мнѣ всего 15 лѣтъ, но описаніе моей жизни
«и моихъ странствованій составило-бы цѣлый томъ. Я
«началъ съ 9 лѣтъ. Въ первый разъ я былъ осужденъ
«на 1 мѣсяцъ; во второй разъ на двѣ недѣи, а въ
«третій—на годъ»!

Нѣчто вродѣ завѣщанія, написаннаго однимъ заклю-
«ченнымъ, извѣстнымъ воромъ, пытавшимся повѣситься;
его спасли.

«Я всегда воровалъ и буду воровать всегда, потому
«что такъ уже мнѣ на роду написано. Бумага, на ко-
«торой я пишу, украдена. Чернильница и перо—также;
«даже веревка, на которой я собираюсь повѣситься, и
«та украдена. Я болѣе несчастенъ чѣмъ испорченъ. Я
«имѣю несчастіе не владѣть собой и подпадать подъ
«вліяніе другихъ; я одинаково способенъ на хорошее
«и на дурное, смотря по тому, что мнѣ внушать. Ахъ!
«почему Богъ посылаетъ мнѣ постоянно людей, скло-
«няющихъ меня на зло. Совершивши новый проступокъ,
«котораго я клялся не совершать, я сдѣлалъ это не по
«моей волѣ, а вслѣдствіе внушенія негодяя, который во-
«ровалъ вмѣстѣ со мною; а впослѣдствіе, ради собствен-
«ной выгоды, донесъ на меня полиціи; убѣжденный,
«что я не имѣю силы противиться пороку, который по-
«буждаетъ меня желать и присваивать чужое добро;
«будучи клятвеннопреступникомъ; зная, что мнѣ предстоитъ
«явиться на судъ присяжныхъ и замарать въ грязи имя,
«которое мой отецъ носилъ съ гордостью, я почувство-
«валъ отвращеніе къ жизни; и вслѣдствіе всѣхъ этихъ
«соображеній, а также по другимъ причинамъ, я рѣ-
«шилъ умереть 26-го мая, такъ какъ это—годовщина
«моего перваго ареста».

«Вотъ уже четвертый разъ я являюсь сюда, всякій
«разъ невинный и чистый, какъ грязная вода. На этотъ
«разъ меня поймали съ отмычкой. Эхъ, бѣдные воры!
«ихъ слѣдовало бы отправлять въ «Таверню Мавра», а
«не въ новую тюрьму». Прощайте друзья мои!»

«Эти люди смѣются, а я напрасно вздыхаю о моей свободѣ. Я невиненъ, а они не вѣрятъ этому. Какъ это милосердный Богъ не накажетъ ихъ. Справедлива видно пословица: кто сѣетъ добро—пожинаетъ зло, а кто сѣетъ зло, пожинаетъ добро. Это—жестоко быть невиннымъ и страдать въ одиночномъ заточеніи. Развѣ вы не понимаете, ослиныя головы, что я невиновенъ. Ужъ не хотите-ли вы, чтобы я околѣлъ?»

«Почему мнѣ никогда не удаются кражи? Я всегда сижу за воровство въ этой позорной тюрьмѣ. Бѣдный, несчастный Кажо!»

«Здѣсь покоятся бранные останки бѣднаго Тюбана, который соскучившись воровать въ этомъ мірѣ, отправился совершать кражи въ другой мірѣ. Весьма довольные родители пусть помянутъ меня!»

«Весьма Вамъ преданный Тальбо, предводитель шайки. Я былъ всегда порядочнымъ человѣкомъ и пробылъ уже 20 лѣтъ на каторгѣ. Я снова въ тюрьмѣ и на этотъ разъ меня присудятъ къ пожизненной каторжной работѣ. И все это за добро, которое я оказывалъ ближнимъ. Я убилъ всего шесть человѣкъ; я ихъ удалилъ изъ этого міра, такъ какъ они слишкомъ много страдали. Я ограбилъ жилища многихъ крестьянъ и затѣмъ сжегъ ихъ. Все, ради куска хлѣба».

«Старайтесь всегда украсть сколь возможно больше, такъ какъ мелкія кражи наказываются всего строже. Слушайте друзья! Если вы воруете, то воруйте много и осторожно, чтобы не попасться. Все на свѣтѣ можно украсть. А чтобы выйти сухимъ изъ воды, не надо быть дуракомъ. Богъ вложилъ въ насъ инстинкты, которыми мы должны пользоваться, существуютъ люди ода-

ренные склонностью сажать насъ въ тюрьмы. Такимъ образомъ міръ созданъ для того, чтобы вѣчно насъ забавлять».

«Лишь только я выйду изъ тюрьмы, я опять буду постоянно воровать, даже подъ страхомъ постоянного житья въ тюрьмѣ».

«О воры! эти мерзавцы—судьи губятъ вашъ промыселъ. Не падайте, однако, духомъ, продолжайте ваше дѣло».

«Милый другъ, посылаю тебѣ эти двѣ строчки, чтобы сообщить, что я нахожусь въ тюрьмѣ. Такъ какъ я здѣсь одинокъ, то прошу тебя, соверши какой нибудь проступокъ, чтобы присоединиться ко мнѣ, вдвоемъ время проходитъ незамѣтно; а когда насъ отправятъ на каторгу, мы станемъ рассказывать другъ другу нашу жизнь».

«Прощайте, друзья! мужайтесь. Судьи—это шайка негодяевъ безъ убѣжденій: они сами не знаютъ, что они дѣлаютъ и жаждутъ лишь денегъ».

«Лукавъ человѣкъ и всѣ его друзья должны не воровать, а убивать».

Наблюденіе Joli надъ чтеніемъ французскихъ узниковъ (*Archive d'antropol. crim.*, 1888.), а въ особенности прекрасный трудъ Gauthier: *le Monde des prisons*, 1889, дополняютъ эти документы и показываютъ, въ какой мѣрѣ тюрьмы являются очагомъ развращенія, источникомъ закоренѣлости, вмѣсто того, чтобы быть исправительными учрежденіями.

II.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ книги Gauthier: «Какъ гимнастика, пишетъ онъ, вліяетъ не только на величину и упругость мышцъ, но и на ихъ форму, даже въ извѣстныхъ границахъ, на ихъ взаимное расположеніе (доказательствомъ могутъ служить—фантастическія тѣлодвиженія клоуновъ) и на ихъ химическій составъ, точно также несовершенства исправительнаго режима, не умѣстность превращать узника при помощи дисциплины въ машину, смѣшеніе различныхъ категорій преступниковъ, однообразіе ощущений, преобладаніе страха и скуки, плохая пища, обязательное молчаніе, даже освѣщеніе—почемъ знать, это блѣдное освѣщеніе, особенный полусвѣтъ въ корридорахъ и на тюремныхъ дворахъ—могутъ, какъ мнѣ кажется, въ теченіе продолжительнаго времени оставить слѣдъ на лицѣ, на глазахъ, на мозгѣ, на ходѣ мыслей заключенныхъ и въ концѣ концовъ произвести складки у рта, нахмуриваніе бровей, нервныя гримасы, блуждающій взглядъ, странности въ жестахъ и движеніяхъ, которыя насъ такъ сильно поражаютъ.

Однимъ словомъ въ сумракѣ темницы и подъ гнетомъ исправительной дисциплины человѣкъ получаетъ обликъ тюремнаго сидѣльца, подобно тому, какъ при другихъ условіяхъ жизни человѣкъ получаетъ обликъ священника, при чемъ атавизмъ не играетъ никакой роли.

Лишь такимъ способомъ можно понять, почему нѣкоторые заключенные, далеко не закоренѣлые преступ-

ники, доходятъ до того, что не могутъ жить иначе, какъ въ тюрьмѣ, и чувствуютъ себя внѣ тюрьмы, какъ на чужбинѣ; стремятся обратно въ заключеніе, подобно раненой дичи, кружащейся на одномъ мѣстѣ.

«Считаю не лишнимъ объяснить, что я не говорю о чудовищахъ, для которыхъ преступления, не смотря на всю опасность, представляются въ такой мѣрѣ жизненной карьерой, въ строгомъ смыслѣ слова, что они считаютъ ихъ «работой», я говорю не о тѣхъ, которые вслѣдствіе врожденнаго предрасположенія, или вслѣдствіе ранней испорченности и неимѣнія иныхъ средствъ къ существованію, кромѣ грабежа, проституціи и убійства, грабятъ и рѣжутъ подобно тому, какъ другіе люди пилятъ дрова, куютъ желѣзо, ткуютъ сукно, копаютъ землю или мараютъ бумагу; они готовятъ кражу и убійства съ важностью и спокойствіемъ купца, обдумывающаго коммерческое предпріятіе».

«Для этого своеобразнаго населенія тюрьма является какимъ-то печальнымъ, неизбѣжнымъ предопредѣленіемъ. Это—неудобство, связанное съ профессіею. Тюрьмы ждуть, съ мыслью о ней примиряются заранее, подобно тому, какъ средневѣковой разбойникъ ждетъ и мирится съ мыслью, что въ какой нибудь несчастный день онъ повиснетъ «высоко и коротко»; подобно тому какъ рабочій, или крестьянинъ ожидаетъ, мирится съ мыслью, что когда нибудь да придется идти въ солдаты, подобно рудокопу, ежеминутно готовому погибнуть отъ взрыва.

Но даже и тѣмъ, которыхъ случай забросилъ въ тюрьму, которыхъ въ несчастный день постигло затмѣніе, и тѣмъ не удастся впослѣдствіи возстановить свою

сбитую съ прямого пути жизнь; слабые, безхарактерные «неудачники», вовсе не рожденные ни для преступлений, ни для тюрьмы, быстро вовлекаются въ эту шестерню.

«Меня всегда поражалъ, пишетъ гдѣ-то Valles, почтенный видъ старыхъ каторжниковъ».

Въ сущности, оставивъ въ сторонѣ парадоксальность формы, мысль въ ней выраженная вполне вѣрна.

«Почтенный видъ» сказано, можетъ быть нѣсколько сильно. Слѣдовало-бы сказать: «спокойный видъ». И это не удивительно! Увѣренность въ кускѣ хлѣба, обезпеченная жизнь, никакой заботы о завтрашнемъ днѣ, никакихъ обязанностей, кромѣ спокойнаго послушанія, подчиненія установленному режиму; чувство, что ты ничто иное, какъ животное, приводящее въ движеніе машину, лишь безсознательное колесо механизма; развѣ это не идеалъ для массы тупыхъ лѣнтяевъ. Нирванна! Автоматизмъ! Да у индусовъ это рай. «А» тюрьма это — нирванна, гдѣ сверхъ того еще кормятъ.

Кормятъ дурно, это правда; и обращаются нѣсколько грубо и деспотически... Но сколько есть честныхъ людей, для которыхъ борьба за существованіе еще болѣе сурова и притомъ существованіе по крайней мѣрѣ гораздо менѣе обезпечено.

«Стоитъ лишь побороть первоначальное отвращеніе, а тамъ мало по малу тюремное заключеніе становится цѣлью жизни».

«Мнѣ извѣстенъ одинъ изъ самыхъ характерныхъ фактовъ, который я самъ видѣлъ и слышалъ.

Въ 1883 г. отбывалъ въ центральной Клервосской тюрьмѣ наказаніе нѣкто Т. эльзасецъ, отставной ар-

мейскій офицеръ. Онъ исполнялъ въ тюрьмѣ должность главнаго счетчика.

Въ первый разъ онъ попалъ въ тюрьму за пьянство; сидѣлъ въ тюрьмѣ 4 или 5 разъ.

Въ концѣ 1883 года истекалъ срокъ его пятилѣтняго заключенія, къ великому его огорченію. Подумайте: въ Клерво онъ пользовался дѣйствительно завиднымъ положеніемъ: больничная порція, относительная свобода, возможность блуждать по цѣлымъ днямъ по всему заведенію, (которое занимаетъ въ окружности около 4 километровъ), высокое всеобщее уваженіе, со стороны заключенныхъ и со стороны хозяйственного комитета, который не могъ обойтись безъ услугъ человѣка, по привычкѣ знавшаго, лучше всякаго другаго, весь служебный механизмъ.

Тогда Т... чистосердечно пишетъ директору тюрьмы письмо слѣдующаго содержанія.

Милостивый Государь! Вы меня знаете; знаете, кто я, чего я стою и насколько могу быть Вамъ полезнымъ. Меня скоро выбросятъ на свободу; я не буду знать, что дѣлать. Не успѣю я проѣсть свой заработокъ, въ послѣдній разъ кутнуть, какъ я снова дамъ себя арестовать. Будьте любезны, прошу Васъ, какъ только меня снова присудятъ къ тюремному заключенію на нѣсколько лѣтъ, вытребуйте меня къ себѣ, въ Клерво; я васъ извѣщу о времени и мѣстѣ; а въ ожиданіи этого, сохраните за мной мѣсто. Ни Вамъ, ни мнѣ не придется каяться въ такой комбинаціи.

Отсюда парадоксальный выводъ, что тюрьма, противъ ожиданія, устрашаетъ и пугаетъ лишь тѣхъ, ко-

торые вовсе въ этомъ не нуждаются и которымъ не предстоитъ вовсе туда отправиться.

«Я даже думаю, прибавляетъ авторъ, что тюрьма это своего рода теплица для ядовитыхъ растений, и что тутъ-то, главнымъ образомъ, и собираются и упражняются рекруты арміи преступниковъ.

Сколько несчастныхъ, согрѣшившихъ всего разъ, въ минуту самозабвенія, умопомраченія, погибло безвозвратно, переступивъ черезъ порогъ лишь перваго круга этого ада!

Такъ было почти со всѣми, которыхъ я могу припомнить, оглядываясь на прошедшія передо мною случаи; вмѣсто исправленія, тюрьма портила ихъ до мозга костей; испорченность ихъ росла, казалось, съ наказаніемъ. Запятнанная совѣсть, понятіе о добрѣ и злѣ становились все смутнѣе и готовы были вовсе исчезнуть изъ памяти. Съ этой минуты они погибли вполнѣ. Ихъ поймають вновь не съ рукой опущенной въ чужой карманъ, а обогранныхъ кровью. Тогда ихъ задавятъ какъ отвратительныхъ клоповъ, между двумя листами уголовного уложенія, котораго прочитатъ впрочемъ имъ не давали.

Въ настоящихъ тюрьмахъ все приспособлено къ тому, чтобы уничтожить личность, лишить ее мысли, обезсилить ея волю. Однообразіе тюремныхъ порядковъ, направленныхъ къ тому, чтобы всѣхъ перелить въ одинаковыя формы, разчитанная строгость и монашеская правильность жизни, гдѣ нѣтъ мѣста случайности; запрещеніе всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, за исключеніемъ коротенькихъ банальныхъ писемъ разъ въ мѣсяць—все это, повторяю, вмѣстѣ съ убійственными,

скотоподобными прогулками гуськомъ, точно краснокожіе индѣйцы, все это направлено къ тому, чтобы сдѣлать изъ заключенныхъ машину, безсознательныхъ автоматовъ.

Уясните себѣ твердо слѣдующее: за исключеніемъ нѣкоторыхъ почтенныхъ и весьма рѣдкихъ въ высшей тюремной администраціи личностей, для большинства тюремныхъ начальниковъ идеаломъ «хорошаго арестанта», служить рецидивистъ ветеранъ, «абонентъ», котораго не приходится уже воспитывать; приобрѣтенная имъ покорность служить залогомъ спокойствія; таковъ главный счетчикъ въ Клерво, баснословную исторію котораго я рассказалъ выше. Къ такимъ типамъ лежитъ сердце директора тюрьмы; для нихъ, главнымъ образомъ, допускаются разныя льготы и снисхожденія.

Несчастіе, однако, въ томъ, что этотъ хорошій, шаблонный арестантъ не замедлитъ, благодаря указанному режиму, стать столь-же неспособнымъ сопротивляться своимъ товарищамъ, прирожденнымъ преступникамъ или профессиональнымъ злодѣямъ, сколько и начальству, противустоять искушеніямъ, безнравственнымъ побужденіямъ.

Онъ знаетъ лишь одно—подчиняться... кому бы то ни было. Онъ потерялъ всякую силу сопротивленія, всякую гордость. Онъ сталъ мягкой массой, готовой запечатлѣть малѣйшее давленіе.

Привыкшій къ готовому куску хлѣба, къ тому, чтобы имѣть руководителя, быть управляемымъ, какъ машина или скоть, который гонять на убой; къ тому, чтобы исполнять назначенную работу, онъ лишенъ всего, что необходимо въ борьбѣ за существованіе.

Въ заключенномъ сохраняется лишь наклонность къ преступленію и разврату, плодъ взаимнаго спеціальнаго обученія, которому онъ подвергается. Не безъ основанія, на жаргонѣ преступниковъ, тюрьма называется «школой». Наконецъ волчій паспортъ, неразлучный спутникъ заключеннаго, достаточный для того, чтобы закрыть все двери, лишаетъ всякаго способа честно заработать кусокъ хлѣба.

Прибавить ко всему этому манію доноса, шантажа, лживость и хитрость, и все прочіе спеціальныя пороки, приобретаемые или развивающіеся въ тюрьмѣ.

Замѣтимъ, что нѣтъ ни одной человѣческой страсти, природной, или искусственной, начиная пьянствомъ и кончая любовью, которая не нашла бы себѣ въ тюрьмѣ, по крайней мѣрѣ подобіе удовлетворенія. Я рассказывалъ уже о банщикѣ въ Клерво, страстномъ курильщикѣ, который думалъ спастись отъ этой страсти за непроницаемыми, высокими тюремными стѣнами. Я могъ бы указать на тѣхъ, которые за неимѣніемъ водки пьютъ древесный спиртъ, лакъ, сѣрную кислоту и проч.

Желательно было бы поэтому, чтобы всякій заключенный въ продолженіи извѣстнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка времени, подвергался, такъ называемому въ домахъ для умалишенныхъ, «періоду наблюденія»

Лишь послѣ такого испытанія, его можно было бы окончательно «классифицировать» т. е. помѣстить въ ту группу, къ которой онъ наиболѣе подходит по своему характеру, воспитанію, по своимъ прежнимъ наклонностямъ, степени нравственной зрѣлости. Этимъ, конечно, не уничтожилась бы опасность взаимнаго зараженія; но

эта опасность была бы, по крайней мѣрѣ, доведена до minimum'a; были бы уничтожены, по крайней мѣрѣ, заразные гнѣзда, порождаемыя господствующимъ порядкомъ съ его обязательнымъ смѣшиваніемъ всехъ различныхъ категорій въ одну общую массу.

Само собою разумѣется, что высшей тюремной администраціи будетъ принадлежать чрезвычайно трудная обязанность классификаціи преступниковъ. Но никто не обладаетъ такой опытностью и безпристрастіемъ, какъ директора тюремъ, живущіе среди арестантовъ, судьбу которыхъ они рѣшаютъ; изучая каждого въ отдѣльности, недѣлями, мѣсяцами, даже годами.

Относительно возможности произвола скажу, что скорѣе его можно опасаться въ судѣ, нежели въ тюрьмѣ. Судья можетъ осудить несчастнаго за дурное выраженіе его лица, вслѣдствіе случайностей, съ которыми связанъ допросъ, на основаніи фактически подобранныхъ документовъ, поверхностно произведеннаго слѣдствія, или случайнаго инцидента во время засѣданія. Тутъ то-же различіе, какъ и между учителемъ, цѣнящимъ учениковъ по отмѣткамъ цѣлаго учебнаго года, въ теченіе котораго онъ, не торопясь, изучалъ учениковъ каждого отдѣльно, и экзаменаторомъ, которому приходится оцѣнивать по случайному отвѣту.

Наконецъ ничто не мѣшаетъ присоединить къ тюремнымъ директорамъ нѣчто вродѣ присяжныхъ изъ врачей, адвокатовъ, администраторовъ, словомъ изъ самыхъ уважаемыхъ лицъ данной мѣстности.

Осужденный, иначе говоря, человѣкъ, котораго признали настолько опаснымъ, что оказалось необходимымъ избавить отъ него общество, оставался бы въ тюрьмѣ

не на заранее опредѣленный срокъ, соразмѣренный, болѣе или менѣе произвольно, съ тяжестью проступка, но до тѣхъ поръ, пока онъ не выполнилъ бы того, что можно бы назвать «нравственною задачею». Заключение продолжалось-бы до тѣхъ поръ, пока онъ цѣною своего труда не искупить вреда, причиненнаго его проступкомъ частному лицу и обществу, до тѣхъ поръ, пока онъ не *выкупитъ себя*, пока не заслужитъ своей свободы, помилованія и даже возстановленія правъ.

Это въ сущности, ничто иное, какъ расширение принципа условнаго освобожденія.

Но гдѣ гарантія того, что арестантъ, такимъ образомъ, не останется навсегда «*servus poenae*» безъ надежды, безъ упованія?

Эта гарантія могла бы заключаться въ правѣ каждаго заключеннаго переносить дѣло противъ тюремнаго начальства, въ извѣстные сроки и при извѣстныхъ условіяхъ, въ состязательномъ порядкѣ и при содѣйствіи защитника, на усмотрѣніе вышеупомянутыхъ присяжныхъ, которые и произносили бы свой окончательный приговоръ.

Надо прибавить, что въ «періодѣ наблюденія» арестантъ долженъ былъ бы находиться въ одиночномъ заключеніи, съ тѣмъ условіемъ, чтобы одиночное заключеніе, объ ужасахъ котораго и не догадываются тѣ, которые съ такой предупредительностью его рекомендуютъ, *никогда* не продолжалось дольше одного года.

Что-же касается неисправимыхъ, неизлечимыхъ чудовищъ, да простятъ мнѣ сантиментальные читатели, какова бы ни была причина ихъ настоящаго состоянія, будь то наслѣдственность, роковое вліяніе окружающей

среды — для нихъ единственнымъ раціональнымъ режимомъ является ссылка.

Это-тѣ-же мысли, которыя начертала на своемъ знамени—новая школа. Но мнѣ возразить: вѣдь это слова бывшего арестанта, который не можетъ быть безпристрастнымъ въ данномъ дѣлѣ. Конечно; прочитайте, однако, нижеслѣдующія прекрасныя строки главнаго тюремнаго директора Prins'a. Васъ поразитъ удивительное сходство взглядовъ этихъ двухъ писателей, занимающихъ столь различныя положенія въ свѣтѣ.

III.

Бельгійскій законъ, пишетъ Prins, допускаетъ одиночное заключеніе ¹⁾. Его цѣль—способствовать нравственному возрожденію преступника, устраняя его отъ вреднаго вліянія другихъ арестантовъ и оставляя его лишь въ обществѣ честныхъ людей.

Но вездѣ, на всемъ свѣтѣ—это теорія. Посмотримъ, однако, на дѣйствительность. Повсюду предполагаемые реформаторы, которые должны служить для заключенныхъ образцомъ здоровыхъ элементовъ общества—суть тюремные служители, т. е. вообще говоря преданные своему дѣлу люди, но набранные изъ того-же слоя общества, къ которому принадлежалъ и осужденный; иногда—это выбитые изъ колеи люди, не имѣющіе занятій, вынужденные служить за ничтожное жалованье, едва до-

¹⁾ Бельгійскій законъ объ условномъ освобожденіи. (Bulletin de la Société generale des Prisons, 1889).

статочное для прокормленія семьи; они сами живутъ почти также, какъ живетъ заключенный.

Нигдѣ этотъ персоналъ, не оплачиваемый такъ, какъ онъ того заслуживаетъ, не набирается изъ кого слѣдуетъ. Къ тому-же число надзирателей всегда недостаточно. По теоріи на каждаго арестанта нужно было бы имѣть нѣсколько надзирателей, преданныхъ дѣлу возрожденія падшихъ и неуклонно-трудящихся; взаменъ того на 25 — 30 арестантовъ приходится одинъ надзиратель. Эти надзиратели, по необходимости, успѣваютъ только заглянуть въ одиночную камеру, осмотрѣть работу заключенныхъ и провѣрить, соблюдаются-ли установленныя правила.

Прибавьте къ этому быстрый обходъ наставника, или священника, и Вы получите все, къ чему сводятся усилія къ нравственному возрожденію и улучшенію преступниковъ.

Госпиталь для нравственно-больныхъ, образцовое учрежденіе, о которомъ быть можетъ, мечтали квакеры Howard и Ducpetiaux, еще очень далеки отъ насъ. Теперь у насъ царитъ одиночное заключеніе и сухой формализмъ; а развѣ мыслимо, чтобы человѣкъ нисшаго класса могъ возродиться только подъ вліяніемъ одиночнаго заключенія и дисциплины?

Одиночество, на которое осуждаемъ мы себя добровольно—о, конечно, оно можетъ возвысить душу поэта, которому опротивѣлъ весь свѣтъ и который ищетъ убожища въ жилищѣ идеаловъ. Но для несчастнаго преступника — одиночество имѣетъ послѣдствіемъ то, что онъ предоставляется вполнѣ во власть своему скудному во-

ображенію и другимъ инстинктамъ; и нравственно падаетъ все ниже и ниже.

Большинству бродягъ, людей, выбитыхъ изъ колеи, нравственно расшатанныхъ, наполняющихъ тюрьмы, не доставало порядочной среды, примѣровъ солидной нравственной поддержки, можетъ быть, привязанности? А въ нихъ убиваютъ послѣднюю искру общественнаго инстинкта и мечтаютъ замѣнить и общественную среду, и все, чего имъ недостаетъ, краткимъ посѣщеніемъ надзирателей, набранныхъ изъ подонковъ общества.

Развѣ дѣтей, которыхъ учатъ ходить, держать постоянно на помочахъ и внушаютъ боязнь упасть и необходимость опираться на другихъ?

Развѣ мыслимо приучить человѣка къ общественной жизни, заключая его въ одиночную камеру, т. е. антитезу общественности, лишая его всякой нравственной гимнастики, регулируя до малѣйшихъ деталей весь его день съ утра до вечера, всѣ его движенія и даже мысли? Не значить-ли это ставить его внѣ житейскихъ условій и отучать его отъ пользованія свободой, къ которой его слѣдовало-бы приучать? Какъ, подъ предлогомъ нравственнаго перевоспитанія, заключаютъ въ тѣсную камеру дюжаго крестьянина, привыкшаго къ простору полей и къ тяжелой крестьянской работѣ; ему даютъ какую-нибудь ничтожную работу, совершенно недостаточную соразмѣрно съ его физической силой; его предоставляютъ на попеченіе надзирателей, стоящихъ иногда ниже его по социальному положенію; такъ держать заключеннаго долгіе годы и когда его тѣло и умъ потеряли всякую гибкость, передъ нимъ открываютъ тюремныя ворота, чтобы выбросить его, ослабленнаго и безоружнаго въ

борьбѣ за существованіе. Не говоримъ уже о томъ, что всякое наказаніе съ теченіемъ времени теряетъ свою тяжесть, и наступаетъ время, когда пребываніе въ тюрьмѣ, становясь привычкой, теряетъ всякое положительное значеніе.

Не надо забывать, что, конечно, въ тюрьмахъ находятся неисправимые, испорченные рецидивисты, отбросъ большихъ городовъ, которыхъ необходимо изолировать, но также находится много преступниковъ, ничѣмъ не отличающихся отъ другихъ людей, живущихъ въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ внѣ тюрьмы. Развѣ не отъ случайнаго состава присяжныхъ зависитъ иногда свобода, или заточеніе гражданина. Развѣ мы не видимъ, что преступленія изъ ревности, совершенныя при совершенно одинаковыхъ условіяхъ оканчиваются то оправданіемъ, то осужденіемъ? Разумно-ли, спрашиваю я еще разъ, примѣнять такіа противуестественныя мѣры къ людямъ, ничѣмъ не отличающимся отъ насъ? Если бы дѣло шло о томъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ хорошихъ учениковъ, хорошихъ солдатъ, или работниковъ, развѣ мы стали бы примѣнять способъ продолжительнаго одиночнаго заключенія? Какимъ-же образомъ способъ, осужденный ежедневной житейской практикой, становится полезнымъ съ того дня, когда судъ произнесъ свой приговоръ?

Физиологическій и нравственный вредъ долгаго одиночества — очевиденъ; этотъ вредъ стараются смягчить величайшей гумманностью — во внѣшнихъ приемахъ, часто доходя до того, что изъ боязни нанести ущербъ хорошимъ людямъ, доводятъ филантропію по отношенію къ дурнымъ людямъ просто до абсурда.

Въ Голландіи, напримѣръ, въ Noorn'ѣ заключенные

получаютъ утромъ, при вставаніи, горячую и холодную воду; къ ихъ услугамъ рекреационный залъ и игра въ домино; въ день именинъ короля для нихъ устраивается фейерверкъ ¹⁾. Въ Америкѣ, въ Эльмирѣ арестантамъ доставляются музыкальныя развлеченія; въ Томастонѣ имъ разрѣшаютъ устраивать митингъ для протеста противъ смертной казни; въ Иллинойсѣ они получаютъ пуддинги, бисквиты, пирожное, медъ. Словомъ удаляются отъ истинной справедливости на столько-же далеко, на сколько были отъ нея далеки старые поборники пытокъ.

Изъ всего предъидущаго видно, въ какой мѣрѣ необходимо измѣнить наши взгляды на тюремное заключеніе; на сколько необходимо юристамъ знакомиться черезъ непосредственное общеніе, съ преступниками, съ ихъ истинными наклонностями, прежде чѣмъ устанавливать законъ (см. приложение II, о необходимости преподаванія *Уголовной антропологии*).

IV.

Въ прекрасномъ, только что появившемся въ Мадридѣ трудѣ «*Vida penal en Espana*» Sellilas знакомитъ насъ съ совершенно оригинальнымъ типомъ преступниковъ, присущимъ специально Испаніи.

Въ Испаніи существуютъ *presidios*, гдѣ преступники имѣютъ сношеніе съ населеніемъ въ томъ-же родѣ, какъ съумашедшіе Гельской колоніи въ Бельгіи. Своеобраз-

¹⁾ D. Nienwenhuys, профессоръ Гронингенскаго унив. Рѣчь при открытіи: *De Gevangenisstraf* Groningen, 1884, стр., 15.

ный и въ высшей степени характерный обычай въ испанскихъ тюрьмахъ это—*cucas*. Такъ называется платоническая любовь, питающаяся одними письмами.

Заключенные обоихъ половъ, не знающіе другъ друга, не видѣвшіе другъ друга ни разу, заводятъ между собою правильныя сношенія, при посредствѣ очень остроумныхъ и любопытныхъ приемовъ. Посредствомъ писемъ они знакомятся, влюбляются, женятся и разводятся. Они становятся *cucas*. Иногда мужчина *cuca* предлагаетъ своей возлюбленной найти подругу для кого-нибудь изъ своихъ друзей и *vice versa*.

Они при этомъ переживаютъ всѣ волненія сильной страсти; ревнуютъ и иногда дерутся изъ за своихъ невѣдомыхъ возлюбленныхъ. *Cuca* очень гордится крупнымъ преступленіемъ своего друга; если онъ умираетъ, она считается вдовой.

Ventra изучалъ въ Неаполѣ *sfregio* — это — рубецъ отъ удара бритвой, нанесеннаго по строго опредѣленнымъ правиламъ.

Все въ этомъ преступленіи оригинально: среда, гдѣ оно примѣняется (*самогга*), возрастъ преступниковъ, положеніе жертвы.

Рубецъ въ формѣ креста — это знакъ безчестія для измѣнниковъ, примкнувшихъ къ полиціи, для заподозрѣнныхъ въ шпіонствѣ. Чаще всего наносятъ такой рубецъ женщинамъ — достаточно, чтобы женщина была кокеткой, или даже просто хорошенькой. Такое покушеніе ничуть не мѣшаетъ любви; напротивъ послѣ этого любовь становится крѣпче. Пострадавшая гордится рубцомъ, доказывающимъ, что изъ любви къ ней рѣшились даже на преступленіе.

Наносящій ударъ всегда молодой человѣкъ; послѣ 30 лѣтъ сами не совершаютъ такихъ преступленій; это дѣло поручается болѣе молодому, который послѣ такого покушенія, вырастаетъ въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ мнѣніи той среды, гдѣ онъ живетъ. Если онъ принадлежитъ къ *каморрѣ*, то его повышаютъ; или принимаютъ въ нее, если онъ къ ней еще не принадлежалъ.

Sfregio — не свойственно исключительно какому-нибудь одному классу, или сообществу злодѣевъ. Хотя большинство виновныхъ въ такомъ преступленіи, носятъ на себѣ отличительные признаки преступниковъ, но преступленіе это распространено среди честнаго просто-народія, среди мелкой буржуазіи и даже высшихъ классовъ; ибо всякій классъ даетъ извѣстный комплектъ ненормальныхъ людей.

Въ Сициліи не наносятъ такихъ ранъ, тамъ убиваютъ ¹⁾.

¹⁾ Actes du 1-er congrès d'Anthrop. crim. Rome. 1887.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Политическія преступленія, дѣтоубійство и пр.

I.

Уже на конгрессѣ по уголовной антропологии въ Римѣ ¹⁾ я и товарищъ мой Laschi сообщили результаты нашихъ первыхъ изслѣдованій о политическихъ преступленіяхъ; мы резюмировали антропологическіе, физическіе и социальныя факторы, которые заставляютъ человѣка страхнуть съ себя свойственную ему инертность, забыть свою ненависть къ новшествамъ и стремиться къ политическимъ революціямъ и связаннымъ съ ними особеннымъ преступленіямъ.

Дальнѣйшія изслѣдованія позволяютъ намъ изложить болѣе подробно дѣйствіе нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ факторовъ.

Прежде всего замѣтимъ, что *политическое преступленіе*, съ антропологической точки зрѣнія не столько представляетъ покушеніе на извѣстную организацію, сколько страстное сопротивленіе могущественному полити-

ческому, религіозному и социальному мизонеизму большинства.

Дѣйствительно, принимая во вниманіе, что органический и человѣческій прогрессъ идетъ медленно, посреди могущественныхъ препятствій, вызываемыхъ внѣшними и внутренними причинами, и что человѣкъ и человѣческое общество инстинктивно консервативны, слѣдуетъ признать, что попытки ускорить ходъ процесса, выражающіяся въ порывистыхъ, насильственныхъ дѣйствіяхъ—не представляютъ фізіологическихъ явленій, и хотя онѣ иногда являются необходимою для угнетаемаго меньшинства, но съ юридической точки зрѣнія, такія попытки суть антисоціальное явленіе и, слѣдовательно, преступленіе.

Но здѣсь надо различать *революціи*, которыя медленно развиваются, подготовляются, представляются неизбежными, наступленіе которыхъ быть можетъ, ускоряется какимъ нибудь геніемъ, или сумасшедшимъ и возстаніемъ—представляющія лишь продуктъ быстрого и искусственнаго высиживания, при чрезмѣрной температурѣ, преждевременное появленіе зародыша, осужденнаго, по этому, на вѣрную смерть.

Первыя можно назвать фізіологическимъ явленіемъ, вторыя—патологическимъ; первыя—никогда не считаются преступленіями, потому—что общественное мнѣніе ихъ санкціонируетъ и оказываетъ имъ поддержку; вторыя же всегда равносильны преступленію, ибо они представляютъ обыкновенный бунтъ въ большихъ размѣрахъ.

Затѣмъ существуютъ промежуточные стадіи: это—суть революціи, хотя и вызванныя дѣйствительною необходимою, но преждевременныя. Такія революціи кон-

¹⁾ См. Акты 1-го интернац. конгресса по уголовн. антроп. Rome Turin, 1886—1887 г.

чаются однако, побѣдой; но въ ожиданіи, пока наступитъ время ихъ признанія, они считаются, само собою только временно, преступленіемъ, которое въ ближайшемъ будущемъ затѣмъ становится героизмомъ и даже мученичествомъ.

✕ Наиболѣе могущественный факторъ революцій и возстаній—это климатъ. Изъ нашихъ діаграммъ видно, что горные департаменты Франціи изобилуютъ гениальными людьми и республиканцами, равнины даютъ ихъ гораздо меньше (см. діагр. 4 и 5).

II.

Раса. Уже Le Bon указалъ громадное вліяніе расы на революціи.

Во Франціи онъ замѣтилъ разницу въ характерѣ *брахицефаловъ* и *долихоцефаловъ*—первые будто-бы, преданы традиціямъ и однообразію словомъ, консерваторы, вторые—революціонеры. Но онъ преувеличилъ.

✕ Въ дѣйствительности, существуютъ долихоцефалическіе народы (Египтяне, Негры, Австрійцы, Сардинцы и др.,—мало склонные къ революціямъ, и брахицефалическіе народы (Овернцы, Румыны), наоборотъ не консервативные. 86 итальянскихъ бунтовъ (1793—1870) приходится на долю преимущественно долихоцефаловъ (Сицилія, Неаполь, Лигурія, Калабрія), хотя въ нихъ участвовало не мало и брахицефаловъ, (33,72%).

Во Франціи, сравнивая по Реклю, Топинару и Якоби карту расъ съ результатами политическихъ выборовъ за 1877, 1881 и 1885 годы, мы вывели заключеніе, что, вообще департаменты, гдѣ преобладаетъ Лигурійская

раса, даютъ больше голосовъ за республиканцевъ, также какъ и департаменты, населенные гальской расой; послѣдніе богаты и гениальными людьми (рис. 6).

Между тѣмъ Вандея, Марбианъ, Па-де-Кале, Le Nord, les Hautes и les basses Pyrenees, le Gers, la Dordogne, le Lot населены реакціонерами и насчитываютъ мало гениальныхъ людей.

Существуютъ, однако, особыя условія, напримѣръ, скрещиваніе нѣсколькихъ расъ, дѣлающія вліяніе расы еще болѣе выдающимся и активнымъ.

Таковы Іонійцы, которые, смѣшавшись съ азіатскими народами (Лидійцами, Персами), стали болѣе революціонными и болѣе развитыми, нежели Дорійцы; тоже мы видимъ и въ наше время на Японцахъ, болѣе подвинувшихся по пути прогресса, нежели Китайцы, несомнѣнно вслѣдствіе смѣшенія съ малайскими расами.

Прививкой германской крови можно объяснить развитіе цивилизаціи въ Польшѣ, а, можетъ быть, и то явленіе, что Франкконте дало наибольшее число революціонеровъ въ научной области (Нодье, Фурье, Прудонъ, Кювье).

Перемѣна климата, такъ сказать климатическое скрещиваніе, влечетъ за собою такія-же послѣдствія.

Перемѣна климата подняла семитовъ въ Европѣ на такую высоту генія, какой они не достигали въ Азіи. Она-же превращаетъ Агло-саксонца въ американца, болѣе свободолюбиваго и болѣе гениальнаго.

Франція представляетъ замѣчательное соотношеніе между расой и гениемъ. Гений преобладаетъ тамъ, гдѣ преимущественно живетъ германская раса (Marne, Meurthe и Moselle, Haute-Marne, Aisne, Seine и Oise и проч.)

тогда какъ въ департаментахъ, гдѣ преобладаетъ иберійская раса (Basse и Haute Pyrenées, Ariege, Gers, Lands) или самая чистая кельтійская раса (Morbigan, Vandée, Vienne, Charante и проч.) гении встрѣчаются рѣже. Но даже и здѣсь нѣтъ недостатка въ притворѣчійхъ; на примѣръ (какъ мы доказываемъ въ l'Homme de Genie), потомки Бургундцевъ даютъ много гениальныхъ людей въ Юрѣ и Дубѣ, и очень незначительное число въ Сонѣ и Лоарѣ. Одна и таже раса въ Верхней Гароннѣ даетъ въ 10 разъ больше гениевъ, чѣмъ въ Ариѣжѣ, вдвое больше, чѣмъ въ Пьерѣ, и въ 5 разъ больше, чѣмъ въ Ландахъ.

Въ Жирондѣ ихъ вдвое больше чѣмъ въ Лангедокѣ, а въ Геро въ 7 разъ больше, чѣмъ въ Лозерѣ. Во всякомъ случаѣ, въ общемъ пять департаментовъ изъ восьми, (66%) дающихъ наибольшее число гениальныхъ людей, населены бельгійской и гальской расами (последней принадлежитъ 19% талантливыхъ людей).

Иберійская раса, также какъ и кимврская, съ которой она не имѣетъ ничего общаго, даютъ крайне незначительныя цифры (фиг. 10).

Сравнивая географическое распредѣленіе гениальности во Франціи съ результатами политическихъ выборовъ въ вышеуказанныя годы, видно, что гениальность идетъ рука объ руку съ республиканскими наклонностями.

Плотность населенія. Легко понять, что тамъ, гдѣ населеніе скучено, именно въ городахъ, какъ-то указалъ впервые Якоби, политическія волненія должны встрѣчаться чаще, ибо въ большихъ центрахъ страсти возгораются легче вслѣдствіе взаимныхъ столкновений;

и примѣръ распространяется легко. Сюда присоединяется еще въ большихъ рабочихъ центрахъ плохо умиротворяющее вліяніе гениальныхъ людей и очень опасное вліяніе выбитыхъ изъ колеи, преступниковъ, которые ищутъ во время политическихъ волненій возможности возвыситься, или дать полную волю своимъ извращеннымъ инстинктамъ.

Затѣмъ, въ очень населенныхъ центрахъ надо считаться съ эндемической неврастеніей; такъ Beard нашелъ, что жажда наживы, возбуждающая страсти пресса, политическая агитація—все это благопріятствуетъ развитію неврастеніи среди всѣхъ почти Нью-Йорскихъ гражданъ; а это въ свою очередь способствуетъ революціямъ (фиг. 8).

При изученіи отношенія между плотностью населенія и монархическими голосованіями во Франціи оказалось, что въ департаментахъ съ наибольшей плотностію населенія общественное мнѣніе болѣе склонно къ республиканскимъ воззрѣніямъ (фиг. 7). Дѣйствительно Нижнія Альпы, Ланды, Индрѣ, Шерѣ, Лозерѣ, населеніе которыхъ не превышаетъ 40 жителей на 1 квадрат. километръ, въ политическихъ выборахъ за 1887, 1881 и 1885 годы дали значительное количество голосовъ монархической партіи.

Тоже самое замѣчается по отношенію къ департаментамъ Вогенъ, Верхнихъ Пиринеевъ, Герѣ, Авейрона и др., имѣющихъ 60 жителей на 1 квадрат. километръ.

Не менѣе любопытны выводы, полученные при изученіи отношеній между революціями и гениальностью,

являющейся признакомъ и слѣдствіемъ развитія. Замѣчено, что высокое развитіе и революція особенно часты у промышленныхъ народовъ (фиг. 9) и у болѣе умныхъ народовъ, какъ напримѣръ во Флоренціи, Парижѣ, Женевѣ, прозванной въ 1500 году городомъ недовольныхъ и несомнѣнно бывшей самымъ цивилизованнымъ городомъ Швейцаріи.

Тоже было и въ Греціи съ Афинами, городомъ столь склоннымъ къ революціямъ и насчитывавшимъ, въ цвѣтущую эпоху цивилизации, 56 знаменитыхъ поэтовъ, 21 оратора, 12 историковъ и литераторовъ, 14 философовъ и ученыхъ и 2 такихъ выдающихся законодателей, какъ Драконъ и Солонъ, тогда какъ Спарта почти не знала революцій и геніевъ, (по Schal'ю не болѣе двухъ геніевъ); здѣсь, впрочемъ, несомнѣнно оставалось не безъ вліянія и орографическое положеніе этихъ городовъ.

Обиліемъ геніальныхъ людей наряду съ очень развитой культурой объясняется сильное развитіе цивилизации въ Польшѣ и ея политическая неустойчивость, вызвавшая впослѣдствіе ея паденіе, не смотря на то, что Польша обладала всѣми антиреволюціонными свойствами, будучи расположена на равнинѣ, въ холодномъ климатѣ, населенная славянской, и, слѣдовательно, брахицефалической расой.

По той-же причинѣ (незначительной плотности населенія) земледѣльческіе департаменты насчитываютъ мало республиканцевъ, а промышленные департаменты—много.

Женщины принимаютъ большое участіе въ стачкахъ (Zolá) и въ возстаніяхъ, и незначительное участіе—въ революціяхъ. Статистика даетъ для коммуны 27% жен-

щинъ. тогда какъ въ итальянской революціи число ихъ не превышало 1%; тоже замѣчается и по отношенію къ геніальности. встрѣчающейся у женщинъ, какъ исключеніе, даже въ области искусствъ. Однако женщины принимали большое участіе въ христіанскомъ движеніи, а въ настоящее время участвуютъ въ нигилистическомъ движеніи. но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ ихъ побуждаетъ надежда на улучшеніе своей участи и на уравниеніе права. Замѣтимъ, что славянская женщина образованнѣе всѣхъ другихъ европейскихъ женщинъ и что большее число холостяковъ заставляетъ ихъ искать себѣ иной дѣятельности.

Съумасшествіе и преступность находятся въ прямомъ отношеніи съ числомъ республиканскихъ голосовъ.

Присутствіе одного геніальнаго помѣшаннаго Кола ди-Ріенци, или одного великаго генія, какъ Marcel и даже человѣка не геніальнаго, а просто хитраго и преступнаго, какъ Буланже, Катилина. Донато, Корси, Сакетти и др., достаточно для возбужденія большихъ политическихъ волненій.

.

III.

Наконецъ, укажемъ на сочиненіе Balestrini, который примѣняетъ наши основныя начала къ уголовной теоріи выкидыша (Dell'aborti e dell'infanticide, 1888).

Онъ доказываетъ, что наказаніе въ этомъ случаѣ должно быть значительно уменьшено, ибо зародышъ, въ особенности въ первые мѣсяцы, представляетъ для

современнаго общества, свободнаго отъ теологическихъ воззрѣній, скорѣе животное, чѣмъ человѣка, и это, если позволено такъ выразиться, скорѣе животное-убійство, чѣмъ человекоубійство.

Tarde, Sarraud, Дриль первые пытались примѣнить нашу новую отрасль знанія къ юридическимъ вопросамъ, равно какъ Ferri и Garofalo, которыхъ можно причислить къ французамъ, судя по ихъ сочиненіямъ. Въ особенности укажу на *Riparazione del danno* Garofalo, изслѣдованіе, которое должно разсѣять страхи, высказанные Maxime Du-Camp'омъ относительно опасности нашей школы. Въ этомъ сочиненіи изслѣдуются средства, какими можно было бы покрывать убытокъ, причиненный правонарушеніемъ.

✕ Онъ предлагаетъ слѣдующее: въ преступленіяхъ противъ собственности, если преступникъ состоятеленъ, вознагражденіе, предложенное виновнымъ до, или послѣ осужденія, влечетъ за собою уменьшеніе наказанія на половину: наказаніе уменьшается лишь на четверть въ преступленіяхъ противъ личности. Если вознагражденіе получено потерпѣвшимъ путемъ суда, то осужденный не пользуется никакимъ сокращеніемъ срока наказанія.

Если пострадавшій отказывается принять вознаграж-

¹⁾ И въ этомъ случаѣ благоразумно дѣлать льготы; тогда преступникъ будетъ имѣть основаніе не сопротивляться законными и незаконными средствами взысканъ.

Примѣч. ред.

деніе за понесенный имъ ущербъ, то предложенная сумма переходитъ въ штрафную кассу; также поступаютъ и въ томъ случаѣ, если пострадавшій самъ отвѣтственъ за совершенное преступленіе. Касса могла бы выплачивать вознагражденіе пострадавшимъ, въ случаѣ несостоятельности преступника ¹⁾. ✕

¹⁾ Такимъ образомъ преступленія, совершаемыя изъ мести и злобы, чтобы заставить потерпѣвшаго пострадать матеріально, (напр. поджогъ нежилago строенія) потеряли бы смыслъ и уменьшились бы (ср. Гражданскій искъ Л. Берлина. 1888. Спб. стр. 36, № 25).

Прим. ред.

thropologie criminelle de Buenos Ayres; первое общество, посвященное новой отрасли знаний; оно уже имѣетъ свой специальный музей и насчитываетъ среди своихъ членовъ нѣсколько громкихъ именъ (Pineto, Drago, Ramoо, Mejia и друг.).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КОНГРЕССЫ, ЖУРНАЛЫ, АНТРОПО-ЮРИДИЧЕСКІЯ ОБЩЕСТВА.

I.

Успѣхи уголовной антропологіи подвинулись значительно дальше изученія деталей, интересующихъ лишь ученыхъ; они переступили весьма возвышенные, но слишкомъ эгоистическія цѣли чистой науки. Ко времени перваго конгресса уголовной антропологіи, для распространенія нашихъ идей существовало лишь одно обозрѣніе: [1) *Archivio di psichiatria, scienze penali e anthropologia criminale*, теперь мы имѣемъ *Anomalo Zuccarelli*; *Archivio di freniatria* Reggio, *Rivista d'Anthropologia criminal* Talladriz (Испанія), *Archives d'Anthropologie criminelle* Lacassagne'я, *Архивъ психіампін* Мержеевскаго и *Архивъ Ковалевскаго*, *Юридическое обозрѣніе*, издающееся въ Москвѣ, *Mémoires de la Société d'anthropologie* въ Брюсселѣ. Сюда-же надо присоединить *Bulletins de la Société d'anthropologie*, въ которыхъ Manouvrier, Fallot, Letourneau и Bordier блестяще отстаивали наши идеи; сюда же относятся: *Revue de la réforme judiciaire* Iauvrot'a, *Revue Scientifique*, которое всегда однимъ изъ первыхъ пропагандируетъ новыя идеи. *Bulletin de la nouvelle Société d'an-*

II.

Не могу обойти молчаніемъ конгресса юристовъ въ Лембергѣ, въ 1889 году, гдѣ Rosenblatt разобралъ «Психологическія причины преступленій», Erzynnschi сообщилъ объ успѣхахъ новой антропологической школы, Butzinsky говорилъ «о тюрьмахъ съ точки зрѣнія новой школы». Но первымъ юридическимъ конгрессомъ, который дѣйствительно поставилъ на разрѣшеніе вопросы, выдвинутые новой юридической школой, былъ конгрессъ въ Лиссабонѣ, открытый 4 апрѣля 1889 года. *

Первый вопросъ былъ поставленъ такъ: должно-ли отправленіе правосудія совершаться бесплатно, главнымъ образомъ въ дѣлахъ опекунскихъ и уголовныхъ. Конгрессъ постановилъ, что отправленіе правосудія, представляя общественную функцію, должно быть по всемъ дѣламъ безвозмезднымъ; это постановление было принято почти единогласно, только два голоса высказались противъ него.

Пятый вопросъ заключался въ слѣдующемъ: должно-ли вознаграждать оправданныхъ подсудимыхъ? Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, полагается-ли вознагражденіе всякому оправданному, или лишь тому, кого судъ признаетъ невиновнымъ? Единогласно было принято слѣдующее постановленіе: государство обязано вознаграж-

дать всякаго подсудимаго, или обвиненнаго, полная невинность котораго выяснилась установленнымъ судебнымъ порядкомъ, безразлично когда, въ теченіе ли процесса, предварительнаго слѣдствія, или послѣ осужденія, или въ постановленіи о преданіи суду, или-же наконецъ во время пересмотра дѣла судьей, который долженъ постановить приговоръ.

Исключаются тѣ, которые по своей ошибкѣ, или своими поступками, дали поводъ къ обвиненію, или вызвали преслѣдованіе ложными заявленіями, не соотвѣтствовавшими дѣйствительности; или какими либо другими способами вызвали совершеніе юридической ошибки.

Десятый вопросъ заключался въ слѣдующемъ: въ какомъ смыслѣ необходимо исправить уголовные кодексы по отношенію къ уголовной отвѣтственности виновнаго и по вопросу о невмѣняемости, чтобы ученіе, положенное въ основаніи закона, согласовалось съ положеніями современной психологіи, уголовной антропологіи и душевной патологіи, а также удовлетворяло бы необходимой для общества гарантіи отъ преступниковъ?

Докладчикомъ былъ докторъ Ant. Augusta Chrispiani da Jonsesa, судья въ Meda; выводы его секція уголовного права выразила слѣдующимъ образомъ.

1) Уголовные законы должны имѣть въ виду не только умалишенныхъ, но и тѣхъ, которые, не будучи вполне сѣумашедшими, не могутъ, однако, считаться вполне отвѣтственными за свои дѣйствія.

2) Безусловно умалишенный, по установленіи его невмѣняемости, при помощи медицинскаго испытанія и при помощи всѣхъ другихъ законныхъ средствъ, дол-

женъ быть заключенъ въ госпиталь, или въ какое-либо другое убѣжище, пожизненно.

3) Лишенные ума не вполне, но и не вполне вмѣняемые, опасные для другихъ, должны быть судимы и временно заключаемы въ заведенія для того предназначенныя.

Эти постановленія были приняты большинствомъ голосовъ на конгрессѣ; они вполне согласны съ ученіемъ нашей школы.

III.

Здѣсь я долженъ напомнить, что Institut de France присудилъ премію г-ну Жоли за критическій этюдъ о новой школѣ. Юридическій факультетъ въ Гейдельбергѣ назначилъ для годичнаго конкурса студентовъ тему: «Юридическія примѣненія открытій профессора Lombroso относительно преступнаго чловѣка».

Укажу еще болѣе значительный успѣхъ: недавно основанъ «международный союзъ уголовного права», начертавшій на своемъ знамени практическіе выводы нашего ученія, а именно: чтобы ознакомиться съ преступностью, надо изучать преступниковъ; что предупредительныя мѣры, по отношенію къ преступленіямъ, столь-же дѣйствительны, какъ и наказанія, что уголовные суды и тюремная администрація преслѣдуютъ одинаковыя цѣли, что сила приговора зависитъ оттого, какъ онъ приводится въ исполненіе, что изолированіе, стадія наказанія, принятая современнымъ правомъ, не рациональна; что заключеніе въ тюрьму на короткіе сроки должно быть замѣняемо другими наказаніями,

что надо различать случайныхъ преступниковъ и привычныхъ преступниковъ и что для послѣднихъ, если дѣло идетъ о повтореніи мелкихъ проступковъ, слѣдуетъ удлинять сроки наказанія.

Эти десять заповѣдей, подписанныя тремястами самыхъ выдающихся европейскихъ юристовъ, разрушаютъ всю старую юридическую метафизику. Дѣло началось всего шесть мѣсяцевъ тому назадъ, и уже имѣются серьезные доклады Garofalo, Prins'a, Lammat-sch'a, Listz'a, а 3 августа 1889 года они уже собрались въ Антверпенѣ на конгрессъ, чтобы добиться (по выраженію президента профессора Prins'a) соглашенія уголовного законодательства съ данными антропологическихъ и социологическихъ изслѣдованій.

Все согласны, что случайнымъ преступникамъ, дебиантамъ, которые еще не были осуждены, тюрьма приносить болѣе вреда, чѣмъ пользы. Предлагали замѣнять тюрьму различными мѣрами: выговоромъ (какъ въ Англіи и Италіи), домашнимъ арестомъ, реформированной системой штрафовъ, общественными работами на открытомъ воздухѣ и болѣе широкимъ примѣненіемъ системы условнаго осужденія, которое даетъ возможность осужденному за случайное преступленіе, собраться съ нравственными силами и избѣжать развращающаго сосѣдства рецидивистовъ и привычныхъ преступниковъ.

Единогласно была принята поправка Garofalo: «Собраніе рекомендуетъ примѣненіе принципа условнаго осужденія, настаивая на необходимости установить его границы, сообразно мѣстнымъ условіямъ и принимая во вниманіе чувства и нравственное развитіе народа».

Честъ и слава Du-Namel'ю, Prins'у, которые сдѣ-

лали первые шаги на этомъ пути. Честъ и слава всѣмъ тѣмъ благороднымъ умамъ, движимымъ могучимъ теченіемъ новыхъ истинъ, которые отказались (что рѣдко встрѣчается у людей вообще, а еще рѣже у ученыхъ) отъ убѣжденій, сложившихся въ юности, укрѣпившихся съ ихъ славою и поэтому вдвойнѣ для нихъ драгоценныхъ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ не признаютъ своего происхожденія и протестуютъ противъ родства съ нами. Но это лишь рѣдкія исключенія; да, кромѣ того, если, подобно намъ, ратуешь за идею, то какое намъ дѣло до того, что данной личности не воздаютъ должнаго; достаточно, если признается знамя; развѣ не такова общая участь на свѣтѣ: сыновья, вырастая, оставляютъ родителей, тогда какъ послѣдніе никогда не забываютъ своихъ дѣтей.

Для насъ это забвеніе само по себѣ служить доказательствомъ побѣды; оно указываетъ на нашу зрѣлость.

IV.

Но счастье не приходитъ одно; я вижу на горизонтѣ еще одно новое примѣненіе.

Manouvrier, въ одинъ изъ пророческихъ моментовъ, какіе бываютъ у гениальныхъ людей, сказалъ недавно, что существуетъ не только уголовная антропология, но должна народиться антропология историческая, социальная.

Пророчество это осуществилось. Тэнъ и Ренанъ уже создали историческую антропологию. Agnanio, Lessona, Fioretti сдѣлали попытку примѣнить антропологию къ гражданскому праву, въ особенности, къ завѣщаніямъ, правамъ наслѣдованія и разводу. И если въ этихъ по-

выхъ примѣненіяхъ наша наука потеряетъ свое имя и станетъ называться *соціальной, юридической антропологіей*, то въ добрый часъ; мы дорожимъ торжествомъ нашихъ идей, а не ихъ названіемъ.

Я до сихъ поръ не упомянулъ о *конгрессахъ уголовной антропологіи* въ Римѣ и въ Парижѣ. Отчеты перваго уже обнародованы, а отчеты втораго вскорѣ появятся.

Быстрота, поспѣшность съ которой печатаются послѣдніе отчеты не позволили включить ихъ въ настоящій трудъ.

Эти отчеты лучше всякихъ фразъ подтверждаютъ значеніе новой науки. Но они не могутъ засвидѣтельствовать одного явленія, которое однако извѣстно всѣмъ. собравшимся на конгрессъ въ Парижъ въ 1889 году, а именно, что благодаря гостепріимству г-на Тевене, министра юстиціи, Гербеттѣ, Бруарделя, Русселя, Моте, Маньяна, Роланда Бонапарте и мн. др. французская любезность проявилась во всемъ своемъ блескѣ.

П Р И Б А В Л Е Н І Е I.

Отвѣтъ г-ну Гильо.

Адольфъ Гильо (Guillot) въ своей замѣчательной книгѣ: «*Les prisons de Paris et les prisonniers*», утверждаетъ, «что онъ не вѣритъ въ неизбѣжную зависимость преступника отъ его физической природы: «Если-бы изучали человѣка гораздо раньше, чѣмъ онъ сдѣлался преступникомъ, говорить онъ, то были-бы поражены измѣненіями, которыя производятъ даже физически преступленіе съ его послѣдствіями».

Но онъ забываетъ, что мы встрѣчали эти аномаліи у дѣтей, и что у дѣтей мы нашли большее количество аномалій, нежели у юношей.

Гильо устанавливаетъ на основаніи своихъ личныхъ многочисленныхъ наблюденій, что преступникъ въ 9 случаяхъ изъ 10, обдумываетъ свое преступленіе.

Я придерживаюсь почти такого-же взгляда; во многихъ случаяхъ, но не такъ часто, какъ кажется, преступникъ обдумываетъ свое преступленіе, обсуждаетъ его; но онъ не можетъ удержаться отъ совершенія преступленія, хотя самое поверхностное разсужденіе должно бы его удержать отъ этого.

Въ этомъ и заключается аномалія: разсужденія пре-

стунника, увы! очень поверхностны. Въ нихъ всегда имѣется пробѣлъ, благодаря которому рано, или поздно преступникъ попадаетъ въ руки правосудія; ибо случаи такихъ хитрыхъ преступниковъ, которые уничтожили-бы все слѣды своихъ преступленій, представляютъ рѣдкое исключеніе.

Да и въ этомъ случаѣ виновно скорѣе правосудіе, столь слабо вооруженное противъ преступленій въ силу, именно, недостаточнаго знакомства съ психологіею и антропологіею. Если такіе опытные слѣдователи, какъ Гильо, искренне вѣрятъ угрызениямъ совѣсти такихъ преступниковъ каковы: Abbadie, Gamahut и Maichandon въ такой мѣрѣ, что, когда они совершаютъ новыя безчинства, то это приписываютъ раскаянію (стр. 155), тогда нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что весьма часто они не въ состояніи разыскать даже самыхъ глупыхъ преступниковъ.

Для подтвержденія своего положенія Гильо цитируетъ случай, который могъ бы имѣть въ самомъ дѣлѣ рѣшающее значеніе. Г. Рукавишниковъ одинъ изъ величайшихъ филантроповъ, основавшій колонію своего имени для малолѣтнихъ преступниковъ, рассказывалъ на римскомъ конгрессѣ, что, сравнивая фотографіи молодыхъ преступниковъ при ихъ поступленіи въ колонію и при ихъ выходѣ, онъ замѣтилъ улучшеніе въ чертахъ лица, соотвѣтственно улучшенія поведенія: у большинства черты лица теряли свойственное имъ выраженіе угрозы, нахальства, злобы, и пріобрѣтали болѣе мягкое выраженіе. Но онъ ошибался; не то, чтобы онъ искажалъ истину; это одинъ изъ лучшихъ, искреннѣйшихъ филантроповъ; но онъ находился подъ вліяніемъ своего

великаго дѣла, которое я тоже считаю не бесполезнымъ. Онъ намъ предоставилъ въ Римѣ фотографическій альбомъ. Я собралъ комиссію, въ которой принималъ участіе и г. Рукавишниковъ, для изученія этого альбома. Изъ отчета этой комиссіи видно, что при 61 случаѣ замѣчалось

въ 22 случаяхъ улучшеніе чертъ лица

въ 14 случаяхъ ухудшеніе

въ 25 случаяхъ безъ переменъ.

Изъ 14-ти лицъ, у которыхъ черты лица стали хуже, трое нравственно улучшились; изъ 22 случаевъ улучшенія фizioноміи, въ 3 случаяхъ было нравственное ухудшеніе, и эти цифры установлены самимъ г. Рукавишниковымъ.

Но такъ какъ Гильо самъ приходилъ въ соприкосновеніе съ фактами, то лучше спорить съ нимъ самимъ. Достаточно привести буквально имъ самимъ написанныя страницы, въ которыхъ прекрасно описаны врожденные преступники, обнаруживавшіе свои преступныя наклонности въ ранней молодости.

«Изъ всехъ преступниковъ, имена которыхъ пріобрѣли извѣстность, дающую намъ право цитировать ихъ, не нарушая профессиональной тайны, я не знаю ни одного, который, не смотря на молодость, не побывалъ-бы уже въ тюрьмѣ, или по крайней мѣрѣ не заслуживалъ-бы этого. Вначалѣ проступки бывали незначительные и легкомысленные, затѣмъ ихъ смѣняли болѣе тяжкіе и обдуманые проступки, которые въ свою очередь вели къ преступленіямъ. Въ 17 лѣтъ Marchandon, убійца-лакей, дебютируетъ кражей, совершенной въ замкѣ

своихъ господъ; уликъ было недостаточно; безнаказанность ободрила его, 17 дней предварительнаго заключенія не исправили его; едва вышедши изъ тюрьмы, онъ совершаетъ кражу въ другомъ домѣ; на этотъ разъ его присуждаютъ къ 3 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія; а вскорѣ затѣмъ за болѣе серьезную кражу—къ 13 мѣсяцамъ заключенія. Четверо молодыхъ людей, изъ которыхъ старшему было 20 лѣтъ, среди бѣлаго дня являются къ г-жѣ Ballerich, набрасываются на нее въ ту минуту, когда она отворяетъ имъ дверь, душатъ ее и убиваютъ ударами ножа; они всѣ были осуждены; сынъ жертвы, полицейскій комиссаръ въ Парижѣ, основательно сказалъ имъ, грозя пальцемъ: «Всѣ вы презрѣнные; не знаю, чтобъ я сдѣлалъ съ вами, если бы меня не удерживало уваженіе къ суду; но вашъ часъ пробѣтъ, будьте покойны; ты, негодяй! я тебя хорошо знаю, я тебя уже отправлялъ въ участокъ за то, что ты участвовалъ въ ночномъ нападеніи; ты, язва нашего околотка, а тебя я видѣлъ въ дурной компаніи».

Но для чего эти цитаты, когда дѣло идетъ объ общемъ законѣ, который подтверждается каждымъ слѣдственнымъ дѣломъ.

Что касается тѣхъ, у которыхъ справка о судимости чиста, которые на первый взглядъ противорѣчатъ теоріи прогрессирующей испорченности, то и на нихъ можно прослѣдить, какъ они быстро двигаются къ апогею порока; начиная съ любострастія, лѣности, эгоизма, они теряютъ уваженіе ко всему, освобождаются отъ всякой обязанности, отбрасываютъ всякое вѣрованіе и исполнѣ отдаются своимъ страстямъ.

Вотъ двое 30-ти лѣтнихъ преступника: Blin и Beghen,

о которыхъ много говорить аббатъ Мочеаи, описывая Ла-Рокетъ; одинъ—французъ, другой—бельгіецъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ воскресенье въ то время когда магазины Пале-Рояля закрыты, они пробрались въ ювелирный магазинъ, задушили прислугу и убѣжали, набравъ полныя руки драгоценностей, которыя спустили въ Брюсселѣ. Въ прошломъ они были чисты предъ судомъ, но ихъ жизнь представляла ничто иное, какъ цѣпь дурныхъ проступковъ; одинъ изъ нихъ былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ, при очень подозрительныхъ обстоятельствахъ; долженъ былъ оставить свою родину и не могъ ужиться ни на одномъ мѣстѣ вслѣдствіе крайней непорядочности своихъ поступковъ. Другой былъ лѣнтяй, лжецъ, буянъ, измѣнникъ всѣмъ своимъ обязанностямъ, раззорилъ своихъ родителей, покинулъ жену и исполнѣ созрѣлъ для всякаго нечистаго дѣла. Примѣръ двухъ молодыхъ убійцъ Lebigre и Barre не менѣе поразителенъ; и у нихъ не было судебнотуголовныхъ antecedentовъ, но они вели безпорядочную жизнь и отказались отъ всѣхъ принциповъ, которые могли бы ихъ поддержать. Самъ Barre, въ одномъ изъ слѣдственныхъ показаній, прекрасно анализируетъ нравственное состояніе своего товарища.

Онъ ничего не уважалъ, говорить Barre, смѣялся надъ моими угрызеніями; я ихъ еще тогда ощущалъ. Къ добру и ко злу онъ относился совершенно безразлично; онъ проклиналъ свою семью; говоря о матери, онъ употреблялъ самыя оскорбительныя выраженія; онъ не вѣрилъ въ Бога, ни во что. Завидѣвъ священника, онъ готовъ былъ нанести ему оскорбленіе; еще за долго до преступленія, онъ говорилъ, что намѣренъ основать

газету, чтобы издѣваться надъ религіей; его политическія убѣжденія были для меня отвратительны; грабежъ убійство, коммунизмъ; вотъ что ему нравилось. Когда его спросили: преступленіе, совершенное вами, не было внезапнымъ; оно не было вызвано случайными обстоятельствами, а было логическимъ послѣдствіемъ цѣлаго ряда дурныхъ поступковъ и медленнаго извращенія вашей совѣсти? онъ отвѣчалъ: это правда, я былъ увлекаемъ постепенно. Что касается Lebigre, то одна особа, хорошо его знавшая, рисуешь его слѣдующимъ образомъ:

«Мнѣ казалось, что въ лицѣ очень пренебрегали его нравственнымъ воспитаніемъ. Лишенный принциповъ, которые поддерживаютъ и руководятъ въ трудную минуту жизни, онъ переносилъ свое несчастіе съ какимъ-то фанатизмомъ и горькой улыбкой; онъ, по обыкновенію, читалъ газеты самой крайней окраски и на жизнь смотрѣлъ, казалось, какъ, на веселое времяпрепровожденіе, котораго рано, или поздно добиваются смѣлые и ловкіе люди, которыхъ онъ охотно приводилъ въ примѣръ».

До того дня, когда молодой виноторговецъ Foullay застаешь своего хозяина въ погребѣ и бутылкой разбиваетъ ему черепъ, чтобы его обокрасть, онъ не былъ судимъ; но слѣдствіе установило, что до прибытія въ Парижъ Faullay совершилъ на фермахъ, гдѣ служилъ раньше, много мелкихъ кражъ, за которыя его не преслѣдовали. Его земляки говорили, что онъ хитеръ, что у него много пороковъ. Онъ очень ловко защищался, былъ уменъ, умѣлъ устраивать свои дѣла и очень ловко выпутывался, когда попадался въ просакъ. Много разъ, говорилъ одинъ изъ земляковъ, я ему предсказывалъ, что онъ кончитъ каторгой; сверстники избѣгали его;

онъ любилъ читать дурныя книги, выписалъ изъ Парижа: «Les brigands célèbres» и всегда обнаруживалъ страсть зашибить деньгу.

Укажу еще на одного преступника, 50-ти лѣтъ, отца 17 дѣтей, соблазнившаго собственную дочь, котораго присяжные нѣсколько лѣтъ тому назадъ признали виновнымъ въ дѣтоубійствѣ и производствѣ выкидыша; въ его прошломъ нѣтъ ни одного уголовного дѣла; но жизнь его представляетъ длинный рядъ дурныхъ поступковъ: онъ началъ съ того, что былъ игрокомъ и жуиromъ; потомъ, когда его дѣла пошли дурно, онъ искалъ развлеченіе въ самыхъ постыдныхъ порокахъ; это былъ человекъ замѣчательно умный и очень энергичный; его погубилъ развратъ и сдѣлалъ изъ него отщепенца. Свидѣтели напоминали ему, что во время коммуны онъ обратилъ на себя вниманіе необузданнымъ желаніемъ взорвать Парижъ, криками: «пока существуютъ священники, до тѣхъ поръ мы будемъ погибать!» Онъ отвѣчалъ свидѣтелямъ, гордо поднявъ голову: «Я первый открылъ огонь, и я послѣдній оставилъ поле битвы».

ПРИБАВЛЕНИЕ II.

О ПРЕПОДАВАНИИ УГОЛОВНОЙ АНТРОПОЛОГИИ И, ВЪ
ОСОБЕННОСТИ, ТЮРЬМОВЪДЕНІЯ.

1. На первой взглядъ можетъ показаться излишнимъ доказывать пользу преподаванія ученія о примѣненіи наказанія.

Имѣя въ виду, что рѣчь здѣсь идетъ о знаніяхъ, которыя могутъ рѣшать судьбу многихъ тысячъ людей и, что еще важнѣе, о занятіяхъ, въ которыхъ заинтересовано, съ точки зрѣнія своей безопасности, все общество, ^нестественна необходимость установки руководящихъ началъ для всѣхъ служащихъ пенитенціарному дѣлу и преслѣдующихъ благородную цѣль нравственнаго возрожденія преступника.

До настоящаго времени мы пробирались въ этой области ощупью и не прибѣгали къ помощи науки и еще менѣе, къ посредничеству университетскаго преподаванія.

Вообще общій законъ тотъ, что болѣе или менѣе нерѣшительная и неопредѣленная дѣятельность предшестуетъ теоріи и дидактикѣ. Слово раздается задолго до появленія грамматики; и протекаютъ сотни вѣковъ раньше, чѣмъ караули замѣняются буквами алфавита,

и затѣмъ правилами правописанія. Войны, торговля существовали задолго до того, какъ стали извѣстны ариеметика, политическая экономія, баллистика и статистика.

Лишь въ настоящее время начинаютъ преподавать исторію дѣйствительно научно, ибо то, что преподавалось прежде, было простымъ перечнемъ событій.

Уголовное право также лишь недавно приняло дидактическую форму.

Предметъ ученія о примѣненіи наказанія и о тюремовѣденіи болѣе сложенъ, но и болѣе удобенъ для преподаванія, нежели всякій другой предметъ, а между тѣмъ онъ, именно, и не преподается.

Возьмемъ, на примѣръ, архитектуру тюремъ: мы до сихъ поръ еще не знаемъ, какъ устроить камеру, или мастерскую, которые стоили бы не дорого, не вредили бы здоровью и позволяли бы заключенному проводить въ нихъ время съ пользою, не подвергаясь дурному вліянію, которое ему грозитъ при системѣ общихъ камеръ.

Подобной одиночной камеры и такихъ мастерскихъ еще не существуетъ, и въ настоящую минуту мы еще не знаемъ, какимъ образомъ слѣдовало-бы измѣнить конструкцію исправительныхъ домовъ, женскихъ тюремъ и арестныхъ домовъ, въ которыхъ невинно задержанные, или виновные проводятъ время предварительнаго заключенія.

Мы были рады слышать похвалы устройству и хозяйству извѣстныхъ пенитенціарныхъ заведеній: нѣмецкихъ, русскихъ, шведскихъ. Мы ихъ не изучали и не подвергали разбору; и это я говорю для ученыхъ, ибо знаніе такихъ вещей не касается публики. Но, зная

хорошо материальную сторону пенитенциарного учреждения, имѣемъ-ли мы также понятія и объ административной, нравственной сторонѣ его. Въ этой области мы полны страшныхъ иллюзій, какими мы до сихъ поръ полны въ области уголовного права. Мы съ плеча разрѣшаемъ вопросы, не изслѣдуя фактовъ; мы увѣряемъ себя, что извѣстное заведеніе дѣйствительно полезно, ибо его конструкція четырехъ-угольная, или продолговатая, или круглая, и потому позволяетъ изолировать преступниковъ, радикально излечивать ихъ отъ аномалій, зависящихъ отъ атавизма, травматическихъ поврежденій, или глубокаго органическаго измѣненія.

✕ Сюда присоединяется очень сложная администрація, въ особенности въ тюрьмахъ, гдѣ введенъ трудъ и гдѣ стараются обойтись безъ содѣйствія коммиссіонеровъ, всегда пагубнаго. Затѣмъ встрѣчаются большія затрудненія въ дѣлѣ удовлетворенія умственныхъ потребностей заключенныхъ посредствомъ разрѣшенія заключеннымъ бесѣдовать съ людьми интеллигентными, посредствомъ доставленія заключеннымъ книгъ изъ библіотекъ, посредствомъ организаціи религіознаго обученія, такимъ образомъ, чтобы послѣднее не привело ни къ религіозной маніи, ни къ атеизму, ни къ нетерпимости. ✕

Не думаемъ, чтобы все это можно было предъусмотрѣть и устроить при помощи нѣсколькихъ параграфовъ сухаго устава; нельзя эти задачи рѣшить и посредствомъ цѣлаго ряда статистическихъ таблицъ, которыя легко составить такъ, какъ хочется, причемъ они ни чуть не будутъ соотвѣтствовать дѣйствительности.

Всѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшены лишь при помощи детальнаго практическаго и теоретическаго изу-

ченія, причемъ придется освободиться отъ апріоризма, втершагося въ тюремную практику и много ей повредившаго.

Напомнимъ здѣсь иллюзіи, которыя еще такъ недавно существовали по этому предмету. Незачѣмъ ихъ перечислять; достаточно указать на труды Bertrani-Scalia и Prins'a ¹⁾.

Неудачи, которыя намъ пришлось пережить, зависели отъ избытка обобщеній: подъ предлогомъ устраненія самовласти, произвола, убили движеніе и жизнь. Если даже приговоры европейскихъ судовъ будутъ обрушиваться на несчастныхъ людей съ тою же правильностью, съ какою капля за каплей вода льется изъ крана на землю, то еще ровно ничего не измѣнится: приговоры теряются въ массѣ, также, какъ капли воды теряются въ пескѣ. Думать, что можно исправить зло тюремнаго заключенія—несбыточная иллюзія. Думать, что этого можно достичь кратковременнымъ заключеніемъ въ тюрьму—абсурдъ. Тюрьма больше всякаго другаго наказанія требуетъ осмотрительнаго примѣненія. Примѣненіе тюремнаго заключенія безъ разбора, по отношенію ко всякому, кто попадаетъ подъ судъ, ослабляетъ его силу, подрываетъ значеніе тюрьмы и подкапывается подъ самое основаніе пенитенциарной системы, тѣмъ болѣе, что почти невозможно давать работу заключаемымъ на нѣсколько дней, вслѣдствіе чего наказаніе прямо ведетъ къ развитію лѣни.

2. Но есть еще болѣе важный предметъ изученія—

¹⁾ См. Prins. *De la liberation conditionnelle en Belgique*, 1888.

интересный и для тюремного начальства и вообще для лицъ, примѣняющихъ наказаніе; я говорю объ изученіи преступнаго человѣка. Прежде думали, что можно изучать болѣзни, а не больного, преступленія, а не преступника.

Безполезно говорить, какъ это было гибельно, такъ какъ одно и тоже преступленіе можетъ быть совершено подъ вліяніемъ страсти, въ минуту безумія, вслѣдствіе врожденнаго порока, и, смотря по обстоятельствамъ, нужны и спеціальныя наказанія. Безполезная и дорого стоящая борьба, которую до сихъ поръ вели съ преступленіями, при постоянно возрастающемъ рецидивизмѣ, лучше всего указываетъ наши заблужденія.

Необходимость изученія преступника вытекаетъ даже изъ старыхъ принциповъ тюремовѣденія. Я имѣю въ виду интересныя наблюденія, произведенныя въ Цвикау, которыя показали, что съ преступниками надо обращаться, сообразно индивидуальности каждаго изъ нихъ и примѣняться къ характеру его, если желаютъ достигнуть сколько нибудь удовлетворительныхъ результатовъ. Какъ вы примѣните на практикѣ условное освобожденіе, или станете съ успѣхомъ управлять исправительнымъ заведеніемъ, не зная индивидуальныхъ особенностей преступниковъ?

И какимъ же образомъ изучать индивидуальность, если не организовано специальное преподаваніе науки о преступникахъ?

Вслѣдствіе отсутствія такого преподаванія, юристы и значительная часть тюремныхъ чиновниковъ смотрятъ на преступниковъ, какъ на вполне нормальныхъ людей, которыхъ постигло несчастье, какъ на призывныхъ,

которымъ вмѣсто хорошаго жребія выпалъ жребій—попасть въ тюрьму.

Естественно, что при такихъ основныхъ заблужденіяхъ необходимо ошибаются и въ принятіи мѣръ противъ преступниковъ; результатъ всего этого тотъ, что во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ Англіи и С. Америки, честные люди болѣе страдаютъ отъ расходовъ на заключеніе виновныхъ, нежели отъ ихъ проступковъ.

3. Эти изслѣдованія должны производиться, конечно, на мѣстѣ.

Весь механизмъ одиночной камеры, всѣ колеса, приводящія въ движеніе службу въ исправительномъ заведеніи, организація труда, который долженъ облегчить расходы государства, не вредя изолированности и исправленію заключенныхъ, все это можетъ быть практично лишь тогда, когда основано на фактическихъ данныхъ.

Невозможно узнать преступнаго человѣка, не видя его вблизи, что вовсе не трудно; юридическимъ баснямъ, которыми пропитана Европа, надо приписать предвзятый взглядъ, что осужденный неохотно принимаетъ посѣтителей и съ трудомъ подвергаетъ себя антропометрическому изслѣдованію, въ особенности, если имѣешь дѣло съ обыкновеннымъ преступникомъ.

Изъ любви къ наукѣ и для медицинской практики выстукиваютъ въ госпиталяхъ сотни чахоточныхъ; сотни беременныхъ женщинъ изслѣдуются молодыми студентами; въ хирургическихъ клиникахъ ощупываютъ переломленные члены, изслѣдуютъ тѣло лицъ обоего пола; и хотя посѣщенія иногда гибельно дѣйствуютъ на съумасшедшихъ, тѣмъ не менѣе мы разрѣшаемъ студен-

тамъ посѣщать психіатрическую клинику въ теченіе цѣлаго учебнаго года. Неужели-же затрудненія должны возникнуть, какъ только дѣло коснется преступниковъ?

Какъ объяснить эту манеру разсматривать дѣло на-выворотъ и притомъ какъ разъ по отношенію къ преступникамъ, которые, конечно менѣе деликатны и менѣе интересны.

Если бы наши намѣренія шадить преступниковъ были искренни, то слѣдовало бы принять мѣры не противъ упражненій на преступникахъ, а противъ опубликованія газетныхъ замѣтокъ, распространяющихъ разныя неприличныя и клеветническія подробности, сопровождая ихъ портретами обвиняемыхъ.

Мы бы должны были ограничить гласность суда присяжныхъ, которую тоже вслѣдствіе условной юридической фальши, разсматриваютъ какъ охранительницу честныхъ людей, обвиняемыхъ, слабыхъ и даже политической свободы.

✶ Подсудимаго, который можетъ оказаться честнѣйшимъ человѣкомъ, терзаютъ въ печати, называя его по имени и фамиліи; во всѣхъ газетахъ помѣщаютъ его портреты, біографію; и послѣ всего этого поднимаютъ вопль, если какой нибудь ученый, вмѣстѣ съ товарищами, желаетъ изучить фізіономію не подсудимаго, а настоящаго привычнаго преступника!

Подобное изслѣдованіе, сдѣланное хладнокровно людьми серьезными, почти никогда не даетъ повода къ неудобствамъ и не нарушаетъ дисциплины. Достаточно сказать, что въ теченіи 24 лѣтъ я вожу сотни студентовъ по тюрьмамъ Павіи и Турина, и ни разу еще не узнали объ этомъ газеты; ни одинъ заключенный не

отказывался отъ изслѣдованія, хотя имѣлъ на то полное право.

Съ другой стороны, само собою разумѣется, что нельзя дозволить изучать перваго встрѣчнаго, а тѣмъ менѣе подсудимаго если онъ не рецидивистъ, или если надъ нимъ не тяготеетъ грозное обвиненіе.

Надо также исключить заключенныхъ, которые не согласны на изслѣдованіе и которые совершили преступленіе, не указывающее на потерю нравственнаго чувства, какъ напримѣръ банкротство, нѣкоторые подлоги и т. п.

Изученію подлежатъ лишь врожденные преступники. Съ другой стороны прочіе преступники не отличаются замѣтно отъ непоступныхъ людей и не требуютъ особенныхъ попеченій.

Это изученіе надо производить съ тахи-антропометромъ Anfosso, согласно правиламъ, точно установленнымъ Tamburini и Benelli ¹⁾, дополненнымъ мною, а также руководствуясь правилами, установленными Bertillon'омъ.

Такъ какъ многіе врожденные преступники не отличаются правдивостью, то изслѣдованію должно предшествовать изученіе обвинительнаго акта. Эти посѣщенія и изслѣдованія не опасны для преступниковъ; наоборотъ, результаты этихъ изслѣдованій, сообщенные тѣмъ, отъ кого зависитъ продлить срокъ заключенія, или дать условное освобожденіе преступнику, могутъ принести только больше пользы, нежели хлопоты депутатовъ и

¹⁾ Actes du congrès d'anthropol. crim., Rome, 1888.

бюрократическія справки, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ въ этихъ случаяхъ; къ тому же подобныя посѣщенія нарушаютъ гибельную праздность заключеннаго, и во многихъ случаяхъ предупреждаютъ ошибки людскаго правосудія, или способствуютъ къ ихъ исправленію, какъ напримѣръ, въ дѣлѣ Rossi ¹⁾, осужденнаго къ пожизненному заключенію за разбой и признанному при помощи антропометрическаго и психологическаго изслѣдованія честнымъ невинно оклеветаннымъ человѣкомъ.

Это изученіе дало бы намъ также средство ввести въ курсъ тюрьмовѣденія изученіе преступнаго человѣка. Но если предубѣжденіе и условная фальшь, имѣющія еще силу, мѣшаютъ изученію преступнаго человѣка въ тюремѣ, то ничто не препятствуетъ изучать преступника, находящагося на свободѣ, а такихъ на свѣтѣ много и ихъ легко встрѣтить на каждой улицѣ. Я уже шесть лѣтъ, какъ произвожу изслѣдованія надъ подобными субъектами.

Единственное неудобство, могущее встрѣтиться при посѣщеніи тюремъ студентами, это — что невинные и честные подсудимые могутъ быть противъ воли узнаны кѣмъ либо изъ посѣтителей.

Правда, они могутъ быть узнаны и въ судѣ. Тѣмъ не менѣе слѣдовало-бы избѣгать этого, предоставляя маски всѣмъ, кто пожелаетъ, пуская студентовъ лишь въ тюремную школу и вызывая туда только тѣхъ которые сами пожелаютъ подвергнуться изслѣдованію.

¹⁾ Centuria dei criminali, 1888. I и проч.

Что касается до исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ, вопросъ этотъ еще болѣе щекотливъ и сложенъ. Я думаю, что здѣсь изслѣдованіе надо производить не иначе, какъ подъ руководствомъ наставника и свѣдущихъ директоровъ и только на лучшихъ воспитанникахъ, придавая изслѣдованію значеніе отличія, и изслѣдуя лишь дѣйствительно преступныхъ дѣтей, такъ какъ подобное изслѣдованіе можетъ дурно отразиться на дѣтяхъ честныхъ, но несчастныхъ.

Съ другой стороны было бы очень важно взглянуть и на обратную сторону медали; именно распространить эти изслѣдованія на общественныя школы, какъ то сдѣлали уже Магго и Lombroso, изслѣдуя въ видѣ наказанія, самыхъ неисправныхъ школьниковъ, и дѣлая, такимъ образомъ, первый шагъ къ заключенію ихъ въ исправительное заведеніе.

Одинъ изъ школьныхъ инспекторовъ Италіи, очень талантливый человѣкъ, г. Ruffini, убѣдившійся, насколько полезны подобныя изслѣдованія, издалъ нѣчто въ родѣ руководящаго циркуляра для собиранія отмѣтокъ въ школьныхъ журналахъ относительно нравственныхъ уклоненій дѣтей, уклоненій, существованіе которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ можетъ считаться серьезнымъ признакомъ необходимости принять предупредительныя мѣры, чтобы воспрепятствовать развитію въ ребенкѣ преступныхъ наклонностей.

Вотъ какимъ способомъ дидактическія изслѣдованія могли бы оказать услугу обществу.

Чтоже касается женщинъ, то ихъ изслѣдованіе не такъ необходимо, ибо преступность среди женщинъ распространена относительно слабо. Изслѣдованія женщинъ

можно было бы ограничить изслѣдованіемъ преступныхъ проститутокъ, которыя, приходя болѣе, чѣмъ нужно, въ соприкосновеніе съ людьми, не будутъ себя чувствовать оскорбленными этими изслѣдованіями, и ихъ стыдливость и робость не потерпятъ ни малѣйшаго ущерба.

Курсъ обученія долженъ былъ бы заключать:

а) Теоретическую часть, о тюремныхъ законахъ и правилахъ; о типахъ одиночныхъ камеръ, о тюремной обстановкѣ и проч.

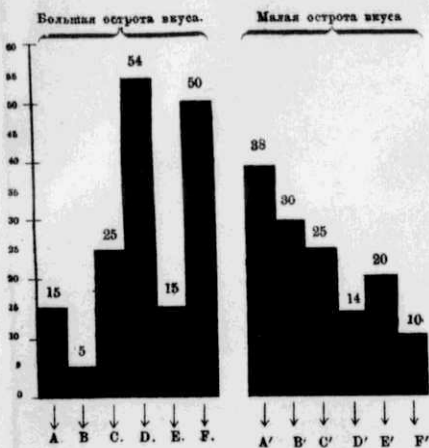
б) Изслѣдованія по уголовной антропологии и по психіатріи преступниковъ.

в) Изученіе уголовной статистики, теоріи наказанія, условнаго освобожденія, патроната и проч.

г) Чисто практическую часть, состоящую изъ непосредственнаго изслѣдованія мѣста заключенія, камеръ и проч., подъ наблюденіемъ директора, или помощника его и профессоровъ.

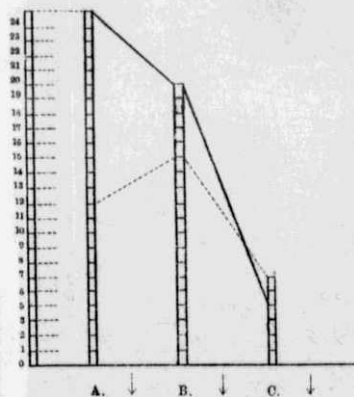
д) Списокъ, въ двойномъ экземплярѣ, въ который включались-бы результаты такихъ изслѣдованій и посѣщеній. служилъ-бы руководствомъ для комиссіи, рѣшающей вопросъ объ условномъ освобожденіи и для комиссіи тюремнаго надзора.

Фиг. 1.

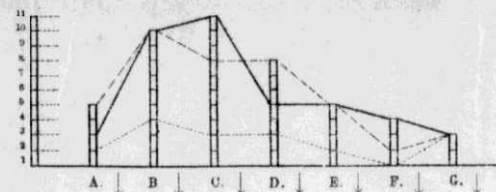


A — 60 врожденных дебилов.
 B — 20 случайных дебилов.
 C — 50 рабочих.
 D — 20 студентов.
 E — 20 преступниц.
 F — 20 нормальных женщин.
 A' — 60 врожденных дебилов.
 B' — 20 случайных дебилов.
 C' — 20 рабочих.
 D' — 50 студентов.
 E' — 20 преступниц.
 F' — 20 нормальных женщин.

Фиг. 2.



Фиг. 3.



Диаграммы распределения по департаментам (от 1 до 11).

— Гористые департаменты.
 Холмистые департаменты.
 --- Департаменты, расположенные в равнинах.

A — 25 на 1000 жителей, B — от 25 до 50 на 1000, C. от 50 до 75, D. от 75 до 100, E. от 100 до 150, F. от 150 до 200 на 1000 жит. G. свыше 200 на 1000 ж.

Фиг. 4.

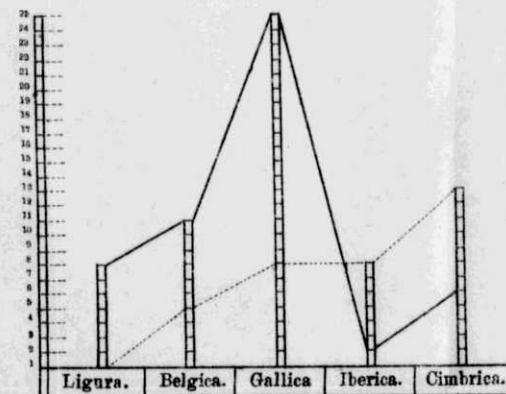
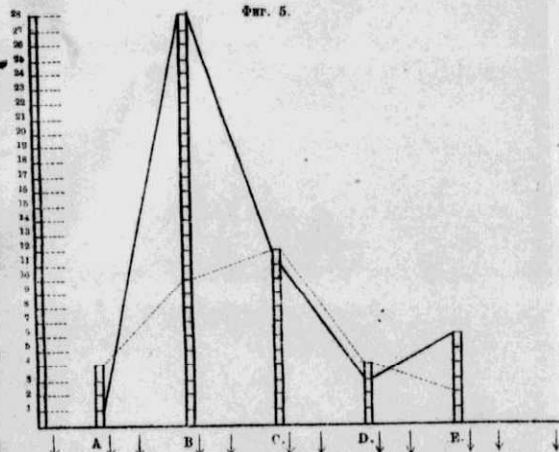


Диаграмма по департаментам (от 1 до 25).

— распрост. республик. принципов
 „ монархических „

Фиг. 5.

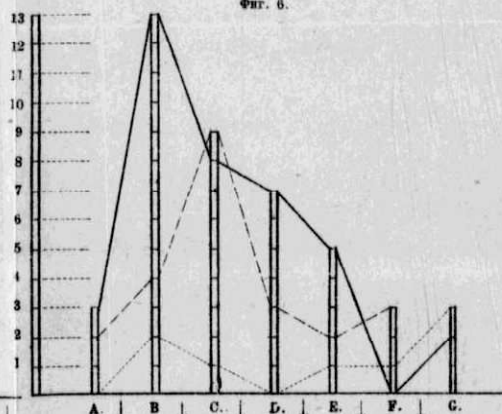


(От 1 до 28).

— распространность республиканских принципов
 „ монархич. „

A от 20 до 40 жит. на кв. килом.
 B — 40 — 60 „ „ „ „
 C — 60 — 80 „ „ „ „
 D — 80 — 100 „ „ „ „
 E выше „ 100 „ „ „

Фиг. 6.

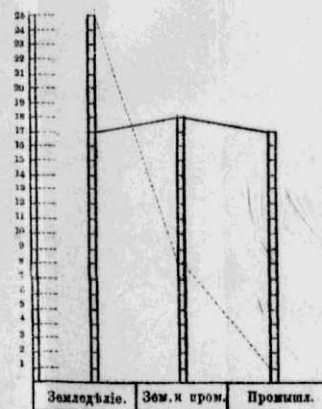


(От 1—13).

— Распространенность гомизмальных идей; плот. насел. от 40 до 60 ж. на кв. килом.
 --- id „ „ 60 „ 100 ж. на „ „
 id „ „ свыше 100 ж. на „ „

A. меньше 25 на 10.000 ж.
 B. от 25 до 50 „ „
 C. — 50 — 75 „ „
 D. — 75 — 100 „ „
 E. — 100 — 150 „ „
 F. — 150 — 200 „ „
 G. — свыше 200 „ „

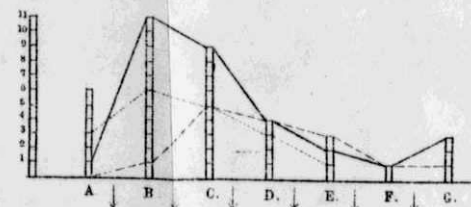
Фиг. 7.



(От 1—25).

— Распространенность республ. убжд.
 „ монархич. „

Фиг. 8.



— Распростр. Гениевъ въ галльской расы
 „ „ киммерийской „

A. меньше 25 на 10000 жит.
 B. от 25 до 50 „ „
 C. — 50 „ 75 „ „
 D. — 75 „ 100 „ „
 E. — 100 „ 150 „ „
 F. — 150 „ 200 „ „
 G. выше 200 „ „

2) **Настольная книга** для опекуновъ, попечителей и опекунскихъ учреждений. (Сборникъ законовъ объ опекѣ, съ разъясненіями Правит. Сената). 1891 г. ц. 50 к., въ коленкор. перепл. 70 к. (перес. 15 к.).

3) **Уставъ военно-судебный**, разъясненный и дополненный: законодательными мотивами, рѣшеніями Глав. Воен. Суда, приказами по воен. вѣд., циркулярами Главн. Штаба и позднѣйшими узаконеніями. Изд. 5-е. 1889 г. ц. 4 р. (перес. 30 к.).

4. **П. Менделѣевъ** (Помощ. Ревизора Тамб. Контрол. Палаты):

1) **Таблицы для исчисленія пошлинъ:** крѣпостныхъ и съ имуществъ, переходящихъ безмезднымъ способомъ. 1891 г. ц. 30 к. (съ перес.).

2) **Разсчеты количества матеріаловъ и денегъ** на постройку одежды, бѣлья, обуви и постельныхъ принадлежностей для арестантовъ, всѣхъ категорій (по числу 1—500 чел.), съ приложеніемъ разсчетовъ по снабженію обмундированіемъ тюремныхъ надзирателей (1—50 чел.). 1891 г. ц. 1 р. (съ перес.).

А. **Нолькенъ** бар. (чин. особ. поруч. при Мин. Юст.):
Сводъ разъясненій Гражд. Кассац. Департ. по вопросамъ гражд. права губерній Царства Польскаго. 1891 г. ц. 1 р. 50 к. (перес. 20 к.).

М. **П. Шрамченко** (состоящій при Мин. Юст., Старш. Пом. Об. Секретаря):

Уставъ строительный, измѣненный и дополненный узаконеніями, обнародованными по 1 Февраля 1891 г., съ разъясненіями Правит. Сената и циркулярами Мин. Мн. Дѣлъ. Составленъ по порученію Оберъ-Прокурора Угол. Касс. Деп. Сената А. О. Кони. Изд. 2, исправлен. и дополненное, 1891 г. ц. 1 р. 50 к., въ коленкор. переплетѣ, съ тисненіемъ 1 р. 80 к. (перес. 25 к.).

Новыя изданія Юрид. Книжнаго Магазина
Н. К. МАРТЫНОВА

(С.-Петербургъ, Б. Морская, № 28):

Хронологическій Сборникъ

рѣшеній Правительствующаго Сената **1866—1891 г.**

Томъ I—рѣшенія **Общихъ Собраній**—Кассац. и 1 съ Кассац. Деп., сост. подъ редакціей члена Спб. Судебн. Палаты **А. К. Гаугера**, окончень печатаніемъ. Ц. 5 р., въ плотномъ переплетѣ 5 р. 50 к., перес. 50 к.

Приступлено къ печатанію т. II, вып. 1—рѣшенія Гражд. Кас. Деп. за 1866 и 67 гг. (сост. подъ редакціей присяжнаго повѣреннаго **Л. М. Берлина**).

Основная задача Сборника — удешевить стоимость и уменьшить объемъ подлинныхъ рѣшеній, а также замѣнить ихъ совершенно, путемъ сжатаго изложенія сущности дѣла, но съ сохраненіемъ всецѣло разсужденій Сената.

Къ сборнику приложены указатели по статьямъ, фамиліямъ и разрѣшеннымъ вопросамъ. Указатели разработаны подробно и тщательно.

Подписавшіеся, чрезъ издателя **Н. К. Мартынова**, на весь Сборникъ, будутъ получать его, по мѣрѣ выхода въ свѣтъ, выпусками, съ наложеннымъ платежемъ, по цѣнѣ не болѣе 10 к. съ листа большаго формата убистаго шрифта и съ уступкою 15%, которые зачтутся при высылкѣ послѣднихъ выпусковъ рѣш. Гражд. Кас. Деп.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ.

(1 ч. X т.),

съ разъясненіями Сената (не исключая и тѣхъ, которыя имѣютъ состояться, но не будутъ еще опубликованы во время печатанія книги).

Составилъ **А. К. Гаугеръ** (членъ Спб. Суд. Палаты).

Цѣна 3 р. 50 к., въ коленкор. переплетѣ съ тисненіемъ—4 р.